

Г. В. Жирков
Л. Н. ТОЛСТОЙ —
ПУБЛИЦИСТ
Учебное пособие

Федеральный научный центр
образования и
молодежной политики

Национальный центр
образовательных и
научных публикаций

Л. Н. Толстой — публицист

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

ИНСТИТУТ
«ВЫСШАЯ ШКОЛА ЖУРНАЛИСТИКИ
И МАССОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ»

Г. В. Жирков

Л. Н. Толстой —
публицист

Учебное пособие

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

2014

ББК 76.01-923

Ж73

Печатается по решению Редакционно-издательского совета
и Учебно-методической комиссии
Института «Высшая школа журналистики
и массовых коммуникаций»
Санкт-Петербургского государственного университета

Рецензенты: д-р филол. наук В. В. Перхин (С.-Петерб. гос. ун-т),
д-р филол. наук Г. И. Щербакова (Тольяттинск. гос. ун-т)

Жирков, Г. В. Л. Н. Толстой — публицист : учеб. пособие /
Ж73 Г. В. Жирков. — СПб. : С.-Петерб. гос. ун-т, Ин-т «Высш. шк.
журн. и мас. коммуникаций», 2014. — 140 с.

Публицистическое слово Л. Н. Толстого, которому посвящено учебное пособие, звучало на весь мир. Но до сих пор публицистика великого русского писателя как целостное явление не исследована. В условиях жесткого цензурного режима Толстой, как никто другой в России, имел свободу слова и сумел высказаться по самым злободневным проблемам эпохи. В пособии впервые рассматривается основная проблематика публицистики Толстого.

Пособие предназначено студентам и преподавателям гуманитарных дисциплин и всем интересующимся русской культурой, литературой и журналистикой.

ББК 76.01-923

© Г. В. Жирков, 2014

© С.-Петерб. гос. ун-т, Ин-т «Высш. шк. журн.
и мас. коммуникаций», 2014

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	6
Глава I. Л. Н. Толстой — военный публицист	12
Глава II. «Второе рождение» Толстого	39
Глава III. «Сказать всю правду и только правду...»	69
Глава IV. Политические письма Толстого	99
Ухватистое перо (вместо заключения).....	127
Использованная литература	129
Контрольные вопросы	136
Рекомендации	137
Научные публикации автора по теме	138

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Для людей, которым предстоит упорный умственный труд, — уверял Толстой в одном из писем 1873 г., — есть две опасности: журналистика и разговоры...»¹ Можно и еще найти такого рода высказывания великого писателя. Однако когда познакомишься с его жизнью и его служением обществу, русскому народу, то отчетливо поймешь, что публицистическая и журналистская деятельность Льва Николаевича Толстого (1828–1910) была наряду с писательством его основной деятельностью. Это прослеживается и на всех этапах его творческой биографии, включая те годы, когда он служил в армии, и во время педагогической деятельности. Он сам стремился к ней.

Строго говоря, Толстой, как и большинство писателей, публицистов, журналистов, затем и политиков того времени, был литератором. Это всеобъемлющее в профессиональном плане, универсальное слово отражало состояние информационного процесса общества, душу которого составляла литература (словесность), опять же в широком смысле этого термина. Даже в начале XX в. журналистом называли поденщика,

---

¹ Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: репринт. воспроизв. изд. 1928–1958 гг.: в 90 т. М.: Терра, 1992. — В дальнейшем все ссылки на это издание даны в тексте [ПСС] с указанием тома и страниц.

информационного ремесленника. Человек с образованием или талантом именовал себя литератором, т. е. он одновременно мог писать тексты разного жанра: передовики, романы, стихиры, повести, драму, сатиру, очерк, фельетон, рецензию, статью и хронику. В этом смысле Толстой оставил не менее разнообразное наследие: от романа-эпопеи до повести и рассказа, от обозрения и статьи до заметки, от сказки и песни до народного рассказа.

Он сотрудничал в периодике, в ее лучших изданиях: «Современнике», «Русском вестнике», «Отечественных записках», «Ниве» и др., был тесно связан с эмигрантской журналистикой и использовал ее трибуну. В конце XIX — начале XX в. в России и за рубежом активно заявило себя целое течение его последователей, названных толстовцами, со своими издательствами и периодическими изданиями. Литературные и публицистические произведения Толстого на протяжении 1850–1910-х годов служили источником дискуссий, постановки самых острых и сложных проблем эпохи, будоражили умы, будили общественное мнение, во многом определяли духовно-нравственную атмосферу России.

Творчество Толстого 1880–1910-х годов становится достоянием народов всей Земли. Публицистическое слово великого русского писателя, по отзыву его современника, звучит со страниц мировой прессы как голос «живого выразителя чистых, свободных и возвышенных дел», «нравственного судьи движений человеческой мысли и совести» [Кони, 1969, с. 143].

«Вообще, идеи Толстого в настоящее время — злоба дня для всех слоёв общества, — писал Л. Воздвиженский 30 марта 1886 г. в «Московских церковных ведомостях». — Редкий номер газет и журналов современной прессы обходится без того, чтобы не поговорить о том или ином его „произведении“». Они «переводятся на иностранные языки и читаются не только в Европе, но и в Америке, служа предметом оживлённых споров за и против его воззрений».

Публицист Толстой был фактически центральной фигурой общественно-политической и культурной жизни русского общества, журналистского творческого процесса на протяжении

почти полувека. Эпоха 1880-х — начала XX в. — это эпоха Льва Николаевича Толстого, который в этот исторический период был совестью русского общества. В художественных и публицистических произведениях он ставил основные, вечные и актуальные вопросы человеческого бытия: жизнь человека и ее ценность, труд и его значение, человек труда — основа человеческого сообщества, духовность жизни человека и общества, нравственность в жизни человека и др.

Мир Толстого — это Вселенная, вмещающая в себя духовный космос, грешную Землю и человеческое бытие. Всеохватность гения поразительна. Каждый соприкоснувшийся с его Миром находит себе в нем что-то близкое и родное, но одновременно замечает и что-то такое, что вызывает неприятие или даже отторжение. И это естественно, когда мы имеем в виду Вселенную и человеческое сообщество, наполненные добрыми и злыми явлениями, духовным и животным, естеством и романтизмом.

Одни почитатели Толстого считают, что своим творчеством он создавал Книгу бытия, другие видят в нем Учителя или пророка, третьи считают его еретиком или, хуже того, антихристом². И все это Мир Толстого. Он содержит все противоречия человека и его видимого и невидимого окружения. Этот Мир Толстого прошел через Время и Пространство.

Но Толстой жил и творил в конкретно-исторических условиях — в России второй половины XIX — начала XX в., при самодержцах разного уровня — Николае I (1825–1855), Александре II (1855–1881), Александре III (1881–1894) и Николае II (1894–1917), когда шло активное развитие радикальной оппозиции их власти и дело доходило до убийства царя Освободителя, когда власть боролась со своими внутренними врагами и оппонентами, прибегая к жестоким по тем временам репрессиям. Толстой еще застал такую Россию, в которой пороли крестьян, в которой

---

² И. Б. Мардов замечает: «Сказать же, что человек совершает зловедную работу, приготавливая приход Противника Христова, — есть самое худшее, самое уничижающее, что только можно решить высказать о религиозном деятеле христианского толка. Это и сказал Вл. Соловьев о Льве Толстом» [Мардов, 2003, с. 348–349].

одни владели огромными поместьями, а другие в них отработывали свою возможность пользоваться клочком земли, содержали владельцев ее и их прихлебателей, государство и его разросшийся бюрократический аппарат, армию и т. д.

Зоркий глаз Толстого все это отчетливо видел. Его пытливый ум не только все это осмысливал, но и искал пути выхода из создавшегося положения для народа и его нахлебников. Его душа была чуткой к чужому горю. Мерзости жизни находили в ней острый протест, который воплощался и в его «писаниях», как тогда называли произведения Льва Николаевича он сам и его сотрудники.

Неудобного публициста с самостоятельным, смелым, неповторимым голосом власти России не принимали; его гуманистическое, нравственное, совестливое слово подвергалось критике официальной церкви; большая часть интеллигенции — и леворадикальной, и правой — встречала выступления Толстого с раздражением и недопониманием. Несмотря на всё это, а может быть, благодаря этому пространство сопротивления заставило Толстого мобилизовать все творческие резервы, всю энергетику души — и Публицист, Мыслитель, Творец выполнил свою миссию. Он вносил в человеческий мир нравственное понимание смысла жизни, примат духовности и совести над потребительством. Если можно так сказать, он был первым Экологом человеческой души, потерявшейся в дебрях цивилизации.

Публицистика великого писателя раскрывает новые грани его таланта, его деятельное начало, стремление не только поставить сложную проблему, но и показать пути ее решения. «Немногие осознают, что он направил свой гений в социальную сферу жизни, — замечает Д. Рэдферн в книге «Толстой. Принципы мирового порядка», — что, в сочетании с литературным мастерством, сделало его великим рассказчиком, несущим большую практическую пользу. Он был одним из тех немногих представителей девятнадцатого века, кто ясно видел те слабые места в устройстве общества, которые и привели впоследствии к катастрофе двадцатого. Более того, он имел ряд конкретных предложений о том, как изменить мир к лучшему» [Рэдферн, 1993, с. 1; см.: Redfearn,

1992]. И в этом он опирался на публицистическое слово, которое очень ценил.

В трудный для него — последний — 1910-й год, прочитав статью В. Г. Короленко в «Русском богатстве (№ 3, 4) «Бытовое явление (Заметки публициста о смертной казни)», Лев Николаевич взволнованно писал ее автору: «...Не нахожу слов, чтобы выразить Вам мою благодарность и любовь за эту и по выражению, и по мысли, и главное по чувству — превосходную статью. Ее надо перепечатать и распространять в миллионах экземпляров. Никакие думские речи, никакие трактаты, никакие драмы, романы не произведут одной тысячной того благотворного действия, какое должна произвести эта статья» (курсив мой. — Г. Ж.) [Толстой о литературе, 1955, с. 607]. К такой высокой оценке публицистического слова приходит Толстой к концу жизни.

Многообразный мир Толстого, отраженный в его творчестве, в его деятельности, всегда привлекал внимание исследователей самых разных направлений науки. Однако публицистика писателя при этом оказывалась пасынком, не совсем угодным для изучения по тем или иным причинам. Конечно, предпринимались попытки рассмотреть публицистическую и журналистскую деятельность Толстого, но они сведены к фрагментам и эпизодам [Ковалев, 1960; 1988; Позойский, 1964; 1985; Смирнов, 1991, и др.].

Первыми начали разрабатывать тему В. А. Ковалев и С. И. Позойский. Небольшая книга Позойского «Л. Толстой как журналист и редактор» выходила дважды в Туле (1964, 1985). Другой ученый, А. И. Шифман, более основательно обратился к публицистическим произведениям писателя начала XX в. [Шифман, 1958а; 1958б; 1971; 1983]. Взаимодействию литературного творчества писателя и периодики того времени посвящена блестящая монография Э. Г. Бабаева «Лев Толстой и русская журналистика его эпохи», вышедшая в двух изданиях [Бабаев, 1978; 1993]. В ней показан духовно-нравственный, политический резонанс романов «Война и мир», «Анна Каренина» и «Воскресение»; раскрыта полемика о творчестве Толстого, в которой участвовали

известные публицисты М. Н. Катков, А. С. Суворин, В. В. Розанов, Д. И. Иловайский и др.

Еще в 1962 г., делая обзор «Ученых записок» вузов страны, В. Жданов писал: «Несколько лет тому назад встречались сетования на то, что мы в долгу перед Толстым-публицистом, что эта сторона его творчества не изучается» [Жданов, 1962, с. 173]. «До сих пор публицистика относится к забытой части творческого наследия Льва Толстого», — констатирует и современная исследовательница И. В. Петровицкая. Большинство его философских, публицистических работ не переиздавалось более полувека [Петровицкая, 2004б, с. 6].

И. В. Петровицкая и поставила перед собой задачу презентации публицистики писателя. Ее подготовлены и выпущены выдержавший три издания сборник публицистики Л. Н. Толстого «Пора понять» (2004, 2005, 2010), своеобразный «путеводитель» по публицистике Толстого «Лев Толстой — публицист и общественный деятель» (2013). Последняя книга [Петровицкая, 2013] представляет собой комментированную, хронологическую библиографию его произведений. Она дает читателю возможность увидеть богатейшее публицистическое наследие писателя. Кроме того, Петровицкой был подготовлен сборник, составленный из газетных и журнальных публикаций 1902–1903 гг. [Лев Толстой и русская печать, 2003].

Автор предлагаемого читателю пособия с 2000-х годов также стал исследовать публицистическое наследие Л. Н. Толстого. Список его трудов приведен в конце книги. Само пособие в связи с ограниченными издательскими возможностями вместило в себя лишь основные направления публицистической деятельности писателя. В пособии автор отсылает читателя для восполнения знаний к тем своим работам, где более полно изучен тот или иной сюжет. Однако, так или иначе, в книге впервые дано достаточно полное представление о публицистике великого русского писателя.

ГЛАВА I

Л. Н. Толстой — военный публицист

«...Ваше орудие — перо, а не сабля...»
И. С. Тургенев, 1855 г.

Лев Николаевич Толстой вышел на арену общественно-политической и культурной жизни России середины XIX в. в период расцвета русской литературы. Но одновременно это был и период кризиса внутренней и внешней политики Николая I, результатом которой стала катастрофа — Крымская война (1853–1856), приведшая к поражению России, но и заставившая ее модернизировать общество, управление, армию и флот. Молодой Толстой был активным и непосредственным участником событий тех лет, что способствовало его творческому созреванию. Сам Лев Николаевич признавался в письме к брату Сергею 29 ноября 1854 г.: «Сколько я переузнал, переосмыслил, перечувствовал в этот год, что решительно не знаешь с чего начать описывать, а и сумеешь ли описать, как хочется» [ПСС, т. 59, с. 28].

Существенным фактором того, что от описания семейной идиллии в своих первых повестях Л. Н. Толстой переходит к публицистике, является его стремление к решению актуальных проблем времени. Судьба и жизненные обстоятельства толкали его в этом направлении. В 1851 г. он начинает службу, которая проходит на Кавказе. В отличие от столичных салонов и парадов,

бюрократических утех, здесь военного ждала сложная и опасная работа. Здесь нельзя было оторваться от основной военной массы служилых — солдат, необходимо было взаимопонимание, а не угнетение солдата и превращение его хоть и в забитое, но и озлобленное существо, готовое к праведной мести за поругание.

«Посмотрите, сколько русских офицеров, убитых русскими пулями, — с горечью размышлял в дневнике Толстой, — легко раненых, нарочно отданных в руки неприятеля, посмотрите, как смотрят и как говорят солдаты с офицерами перед каждым сражением: в каждом движении, каждом слове его видна мысль: „не боюсь тебя и ненавижу“» [ПСС, т. 4, с. 287].

Крымская война сопровождалась информационной, имевшей мифологическую подоплеку, когда обе стороны опирались фактически на один и тот же старинный миф «Москва — третий Рим» [подр. см.: Янов, 1999, с. 248–249]. Западные европейские идеологи создали на его почве миф панславизма, в основе которого была мнимая угроза со стороны России, вынашивавшей захватнические планы. В самой России политики вдохновлялись ставшей традиционной идеей защиты Великой державой интересов славян от их притеснителей. Элита России была охвачена патриотическим настроением, которое получило отражение в литературе того времени [Цимеринов, 1963; Березовская, 1963]. Поток патриотических стихотворных строк затопил журналистику. Наиболее яркой его фигурой был Ф. Глинка. Его стихотворение «Ура!.. На трех ударим разом!», воскресавшее в памяти победы в Отечественной войне 1812 г., было напечатано 4 января 1854 г. в официальной «Северной пчеле», вышло в виде брошюры огромным тиражом — 9 тыс. экземпляров и было переведено на европейские и восточные языки [Березовская, 1963, с. 68]. Урапатриотизмом отличались драматические произведения Н. Кукольника «Морской праздник в Севастополе», А. Григорьева «За Веру, Царя и Отечество» и др.

Такой же характер имела публицистика тех лет, стиснутая цензурными ограничениями и находившаяся под бдительным оком самого Николая I [см.: Жирков, 2000; 2001, с. 64–71]. Военная информация была монополией основных, официальных органов

печати, главным образом газеты Военного министерства «Русский инвалид» (с 1813 г.), «Северной пчелы», и полуофициальных «Санкт-Петербургских ведомостей».

События Крымской войны естественно имели определенный отклик в журналистике, где появлялись патриотические стихи, газетные оперативные корреспонденции и репортажи¹: «Письмо из Севастополя. Севастополь, 21 декабря 1854 г.» Г. Славони («Русский инвалид»), его же «Вести из Крыма. Севастополь, 4 января 1855 г.», «Крымские вести. Севастополь, 11 мая 1855 г.» («Одесский вестник»); «Севастополь» («Санкт-Петербургские ведомости», без указания автора), «Из Симферополя, 25 января 1855 г.» А. Михно, «Из походных записок» П. В. Алабина («Северная пчела») и др. В близком к театру боевых действий «Одесском вестнике» в качестве военных корреспондентов помимо Г. Славони активно выступали А. Комарницкий, барон И. Сакен, П. Денисов, П. Дьяконов и др. (Рус. инвалид. 1855. 30 янв.; Одес. вестн. 1855. № 1, 2, 4, 5, 7, 11, 35, 50, 55, 61–66, 82 и др.; С.-Петерб. ведомости. 1855. 31 июля; Сев. пчела. 1855. № 31–36, 128, 129 и др.). Большинство публикаций отличалось оперативностью и информационностью. В них преобладала не только официальная точка зрения на военные события, но и официозная, ура-патриотическая манера рассказа о них. Приведем пару ярких, типичных примеров:

«На своих прытких конях удалые казаки снуют по всем направлениям. Вот несется молодецкая кавалькада и впереди нее воин в солдатской шинели, с глубокою думой на челе, с светлым взором, быстро окидывающим окрестные места. Только что хотел я спросить, кто этот витязь, как из его уст раздалось приветствие войскам: „Здорово, ребята!“ — „Здравия желаем вашей светлости!“ — гаркнули они в ответ» [Комарницкий, 1955].

«Не могу удержаться от слез, видя этих храбрых и неустрашимых христороливых воинов, переносящих самые страшные и смертельные

---

¹ Подробно см. статью Ю. В. Лебедева [Лебедев, 1976, с. 61–82], в которой сопоставляется освещение Крымской войны в периодике и очерках Толстого.

раны, и что же? Вы не услышите ни одного стога, ни одного ропота, не увидите ни одной слезы» [Славони, 1974].

Для контраста приведем лишь один конкретный пример из воспоминаний о Севастопольской эпопее командира 1-й карабинерной роты Алексопольского егерского полка Валериана Зарубаева, отражающий реальную правду войны: «Говядина страшно надоела и опротивела и оттого, что перед глазами постоянна была человечья» [см.: Ткачев, 1992, с. 38].

Нацеленный на показ военных действий «Русский инвалид» и газеты, писавшие о войне в унисон с ним, не могли удовлетворить растущий интерес аудитории. Возникло явное противоречие между потребностью общества в достаточно полных и правдивых, реалистических сведениях о военных событиях и теми возможностями, которые оно тогда имело. Монополия официозов на освещение военных событий не устраивала не только гражданское общество, но и самих военных, о чем свидетельствует эпизод с попыткой офицеров действующей армии создать свой журнал, что уже непосредственно связано с деятельностью Л. Н. Толстого, находившегося тогда в эпицентре военных событий. После высадки в Крыму 2 сентября 1853 г. англо-французского десанта и первого поражения русских войск Толстой ищет выход из складывавшейся трагической ситуации. Его надежды связаны с моральным духом солдат. Это свидетельствует о том, что уже тогда Толстой понимает их определяющую роль в военных действиях.

Вместе с группой сослуживцев-офицеров он задумывает издание для просвещения солдат доступного и дешевого журнала — «Военный листок» («Солдатский листок») [ППС, т. 4, с. 281–284; см.: Срезневский, 1927; Дорошенко, 1966; Куприянова, 1956; Мельгунов, 1989, и др.].

Читая русскую периодику, Толстой приходит к выводу, что она по-настоящему не обращает внимания на военную проблематику. Он считал, что «большая половина читающей публики состоит из военных, а у нас нет военной литературы, исключая официальной военной литературы, почему-то не пользующейся

доверием публики и потому не могущей ни давать, ни выражать направления нашего военного общества». Задуманный журнал должен был служить «выражением духа войска» [ППС, т. 59, с. 296].

Проект, отправленный, как положено, «по инстанции, не получил одобрения Его Императорского Величества Николая I, «так как все статьи, касающиеся военных действий наших войск, предварительно помещения оных в журнале и газетах первоначально печатаются в газете „Русский инвалид“ и из оной уже заимствуются в другие периодические издания» [см.: Шкловский, 1963, с. 216–217]. Еще в 1831 г. Николай I, закрыв журнал «Европеец» Ивана Кириевского, распорядился, «дабы на будущее время не были дозволяемы никакие новые журналы без особого Высочайшего разрешения» (Рус. старина. 1903. Т. 113, кн. 2. С. 314–315) [подр. см.: Жирков, 2001, с. 68–69]. Выход любого нового органа печати в России тех лет был делом проблематичным и исключительным.

Но Толстой был не из тех, кто не выполнял задуманное. Сугубо официальное освещение событий Крымской войны не входило в планы Толстого. Его взоры обратились к журналу «Современник», в котором он уже печатался². У него возникает мысль использовать журнал для публикации статей, предназначавшихся для листка. Короткий, но очень важный для творчества Толстого период его сотрудничества в 1852–1857 гг. с «Современником», одним из наиболее влиятельных на общественное мнение журналов, фактически определил его литературную судьбу. Его редактировали Н. А. Некрасов и И. И. Панаев. Вокруг себя журнал

---

² О журнале «Современник» есть большая литература [Евгеньев-Максимов, 1934; 1936; Евгеньев-Максимов, Тизенгаузен, 1939]. В 1990 г. М. Г. Шаховская защитила в МГУ кандидатскую диссертацию «Л. Н. Толстой и журнал „Современник“». Работа содержит ряд спорных утверждений и выводов: отношения Толстого и Тургенева рассматриваются в схеме «ученик и учитель», Толстого и Чернышевского — «автор и редактор». И с той и с другой схемой трудно согласиться, как, например, и с выводом: «Разрыв Толстого с „Современником“ являлся выражением первого духовного и творческого кризиса писателя» [Шаховская, 1990, с. 23].

собрал крупные литературные силы. Заслуга его редакции состояла в том, что она сразу же оценила талант нового писателя. Именно в «Современник» Толстой послал свою первую повесть «Детство», но в течение почти всего сотрудничества с этим изданием читатели не знали автора, выступавшего по его желанию под псевдонимами Л. Н. и Л. Н. Т. (см. таблицу).

История псевдонимов Л. Н. Толстого

Название произведения	Год	Номер журнала	Подпись
История моего детства	1852	9	Г. Л. Н.
Набег. Рассказ волонтера	1853	3	Л. Н.
Отрочество	1854	10	Л. Н. Т.
Записки маркера. Рассказ	1855	1	Л. Н. Т.
Севастополь в декабре месяце	1855	6	Л. Н. Т.
Севастополь в декабре месяце (перепечатка в «Русском инвалиде», 1855, 5 июня)	1855		Л. Н. Т.
Рубка леса. Рассказ юнкера (Посвящается И. С. Тургеневу)	1855	9	Л. Н. Т.
Ночь весной 1855 года в Севастополе	1855	9	без подписи
Севастополь в августе 1855 года	1856	1*	граф Л. Толстой

* В оглавлении журнала этого номера говорится: «Граф Л. Н. Толстой (печатавший первые свои повести под литерами: Л. Н. Т.)».

Между прочим, во время приезда Льва Николаевича в Петербург в 1855 г. с ним в числе многих литераторов встретился и А. А. Фет, который вспоминает: «В этот же приезд мы и познакомились с Толстым, но знакомство это было совершенно формальное, так как я в то время еще не читал ни одной его строки и даже не слыхал о нем, как о литературном имени...» (курсив наш. — Г. Ж.) [Фет, 1983, с. 289]. Исследователи наследия Толстого чаще всего не придают значения тому, когда вышли его произведения под его полной фамилией. Между тем читателю 1850-х годов он был знаком именно как Л. Н. Т. Мало того, сам Некрасов

сначала считал, что присланное в редакцию анонимно «Детство» создано братом Льва Николаевича Николаем Николаевичем Толстым, который был даровитым рассказчиком³. Рукопись имела его адрес и приписку о передаче Л. Н. [Тургенев и круг «Современника», 1930, с. 22].

«Мы обязаны знать имя каждого автора, которого сочинения печатаем, — настаивал в письме от 30 октября 1852 г. к Льву Николаевичу редактор «Современника», — и потому дайте мне положительное известие на этот счет. Если Вы хотите, то никто кроме нас этого знать не будет» [Некрасов, 1998а, с. 169]. 27 ноября в письме к Некрасову Лев Николаевич удовлетворил его просьбу: «Подписываюсь своей фамилией, но прошу, чтобы это было известно одной редакции» [ПСС, т. 59, с. 214]. Всё это объясняет то, что и в литературной критике тех лет естественно звучал лишь псевдоним Толстого: в «Отечественных записках» (1855. № 103. С. 81), в «Московских ведомостях» (1855. 13 дек.), «Санкт-Петербургских ведомостях» (1855. 16 дек.), в «Москвитянине» (даже в 1856 г. в № 17 говорилось о «таинственном Л. Н. Т.») и др. [Спиридонов, 1933, с. 58].

19 декабря 1854 г. Толстой предлагает редакции «Современника» целый проект. Он сообщает Н. А. Некрасову, что у него «матерьялов гибель. Материалов современного, военного содержания, набранных и приготовленных не для вашего журнала, но для Солдатского листка, о попытке основания которого при Южной Армии вы слышали может быть в Петербурге» [ПСС, т. 59, с. 286–287]. Желание сотрудничать было обоюдным. До получения вестей от Толстого Некрасов 17 января 1855 г. просил его: «Пришлите нам Ваши солдатские рассказы — мы их напечатаем в „Современнике“, зачем Вам их совать в „Инвалид“? Печатать их в нашем журнале можно, разумеется, если они пройдут и гражданскую и военную цензуру. Да пишите побольше — нас всех очень интересуется Ваш талант, которого у вас много» [там же, с. 290; Некрасов, 1998а, с. 199]. 27 января Некрасов уверял

³ В «Современнике» в 1850-е годы было опубликовано несколько охотничьих повестей Н. Н. Толстого, старшего брата Льва Николаевича.

молодого писателя: «...Не только готов, но и рад дать Вам полный простор в „Современнике“ — вкусу и таланту Вашему верю больше, чем своему, а что касается до других соображений, то в настоящее время литературный журнал не может не желать такого рода материалов и не чаять себе от них пользы» [там же]. Из последующей переписки Толстого с редакцией видно, что он не только сам пишет для «Современника», но и стремится мобилизовать для этого силы сослуживцев [Срезневский, 1927, с. 4].

Поскольку разрешения на военный журнал не было получено, энтузиазм пишущих поослаб. Из задуманного для листка в «Современнике» появилась статья боевого, смелого офицера, награжденного за оборону города золотым оружием, Аркадия Дмитриевича Столыпина «Ночная вылазка в Севастополе». В переписке Толстой, извиняясь за задержки обещанных статей, за необязательность боевых товарищей, обещал: «За себя я все-таки отвечаю — по статье каждый месяц» [Толстой, 1962, с. 64]. Естественно, война требовала от воина полной отдачи: такова была действительность.

Надо было испытывать такую жгучую потребность высказаться, творить, какая была у Толстого, чтобы писать в тех условиях. И. С. Тургенев, например, 10 июля 1855 г. в письме к И. И. Панаеву молил: «...Дай Бог... чтобы Толстого не убили», а 3 октября отослал первое письмо Толстому, содержащее ту же ноту: «...В последнее время я особенно часто думал о Вас. Жутко мне думать о том, где Вы находитесь. Хотя, с другой стороны, я и рад для вас всем этим новым ощущениям и испытаниям — но всему есть мера — и не нужно вводить судьбу в соблазн — она и так рада повредить нам на каждом шагу. Очень было бы хорошо, если б Вам удалось выбраться из Крыма — Вы достаточно доказали, что Вы не трус — а военная карьера все-таки не Ваша, — Ваше назначение — быть литератором, художником мысли и слова... я слишком люблю русскую словесность, чтобы не питать желания знать Вас вне всяких глупых и неразборчивых пуль...» Письмо Ивана Сергеевича носило характер напутствия: «Повторяю Вам — Ваше орудие — перо, а не сабля — а музы не только не терпят суеты — но и ревнивы» (курсив мой. — Г. Ж.) [там же, с. 81].

Да и сам Толстой 17 сентября 1855 г. занес в дневник такое признание: «...все-таки единственное, главное и преобладающее над всеми другими наклонностями и занятиями должна быть литература. Моя цель литературная слава. Добро, которое я могу сделать своими сочинениями» [Толстой о литературе, 1955, с. 29]. Однако он не собирался «писать из пустого в порожнее — без мысли и, главное, без цели» и с сожалением констатировал: «Приходится писать одному. Напишу Севастополь в различных фазах и идиллию офицерского быта». В. Б. Шкловский считает, что в результате задуманного в сентябре — октябре 1854 г. кружком приятелей, офицеров-артиллеристов Южной армии, плана издания военного журнала, возникли «Севастопольские рассказы»⁴. Но, судя по наброскам неосуществленных «солдатских рассказов», Толстой, создавая для «Современника» очерки о Севастополе, ориентировался уже на более широкую аудиторию, придерживаясь выстраданного кредо: служить «выражением духа войска» или «военного духа» [там же, с. 26].

И это был для русской журналистики тех лет новаторский подход к показу военной жизни, в исследовании военной проблематики. Во-первых, он был возможен только для участника событий, как взгляд изнутри описываемых явлений, а не со стороны. Сам Толстой, судя по его записям тех лет, намеревался «писать дневник офицера в Севастополе — различные стороны, фазы и моменты военной жизни. — И печатать его в какой-нибудь газете» [ПСС, т. 47, с. 50]. Во-вторых, Толстой хотел рассказать обществу всю правду о войне через воссоздание самой реальности во всей ее сложности, динамизме и через художественно-документальные средства.

В первом же очерке «Севастополь в декабре месяце» писатель предлагает читателю «увидеть войну не в правильном,

---

⁴ Биография Л. Н. Толстого, написанная Шкловским [Шкловский, 1963], — наиболее содержательное воссоздание жизненного пути великого писателя. Естественно, надо учитывать тот временной контекст, в котором она создавалась.

красивом и блестящем строе, с музыкой и барабанным боем, с развевающимися знаменами и гарцующими генералами, а увидите войну в настоящем ее выражении — в крови, в страданиях, в смерти...» (курсив мой. — Г. Ж.) [ПСС, т. 4, с. 9]. Он выступает одновременно в качестве летописца и репортера, очевидца и участника событий, что легко прослеживается по его дневнику. Первый очерк был создан на месте военных действий с 27 марта по 25 апреля 1855 г.:

12 апреля. «4-ый бастион. Писал Севастополь днем и ночью и кажется недурно и надеюсь кончить его завтра».

13 апреля. «Тот же 4-ый бастион, который мне начинает очень нравиться, я пишу довольно много. — Нынче окончил Севастополь днем и ночью... Постоянная прелесть опасности, наблюдения над солдатами, с которыми живу, моряками и самым образом войны так приятны, что мне не хочется уходить отсюда, тем более, что хотелось бы быть при штурме, ежели он будет» [ПСС, т. 47, с. 42].

Эти дневниковые записи показывают, что молодой писатель захвачен процессом творчества: в таком состоянии ему приятны опасности, сам образ войны, наблюдения... Он творит. Нельзя согласиться с выводом В. Шкловского, посчитавшего, что «художник принял на себя служебную роль показа чужого подвига», он якобы «отвел авторские переживания из повествования» [Шкловский, 1963, с. 227]. Проще — документализм не требовал тех эмоций, которые хотел бы видеть в очерке произведения его биограф-популяризатор⁵. Очерк «Севастополь в декабре месяце» вышел в 6-й книге «Современника» за 1955 г. В нем Толстой как репортер подробно воссоздает экспозицию, характеризуя военную обстановку глазами недавно приехавшего сюда человека. Этот прием позволяет автору провести чита-

---

⁵ В качестве контраргумента можно сослаться на «историческое повествование» А. Ткачева «Лев на бастионах» [Ткачев, 1992], где хорошо показано поведение офицера Л. Н. Толстого как участника, а не как наблюдателя военной эпопеи.

теля по всему севастопольскому пространству — от бастиона к бастиону:

«Теперь ежели нервы наши крепки, пройдите в дверь налево: в той комнате делают перевязки и операции...

Выходя из этого дома страданий...

Пройдя церковь и баррикаду, вы выйдете в самую оживленную внутреннюю жизнь часть города...

Пройдя еще одну баррикаду, вы выходите из дверей направо и поднимаетесь вверх по большой улице...

„Так вот он, 4-ый бастион, это страшное, действительно ужасное место!“ — думаете вы себе...» и т. д.

Военная панорама Севастополя буднична: здесь «будничные люди» спокойно заняты «будничным делом». «Итак, — завершает репортер эту странную экскурсию, происходившую с утра и до вечера, — вы видели защитников Севастополя на самом месте защиты... Главное, отрадное убеждение, которое вы вынесли, это — убеждение о невозможности поколебать где бы то ни было силу русского народа...» [ПСС, т. 4, с. 8–13]. «Репортаж высокого стиля», — так отозвался об этом произведении Ромен Роллан [Роллан, 1954, с. 243].

Пожалуй, документализм такого уровня был свойствен лишь самому начальному этапу русской журналистики — эпохе Петра Великого. Им отличались петровские боевые листки, выпускавшиеся после каждой победы над шведами, составившие затем Книгу Марсову. Они были действительно военным дневником, отчетами о сражениях [Жирков, 2003, с. 69–106]. Позднее литераторы романтизировали и беллетризировали войну. К примеру, А. А. Бестужев-Марлинский в одном из рассказов описывал, как русские офицеры объявили перемирие под Новый год и попросили у противников бутылку вина, которую с удовольствием распили, после чего боевые действия возобновились [Ковалев, 1988, с. 11; Эйхенбаум, 1987, с. 91–130].

Толстой возвращает военную литературу к документализму, синтезируя его с художественностью. Это было заметно уже по

первым его произведениям. Рассказ Льва Николаевича «Набег» (1852) сначала был «Письмом с Кавказа». По своему характеру он, как и рассказ «Рубка леса» (1855), близок к очеркам из Севастополя. Недаром автор их все вместе поместит в одной книге — «Военные рассказы». «Рубку леса» Некрасов называл очерком. Он писал в «Современнике» в «Заметках о журналах за сентябрь 1855 года»: «Со времени фразистых повестей Марлинского, в которых и офицеры и солдаты являлись в несвойственной им мантии средневековых воинов, мы не имели ничего о русском солдате. И вот является писатель, который вводит нас в этот совершенно новый для нас мир». Некрасов сравнивает произведения молодого писателя с творчеством Тургенева, представившего «9 лет тому назад» «очерки народных характеров», «ряд оригинальных, живых и действительных лиц», о которых ранее общество «не имело понятия». «...Г. Л. Н. Т. в своей „Рубке леса“ представляет нам несколько типов русских солдат, — типов, которые могут служить ключом к уразумению духа, понятий, привычек и вообще составных элементов военного сословия. Еще несколько таких очерков, и военный быт перестанет быть темною загадкой. Мастерство рассказа, полное знание изобразительного быта, глубокая истина в понимании и представлении характеров, замечания, исполненные тонкого и пронизательного ума, — вот достоинства рассказа Г. Л. Н. Т.» [Некрасов, 1990, с. 184–185].

В севастопольских очерках Толстой ставит некую сверхзадачу: он раскрывает в них не только канву событий, но и, как он сам считает, то, «что называется духом защитников Севастополя» [ПСС, т. 4, с. 16]. Его произведение попало в самую точку общественных настроений.

Некрасов с удовольствием сообщал 15 июня Толстому: «Статья эта написана мастерски, интерес ее для русского общества не подлежит сомнению, — успех она имела огромный. Еще до выхода VI книги „Современника“ я имел ее здесь в корректуре, и она была читана Грановским при мне в довольно большом обществе — впечатление произвела сильное». «Пожалуйста, — просил редактор журнала, — давайте нам побольше таких статей!» [Некрасов, 19986, с. 203].

Его соредактор И. И. Панаев (1812–1862), информируя 3 мая 1855 г. Толстого о том, что Некрасов в отъезде и он «теперь заведует делами „Современника“»⁶, напоминал о его обещании «выслать „Военные рассказы“ теперь и прислать... „Юношество“ к осени». Их все ждут с нетерпением. Панаев подчеркивал: «Ваше участие в журнале моем так важно, что его будущее связано некоторым образом с Вашими трудами. Не лишайте же их „Современник“ — и еще более русскую публику, которая Вас так любит и ценит» [Толстой, 1962, с. 64].

Однако на пути к публикации первого же очерка встал сложившийся к середине 1850-х годов цензурный режим, существенно ограничивавший проблемно-тематический комплекс журналистики.

24 марта 1854 г. редакция «Современника» в лице И. И. Панаева и Н. А. Некрасова обратилась с прошением к министру народного просвещения А. С. Норову, подчеркивая, что наступило «время национального энтузиазма», а журналы вынуждены печатать переводы беллетристики. Редакторы напоминали о том, что вышедший с 1812 г. журнал «Сын Отечества» — единственное издание, которое могло давать сообщения о политических событиях, — «более года тому назад прекратилось». Стремясь занять образовавшуюся в системе печати нишу, Панаев и Некрасов предлагали в программе «Современника» заменить отделение переводов иностранных романов на рубрику, «содержащую в себе известия о торжествах нашего Отечества в возникших ныне политических вопросах в такой форме, как это было некогда в „Сыне Отечества“». Они просили разрешить «Современнику» «отдел известий военных и политических» [см.: Евгеньев, 1917, с. 245].

---

⁶ Следует заметить, что в литературоведении роль И. И. Панаева в деятельности «Современника» и его вклад в литературный процесс не получили должной и всесторонней оценки. Об этом справедливо говорится в кандидатской диссертации Е. В. Шашковой «Журнально-критическая деятельность И. И. Панаева» [Шашкова, 2007]. См.: статью Г. В. Жиркова «И. И. Панаев и Л. Н. Толстой: редактор и автор» [Мастерская публициста, 2014, с. 53–71].

Председатель С.-Петербургского цензурного комитета М. Н. Мушин-Пушкин в просьбе отказал — под предлогом того, что и остальные издания начнут домогаться такого же отдела. Тогда Панаев лично обратился к помощнику начальника III Отделения генералу Л. В. Дубельту, члену Главного управления цензуры. Борьба редакции «Современника» за актуализацию программы журнала на этом этапе закончилась следующим постановлением основного цензурного ведомства страны от 31 июля 1854 г.: «Признать невозможным предоставить частным лицам, не ознакомленным со всеми видами Правительства касательно внешней государственной политики, право постоянно в издаваемом ими журнале помещать собственные свои рассуждения о вопросах столь важной и запутанной современной политики, тем более, что подобные рассуждения поставили бы цензуру, при рассмотрении их, в большие затруднения» [там же, с. 247]. Редакции снова отказали, но, получив репортаж Толстого с арены боевых действий, она с удвоенной энергией стала настаивать на своем.

Обратимся к хронологическому анализу цензурной истории первого очерка, имевшей существенное значение не только для судьбы Толстого, «Современника», но и для печати в целом, для системы информирования общества. К сожалению, исследователи не уделили должного внимания происходившим тогда изменениям. С. А. Венгеров в статье, вышедшей в известном Энциклопедическом словаре Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона [Энциклопедический словарь, 1901, с. 448–467], а также во вступлении к хронологическому сборнику критико-библиографических статей В. Зелинского [Русская критическая литература..., 1903], например, даже писал: «Очерк Севастополь был замечен императором Николаем. Он велел беречь даровитого офицера, что, однако, было неисполнимо для Толстого»⁷. В наиболее массовой современной биографии писателя в серии «Жизнь замечательных

---

⁷ Сам составитель на этот промах никак не отреагировал и в этом издании. В 1966 г. о статье С. А. Венгерова в связи с приведенными в ней данными о службе Толстого резко критически отозвался С. С. Дорошенко: «...ошибки чуть ли не в каждой фразе» [Дорошенко, 1966, с. 31–32].

людей» авторы А. Зверев и В. Туниманов (через 100 лет) в двух изданиях книги утверждают: «При Николае I, особенно в последние годы, цензурный режим был непереносимым. Удивительно, каким образом рассказы Толстого, пусть „изуродованные“, вообще дошли до читающей публики» [Зверев, Туниманов, 2006, с. 110].

Увы, авторы ошибаются. Корни этого заблуждения восходят к воспоминаниям его немецкого биографа Р. Левенфельда, опубликованным в 1897 г. в «Русском обозрении» (№ 10. С. 566). Затем вскоре пассаж был повторен в таком популярном источнике, как «Дневник» В. Ф. Лазурского, где в записи от 14 февраля 1899 г. говорится: «Я вспомнил, что у Левенфельда рассказывается, как Николай I, узнав, что на четвертом бастионе осажденного Севастополя находится молодой, подающий надежды писатель, велел его перевести в более безопасное место на фланг» [Лазурский, 1978, с. 88–89]. В воссозданном Лазурским разговоре об этом эпизоде участвовал якобы и сам Толстой, приводятся и его слова⁸. Все это свидетельствует о том, что воспоминания и дневники — недостаточно надежные источники, они требуют проверки.

На основании ряда источников [Евгеньев, 1917, с. 250–252; Евгеньев-Максимов, 1936, с. 9; Спиридонов, 1933, с. 54; Толстой, 1962, с. 65–66] представим события зимы — лета 1855 г. в хронологическом порядке.

18 февраля — смерть императора Николая I.

27 марта — 25 апреля — Толстой работает над очерком «Севастополь в декабре месяце». Под его текстом стояла дата «1855 года, 25 апреля. Севастополь».

30 апреля — Толстой сообщает в редакцию о том, что он высылает очерк А. Д. Столыпина «Ночная вылазка в Севастополе» [Толстой, 1962, с. 66]. Очерк был поставлен в VI книжку «Современника». Но цензор на корректурном листе оставил такой автограф: «Эта прекрасная статья должна

⁸ К чести составителей книги, ими сделана краткое поправляющее факт примечание.

быть напечатана в „Русском инвалиде“ преимущественно, или в „Северной пчеле“». В официальном письме к министру чуть позднее И. И. Панаев позволил себе иронизировать: «Мы имеем право сообщать только о том, что в Петербурге хорошая или дурная погода» [Скабичевский, 1892, с. 392].

19 мая — Панаев сообщает Толстому о получении от него «превосходного очерка» «Севастополь в декабре месяце» и о том, что его пришлось печатать с «небольшими цензурными пропусками». Однако редактор успокаивал автора: «Редакция ничего не изменяет в Ваших статьях — и если они печатаются не совсем так, как присылаются, то это уже вина не наша, а цензуры... Мы все, интересующиеся сколько-нибудь русской литературой, молимся за Вас — да спасет Вас Бог!.. Пожалуйста, Лев Николаевич, не забывайте русскую литературу и „Современника“, если в Севастополе можно о чем-нибудь помнить» [Толстой, 1962, с. 65–66].

31 мая — Панаев пишет автору: «Статья эта с жадностью прочлась здесь всеми, от нее все в восторге и между прочим Плетнев [Петр Александрович Плетнев (1792–1865) — ректор Петербургского университета, профессор и академик. — Г. Ж.], который отдельный ее оттиск имел счастье представить Государю императору на сих днях» [Толстой, 1978, с. 122–123].

Конец мая — Панаев после запрета печатать очерк Столыпина посетил министра народного просвещения А. С. Норова и подал ему, по его словам, «записку о произвольном толковании Мусина-Пушкина». Используя успех первого севастопольского очерка Л. Н. Толстого, он снова обратился к министру с просьбой предоставить редакции его журнала право печатать в нем произведения о военных действиях — «статьи литературно-патриотические». Панаев возмущался запретом цензуры ему, как редактору, печатать «литературу и патриотические рассказы о высоких подвигах, храбрости и самоотвержения защитников в Севастополе». Ссылаясь на очерк Толстого, он справедливо замечал: «Такого рода статьи должны быть кажутся достоянием всех газет и журналов... ибо патриотизм — чувство, неотъемлемое ни у кого, присущее всем и не раздающееся как монополия. Если литературные журналы будут вовсе лишены права рассказывать о подвигах наших героев, быть проводниками патриотических чувств, которыми живет и движется в сию минуту вся Россия, то оставаться редактором литературного журнала будет постыдно» (Голос минувшего. 1917. № 11–12. С. 250) [Скабичевский, 1892, с. 392].

31 мая — А. С. Норов изложил свое мнение председателю цензурного комитета графу М. Н. Мусину-Пушкину о том, что редакция «Современника», помещая в журнале такие статьи, как «Ночная вылазка в Севастополе» и «Севастополь в декабре месяце», не уклонялась от его заявленной программы. Министр нашел возможным разрешить «печатание и перепечатку статей, подобных вышеозначенным... а также дал указание возвратить в редакцию журнала корректурные листы и печатную статью „Севастополь в декабре месяце“» (Голос минувшего. 1917. № 11–12. С. 250).

5 июня — по распоряжению Александра II, во-первых, редакции «Современника» разрешили опубликовать очерк Толстого «Севастополь в декабре месяце»; во-вторых, напечатали его в «Русском инвалиде» (№ 122), где он появился с сокращениями и с примечанием: «Редакция „Инвалида“ считает долгом познакомить нашу военную публику с этой истинно-превосходной статьей... из № 6-го журнала „Современник“». В-третьих, он был переведен на французский язык, и его полный вариант был помещен под заголовком «Une journée a Sebastopol» в № 7 газеты русского правительства «Le Nord» (Брюссель) [Толстой, 1978, с. 122–123].

При публикации очерка и Панаев сделал лестное для Толстого примечание: «Автор обещает ежемесячно присылать нам картины севастопольской жизни, вроде предлагаемой. Редакция „Современника“ считает себя счастливою, что может доставлять своим читателям статьи, исполненные такого высокого современного интереса и притом написанные тем писателем, который возбудил к себе живейшее сочувствие и любопытство во всей читающей русской публике своими рассказами „Детство“, „Отрочество“, „Набег“ и „Записки маркера“» [там же, с. 66].

Первой до читателя дошла публикация военной газеты. Вот что И. С. Тургенев писал 27 июня И. И. Панаеву: «Я прочел „Севастополь“ в Инвалиде — (Современника еще нет) — и пришел в совершенный восторг. Дай Бог таких статей побольше!» [Тургенев и круг «Современника», 1930, с. 37]. «Где ты теперь, дорогой, обожаемый мой Leon? — вопрошала 3 июля в письме к племяннику Т. А. Ергольская. — Все с ума сходят от твоих сочинений! Твое описание Севастополя в декабре месяце — великолепно; я прочла эту статью в „Русском инвалиде“. Мне не приходится хвалить тебя; что бы я ни сказала, показалось бы вульгарным в сравнении с оценкой, высказанной этой газетой, где говорится, что хотим по-

знакомить с истинно превосходной статьёю. И точно, невозможно ничего лучше этого написать» [ПСС, т. 59, с. 312].

14 июня — Толстой, верный обещанию высылать в редакцию статьи сослуживцев, в письме к Панаеву уверяет его, что «мысль о военных статьях занимает» его «столько же, сколько и прежде» [Толстой, 1962, с. 68]. Толстой собирался через три дня отправить в «Современник» новую статью «Рассказ юнкера» (первоначальное название рассказа «Рубка леса»).

16 июня — Толстой, сомневаясь в «достоинствах» этого произведения, отправляет новое письмо редактору. В нем он подчеркивает, что никому еще его не показывал. Автор просил Панаева «очень поскорее» и «совершенно откровенно» сообщить ему его мнение. Но если он найдет этот рассказ «в настоящем виде стоящим печатания», то тогда можно его опубликовать в журнале. Автор с нетерпением ждет ответа [там же, с. 69].

16 июня — А. С. Норов вторично обратился к военному министру с запросом о разрешении перепечатывать в «Современнике» и «Отечественных записках» военные известия из газеты «Русский инвалид», на что получил ответ: министр разрешает перепечатки таких статей через месяц после их появления на страницах офицоза.

23 июня — однако Александр II после «всеподданнейшего доклада ему министра народного просвещения» санкционировал открытие отделов «Хроника современных военных известий» в «Современнике» и «Современная хроника России» в «Отечественных записках».

15 июля — газета «Северная пчела» поместила объявление от редакции «Современника», где отмечается «надежда редакции путем введения нового отдела „Военные известия“ и помещением в нем рассказов „Л. Н. Т.“» (Толстой тогда печатался под псевдонимом. — Г. Ж.) и придать «Современнику» «новую жизнь и новую свежесть».

18 июля — И. И. Панаев пишет Толстому: «Посылаю вам при сем объявление „Современника“, из которого вы усмотрите, что теперь вам нечего стесняться в своих рассказах, ибо „Современник“ получил дозволение печатать даже военные известия».

Прокомментируем этот ряд событий. Наиболее важное из них — выход на историческую арену нового действующего лица — императора Александра II (годы его правления — 1855–1881), проявившего добрую волю к пониманию необходимости

модернизации социально-политической жизни страны, включая систему информирования общества. Разрешение императора открыть новые отделы «Современнику» и «Отечественным запискам», издавать М. Н. Каткову новый частный журнал «Русский вестник» с отделом «Летопись политических событий и военных действий» означало первый шаг к новому уровню гласности в обществе и положило начало реформированию цензурного режима, что чаще связывают с появлением Временных правил 1865 г.

Настойчивость редакции «Современника» здесь сыграла главную роль. При этом редакция использовала успех первого севастопольского очерка Л. Н. Толстого. Расчет на то, что талантливое произведение не оставит равнодушными к нему и власть предержащих, оправдал себя. Несмотря на некоторое ослабление цензурного режима, в стране по-прежнему действовал старый цензурный устав 1828 г., а главное — огромное число указаний Николая I, которые никто не отменял [см.: Жирков, 2001, с. 100–126]. Уже прохождение в печать второго севастопольского очерка Толстого показало, что цензура действует в старом духе. Из общего количества 80 тыс. печатных знаков, содержащихся в нем, после произведенных цензором изменений осталось лишь 50 тыс. [см.: Цимеринов, 1963, с. 219; Жирков, 2014, с. 53–71].

«Севастополь в мае», имевший в «Современнике» название «Ночь весною 1855 года в Севастополе», контрастирует с первым произведением Толстого. Автор пишет о том, что такое война и как проявляется в ее экстремальных условиях духовный мир человека, его отношение к войне. Это произведение, раскрывающее героизм русского человека, было пронизано острой критической нотой, особенно в отношении офицеров-аристократов, в частности через ярко выписанный образ адъютанта князя Гальцина. И здесь панорама реальных событий войны выстроена тоже по нарастающей. Боевой штабс-капитан Михайлов возвращается в роту после излечения от ран. Его путь к месту службы — экспозиция очерка. Она завершается встречей Михайлова со своими солдатами и выдвижением вместе с ротой на передовую, его мыслями при этом, его внутренним монологом: «Наверное, мне быть убитым нынче...» [ППС, т. 4, с. 27]. Финал развернувшихся

военных действий описывается картиной, напоминающей известное произведение художника-баталиста В. В. Верещагина «Апофеоз войны» (1871 г.), на которой изображена пирамида белых человеческих черепов и которую сам Верещагин называл «столь же исторической картиной, сколько сатирой злой и нелицеприятной» [Верещагин, 1958, с. 14]. Позднее, в 1883 г., Толстой так отзовется о баталисте, почувствовав его творческую близость себе: «Это именно тот художественный историк войны, которого не было — поэтический и правдивый» [Толстой о литературе, 1955, с. 173].

Толстой-баталист живописует: «На нашем бастионе и на французской траншее выставлены белые флаги, и между ними в цветущей долине кучками лежат без сапог в серых и синих одеждах изуродованные трупы, которые сносят рабочие и накладывают на повозки. Запах мертвого тела наполняет воздух. Из Севастополя и из французского лагеря толпы народа высыпали смотреть на это зрелище и с жадным и благосклонным любопытством стремятся одни к другим. Послушайте, что говорят между собой эти люди». Далее автор дает живой диалог русских и французов, отрешившихся от боя и отдыхающих от трудной работы, болтающих невзгод о чем. Он прерывает его символической, тонко нарисованной, правдивой и трагической картиной: десятилетний мальчишка собирает «полевые голубые цветы, которыми усыпана эта долина». Его воображение поражает «один страшный безголовый труп, бывший ближе к нему. Постояв неподвижно довольно долго, он подвинулся ближе и дотронулся ногой до вытянутой окоченевшей руки трупа. Рука покачнулась немного. Он тронул ее еще раз и крепче. Рука покачнулась и опять стала на свое место. Мальчик вдруг вскрикнул, спрятал лицо в цветы и во весь дух побежал прочь, к крепости» [ПСС, т. 4, с. 56, 58].

Ужасный в своей простоте, этот эпизод, фрагмент которого тут процитирован, приводит автора к осознанию содеянного людьми перед лицом Бога, к раскаянию за апофеоз войны: «Да, на бастионе и на траншее выставлены белые флаги, цветущая долина наполнена смрадными телами, прекрасное солнце спускается к синему морю, и синее море, колыхаясь, блестит на золотистых

лучах солнца. Тысячи людей толпятся, смотрят, говорят и улыбаются друг другу. И эти люди, христиане, исповедующие один великий закон любви и самоотвержения, глядя на то, что они сделали, с раскаяниями не упадут вдруг на колени перед Тем, кто, дав им жизнь, вложил в душу каждого, вместе с страхом смерти, любовь к добру и к прекрасному, и со слезами радости и счастья не обнимутся, как братья? Белые тряпки спрятаны, и снова свистят орудия смерти и страданий, снова льется невинная кровь, и слышатся стоны и проклятья». «Может, не надо было говорить этого...» — сомневается автор.

Очерк завершается знаменательными словами, отвергающими это сомнение: «Герой же моей повести тот, которого я люблю всеми силами души, которого старался воспроизвести во всей красоте его и который всегда был, есть и будет прекрасен, — правда» (курсив мой. — Г. Ж.) [там же, с. 59].

Понимая, что цензура не пропустит очерк в печать, И. И. Панаев решил проверить свой вывод: познакомил с новым произведением Толстого близких тогда к редакции «Современника» В. П. Боткина, А. Ф. Писемского, который, к примеру, тоже признавал в письме к А. Н. Островскому: «Статья написана до такой степени безжалостно честно, что тяжело становится читать» [Писемский, 1946, с. 82]. Такого рода впечатления есть в письме В. П. Боткина к И. С. Тургеневу от 5 августа 1855 г. [Переписка Тургенева, 1986, с. 359]. Опытный редактор Некрасов тоже со страхом ждал цензурного барьера, что следует из его письма от 18 августа 1855 г. к И. С. Тургеневу: «Толстой прислал статью о Севастополе — но эта статья исполнена такой трезвой и глубокой правды, что нечего и думать ее печатать, да и на будущие его статьи об Севастополе нельзя рассчитывать, хотя он и будет присылать их, ибо вряд ли он способен (т. е. наверное неспособен) изменить взгляд» [Некрасов, 1998а, с. 214].

Председатель Цензурного комитета М. Н. Мусин-Пушкин, действительно, даже удивлялся тому, «что редактор решился статью представить, а г. цензор (им был В. Н. Бекетов. — Г. Ж.) дозволить к напечатанию». Он посчитал статью «за насмешки над нашими храбрыми офицерами, храбрыми защитниками Севастополя»

и запретил печатать очерк [ПСС, т. 4, с. 390]. Реакция главного цензора на произведение Толстого была вполне естественной. Панаев же как редактор оказался в сложном положении. Очерк уже был обещан аудитории. 18 июля 1855 г. Панаев писал Толстому, что только что получил и прочел его новый рассказ «Ночь весною в Севастополе», просил присылать новые произведения, замечая: «Вы не можете себе представить, с какою жадностью читает их вся Россия... Буквы Л. Н. Т. ждут все в журнале с страшным нетерпением — это не комплимент, а та же голая правда, которая героем в Вашем рассказе...» [Толстой, 1962, с. 71].

Но второй севастопольский очерк Толстого появился в журнале вообще без подписи. Панаев добился возможности опубликовать очерк с сокращениями указанных им мест. Редакция понимала необходимость появления этого произведения даже в таком урезанном виде. Нарушив волю автора, она поместила его на страницах «Современника» (№ 9) под названием «Ночь весною 1855 г. в Севастополе». В очерке отсутствовал последний, ключевой его абзац о «правде». Панаев вынужден был заменить его дежурной патристической фразой: «Но не мы начали эту войну, не мы вызвали это страшное кровопролитие. Мы защищаем только родной кров, родную землю и будем защищать ее до последней капли крови...» [там же]. В связи с этим произведением Панаев послал Толстому два письма (18 июля и 28 августа) с оправданиями.

Некрасов, понимая ситуацию, сразу же по приезде в Петербург 2 сентября 1855 г. послал Толстому подробное объяснение по поводу происшедшего, называя публикацию «обрывками статьи». Он уверял его в том, что «статья не была бы напечатана, если б это не было необходимо». Это письмо Некрасова станет настоящей поддержкой творческих начинаний Толстого: «Не хочу говорить, как высоко я ставлю эту статью и вообще направление Вашего таланта и то, чем он вообще силен и нов. Это именно то, что нужно теперь русскому обществу: правда — правда, которой со смертью Гоголя так мало осталось в русской литературе. Вы правы, дорожа всего более этою стороною в Вашем даровании. Эта правда в том виде, в каком вносите Вы ее в нашу литературу, есть нечто у нас совершенно новое. Я не знаю писателя те-

перь, который бы так заставлял любить себя и так горячо себе сочувствовать, как тот, к которому пишу...» [Некрасов, 1998а, с. 217–218]. Это письмо сгладит горечь автору от публикации в урезанном виде второго очерка. Но трудно судить Панаева-редактора: так или иначе он вовремя напечатал это произведение. Оно готовило читателя к трагическому исходу войны.

Третий очерк Толстого «Севастополь в августе 1855 года», уже подписанный его полным именем, вышел в первом номере «Современника» за 1856 г. Он представлял собой эпилог войны, раскрытый автором через впечатления молодого человека, прапорщика, впервые увидевшего войну. К месту боевых действий навстречу друг другу, не зная об этом, едут братья Козельцовы. Старший из них, поручик возвращается в часть после ранения. Через него продолжает развитие прозаическая реалистическая линия произведений Толстого. Младший, прапорщик Володя олицетворяет романтическое отношение к войне. И в очерке психологически точно исследовано состояние юноши, оказавшегося в «этом страшном месте смерти», диалектика его души, что отмечалось критиком Н. Г. Чернышевским.

Выписанное Толстым в предыдущем произведении столкновение мальчика с реалиями войны в момент перерыва от боев в новом очерке находит параллель в поведении молодого Козельцова. Некрасов с восхищением писал: «В самой мысли провести ощущения последних дней Севастополя и показать их читателю сквозь призму молодой, благородной, младенчески прекрасной души, не успевшей еще засориться дрянью жизни, видим мы тот поэтический такт, который дается только художникам» [там же, с. 223].

Володе становится страшно: по жребию он должен отправиться в самое пекло боя — на Малахов курган. Перед этим жизненно важным шагом герой очерка проходит через очищение: он вспоминает Бога и совершает молитву: «Детская, запуганная, ограниченная душа вдруг возмужала, просветлела и увидела новые обширные, светлые горизонты. Много еще передумал и перечувствовал он в то короткое время, пока продолжалось это чувство. Но заснул скоро покойно и беспечно, под звуки продолжавшегося гула бомбардирования и дрожания стекол» [там же].

«Господи великий! — обращается автор к Богу, — Только ты один слышал и знаешь те простые, но жаркие и отчаянные мольбы неведения, смутного раскаяния, просьбы исцеления тела и просветления души, которые восходили к тебе из этого страшного места смерти... Да, ты не уставал слушать мольбы детей своих, ниспосылая им везде ангела-утешителя, влагавшего в душу терпение, чувство долга и отраду надежды» [ПСС, т. 4, с. 90].

В литературоведении, даже в лучших работах о Толстом, существует постоянный элемент умолчания. Литератор и публицист отражал жизнь во всей полноте. В той человеческой жизни всегда было места Богу, что служило и мерой нравственного. Человек на войне тем более не мог не обращаться к Богу. Духовно-нравственный мотив в третьем очерке становится доминирующим. Он дает силы молодому воину быть достойным в страшном побоище.

«Бедные, бедные старушки, затерянные в неведомых уголках обширной Руси, несчастные матери героев, погибших в славной обороне! — замечает Некрасов, — вот как пали ваши милые дети, — по крайней мере, многие пали так, и слава Богу, что воспоминание о дорогих потерях будет сливаться в вашем воображении с таким чистым, светлым, поэтическим представлением, как смерть Володи! Счастлив писатель, которому дано трогать такие струны в человеческом сердце!» [Некрасов, 1998а, с. 223]. Николай Алексеевич считал, что созданному Толстым этому образу «суждено долго жить в русской литературе».

Духовно-нравственная сила является опорой русскому воину в момент отступления «от места, всего облитого кровью, — от места, одиннадцать месяцев отстаиваемого от вдвое сильнеешего врага и которое теперь велено было оставить без боя». Горечь, раскаяние, стыд и злоба охватывали русское войско: «Почти каждый солдат, взглянув с Северной стороны на оставленный Севастополь, с невыразимой горечью в сердце вздыхал и грозился врагам» [ПСС, т. 4, с. 119]. Так завершает свою трилогию Толстой, испытывавший общие чувства и настроения. «Я плакал, — признавался он в письме к родной тетке, — когда увидел город, объятый пламенем и французские знамена на наших бастионах... был день очень печальный» [ПСС, т. 59, с. 335].

1856 год стал годом, представившим обществу нового русско-го писателя во всей его полноте. В первом номере «Современника», наконец, читатель узнал имя автора, скрывавшегося под «литерами», а главное — почти одновременно в виде двух книг были изданы все основные произведения молодого литератора. В типографии Главного штаба Его Императорского Величества по военно-учебным заведениям вышли «Военные рассказы графа Л. Н. Толстого», включавшие в себя помимо севастопольского очеркового цикла такие произведения, как «Рубка леса» и «Набег».

Книга оказалась на столе отвечавшего за «Современник» цензора В. Н. Бекетова, известного объективным подходом к литературе [см. о нем: Громова, 2000, с. 85–100]. Он подписал полный авторский вариант «Военных рассказов» в печать 11 мая 1856 г. Ценность сборника заключалась в том, что читатель мог прочесть в нем произведения без цензурных искажений, имевших место при публикации в «Современнике» [см.: Толстой, 1928, с. 443–444]. В том же году вышли в свет книга «„Детство и Отрочество“». Сочинение графа Л. Н. Толстого (Санкт-Петербург. В типографии Эдуарда Праца. 1856. 8*, 306 с.); рассказы под полным именем Толстого в «Библиотеке для чтения» (№ 12) — «Встреча в отряде с московским знакомым. Из кавказских записок князя Нехлюдова» и «Отечественных записках» (№ 12) — «Утро помещика».

Литературная критика в 1856 г. могла получить полное представление о творчестве писателя. И действительно, вокруг него сразу же состоялся вполне обстоятельный разговор, имевший значение и для развития таланта Толстого и всей русской словесности. Большинство крупных журналов и газет («Современник», «Отечественные записки», «Библиотека для чтения», «Русская беседа», «Москвитянин», «Северная пчела», «С.-Петербургские ведомости», «Московские ведомости») так или иначе отметило новое явление в литературном процессе [см.: Русская критическая литература..., 1903; Спиридонов, 1933, с. 119].

1856 г. знаменателен еще тем, что между ведущими сотрудниками «Современника» состоялось особое Обязательное соглашение» [см.: Некрасов, 1997, кн. 1, с. 142; кн. 2, с. 241–242].

На титульной обложке журнала с октября 1856 по конец 1857 г. редакция помещала краткое объявление: «С 1857 г. будут принимать в „Современнике“ исключительное и постоянное участие: Д. В. Григорович, А. Н. Островский, Л. Н. Толстой, И. С. Тургенев». В распространенной рекламе говорилось: «Все новые беллетристические произведения названных писателей (романы, повести, комедии и т. п.), начиная с 1857 г. будут появляться исключительно в „Современнике“ — кроме тех статей, которые обещаны этими писателями» в другие журналы ранее» [Тургенев и круг «Современника», 1930, с. 65].

Это соглашение с определенной регламентацией авторских прав скоро приведет к распаду союза названных сотрудников журнала, и Толстой уйдет из «Современника». Напутствием ему прозвучат строки одного из последних писем Панаева, в котором редактор удивляется недоверию Толстого к самому себе, его стремлению получить заранее отзывы о повести «Юность» от тех, чьим мнением он дорожил. 13 октября 1856 г. Панаев убежденно заявлял: «Такие таланты, как Ваш, не обманывают. Совет, конечно, дело хорошее, особенно с человеком в литературе смыслящим, но и Пушкин был прав, когда говорил:

Всех строже оценить умеешь ты свой труд...

Ты им доволен ли, взыскательный художник? —

и проч. Я убежден, что Вы для себя — судья самый строгий» [Толстой, 1964, с. 78]. Такой вывод редактора и литератора был вполне естествен, особенно после совместной работы с автором по напечатанию его севастопольских очерков.

Эти произведения Толстого о Крымской войне были новым словом не только в русской литературе, но и в мировой. Настоящую правду о войне тогда написал только Лев Толстой. Уже его современники понимали это. А. В. Дружинин справедливо заметил, что «из числа всех неприятельских держав, войска которых были под стенами нашей Трои, ни одна не имела у себя хроникера, который мог бы соперничать с графом Львом Толстым» [Дружинин, 1856, с. 2].

«...Я люблю еще в вас великую надежду русской литературы, для которой Вы уже много сделали, — писал Некрасов 22 августа 1856 г. Толстому, — и для которой еще более сделаете, когда поймёте, что в нашем отечестве роль писателя — есть прежде всего роль учителя и, по возможности, заступника за безгласных и приниженных» [Некрасов, 1998б, с. 31]. Без сомнения, Толстой хотя и по-своему, но пошел именно по этому пути.

ГЛАВА II

«Второе рождение» Толстого

Блестящий дебют Толстого в «Современнике» начинал его карьеру литератора — по тем временам человека, пишущего повести и рассказы, статьи и романы, рецензии и сатиру, занимающегося литературой. После такого дебюта Лев Николаевич мог стать желанным сотрудником любого периодического органа. Так получилось, что он наиболее продолжительное время поддерживал творческие связи с журналом «Русский вестник» (1856–1906). Важную роль в творческой судьбе Толстого сыграл его редактор, талантливый публицист Михаил Никифорович Катков (1818–1887). За короткое время он создал в отечественной практике журнал фактически нового типа — литературный и политический, имевший свою программу модернизации всех сторон жизни общества. Катков как редактор «Русского вестника» в журнальной тактике сознательно делал ставку на противостояние авторитетному «Современнику». Весь полемический и публицистический дар он посвятил этому, выступая против политического радикализма в эпоху реформ. Журнал имел успех, и его тираж доходил до 6 тысяч экземпляров. Такой же тираж тогда был у «Современника».

Естественно, Катков стремился привлечь к сотрудничеству в «Русском вестнике» известных литераторов, что тогда было сложно, так как приходилось конкурировать с уже давно выхо-

дившими журналами. Он сразу же по достоинству оценил дарование Толстого и пытался переманить его в свой журнал. Так или иначе, это ему удалось. «Обязательное соглашение» основных сотрудников «Современника» базировалось, главным образом, на авторитете этого издания в обществе, на его идейном направлении. Какое бы издание ни было, оно не может удовлетворить всем потребностям литератора. У Толстого довольно быстро возникла антипатия к ведущему критику «Современника» Н. Г. Чернышевскому. Кроме того, Толстому неожиданно понадобилась определенная сумма денег, а обратиться с просьбой такого рода к редакции «Современника» Толстой не считал приемлемым для себя. Для этой цели нужна как бы нейтральная редакция, с которой были бы только деловые отношения.

Такие отношения у него установились с «Русским вестником», с которым он был связан более 15 лет (1859–1876 гг.). Толстой был не только постоянным его сотрудником, но и постоянным его читателем и подписчиком. Ни в каком другом журнале не было напечатано столько первоклассных произведений Толстого:

Семейное счастье. — 1859. Т. XX. № 1–2.

Казачьи. — 1863. № 1.

Поликушка. — 1863. Т. XIII. № 2.

Тысяча восемьсот пятый год («Война и мир»). — 1865. Т. LV. № 1–2; 1866. Т. LXI. № 2; LXII. № 3–4.

Анна Каренина. — 1875. Т. CXV. № 1–4; 1876. Т. CXXI. № 1–2; т. CXXII. № 3–4; т. CXXVI. № 12; 1877. Т. CXXVII. № 1–4.

Читатели привыкли, открывая свежий номер «Русского вестника», находить на его страницах произведения Толстого. Именно в этом журнале вышли в свет в 1856–1857 гг. ставшие событием в культурной жизни общества «Губернские очерки» М. Е. Салтыкова-Щедрина. Не меньшую сенсацию имел напечатанный в нем в 1862 г. роман И. С. Тургенева «Отцы и дети», вызвавший бурную полемику. В последующие годы здесь будут опубликованы романы Ф. И. Достоевского «Преступление и наказание», «Идиот», «Братья Карамазовы», «Бесы»; Н. С. Лескова «На ножах» и др. Особый успех выпал все-таки на долю толстовских романов «Война и мир» и особенно «Анна Каренина».

Явление «Анны Карениной» в свет было встречено всеобщим вниманием. Оно воспринималось как важнейшее событие литературной жизни. Роман сразу же вошел в обиход домашнего чтения. Фрейлина А. А. Толстая замечала: «Не было конца толкам, восторгам, пересудам и спорам, — как будто дело шло о вопросе, каждому лично близком» [Переписка Л. Н. Толстого с А. А. Толстой, 1911, с. 273].

Номера «Русского вестника» ждали, они шли нарасхват. Н. Н. Страхов, работавший в Публичной библиотеке, рассказывал Толстому, что ее сотрудники постоянно спорили по поводу романа: о событиях, которые в нем разворачивались, о поступках героев. Один из читателей даже заподозрил их в том, что сами они читают журнал, а посетителям не выдают, о чем записал в жалобную книгу [Переписка Л. Н. Толстого с Н. Н. Страховым, 1914, с. 58, 83–84, 102]. Публикация произведений Толстого проходила и под бурный аккомпанемент литературной критики.

Однако между редактором и писателем произошел конфликт, поводом к которому послужил эпилог «Анны Карениной». На самом же деле для этого был целый ряд причин, в первую очередь недовольство редактора процессом печатания произведений Толстого. Писатель постоянно их перерабатывал, затягивал выход в свет журнала, из-за чего происходило удорожание его печати. Толстой перестал сотрудничать в «Русском вестнике». 8-я часть романа была напечатана в 1877 г. вне журнала. Она открывалась кратким предисловием автора: «Последняя часть „Анны Карениной“ выходит отдельным изданием, а не в „Русском вестнике“, потому что редакция этого журнала не пожелала напечатать эту часть без некоторых исключений, на которые автор не согласился» [Толстой, 1877, с. 3].

Таким образом, стороны расстались друг с другом вполне корректно... Фактически на уходе Толстого из «Русского вестника» завершается доминирование в его творчестве беллетристики. Он все больше становится публицистом. Логика самой его жизни вела к этому. Активная жизненная позиция Льва Николаевича в конце концов столкнет его лицом к лицу с бедственным и бесправным положением народа России, когда он воочию увидел

в 1872–1873-е годы голодающие семьи крестьян. Он специально объехал несколько сел Самарской губернии, провел опросы крестьян и описал состояние их хозяйств. Крестьянам пришлось уже летом проесть все запасы съестного. Всё, что можно продать, было продано, включая скот. На будущий год, таким образом, не осталось что сеять и на чем сеять. Под впечатлением всего этого Толстой пишет с хутора на Тананыке 28 июля 1873 г. отчаянное открытое письмо «Издателям „Московских ведомостей“», опубликованное в этой газете 17 августа.

Обращаясь к издателям газет двух столиц, он показывает сложившуюся в деревне, в «глухих местах Самарской губернии», ситуацию — «последствие трех неурожайных лет»: «Я считаю своим долгом описать, насколько сумею правдиво, бедственное положение сельского населения здешнего края, и вызвать всех русских к подаянию помощи пострадавшему народу» [ПСС, т. 62, с. 35–36]. Объезжая голодные места, Толстой фактически проводит расследование, понимая, что в этом случае нужны веские доказательства. Публицист как социолог делает убедительную выборку для показа положения крестьян: он дотошно обследует 23 двора села Гавриловки — каждый десятый. Возьмем для примера описание среднего двора:

«Мироновы.

Едоков 6, работников 3.

Скотины: 3 лошади, 2 коровы, 10 овец.

Посеву 8 десятин, ничего не родилось.

Долгу подушного 30 р., частного 25 рублей.

Никого дома, кроме старухи.

Хлеба нужно 108 пудов на 86 рублей.

Заработать могут 60 при самых выгодных условиях.

А земля останется незасеянной» [ПСС, т. 17, с. 65].

В связи с таким подходом автора к раскрытию общей картины бедствия газета «Голос» 25 августа в разделе «Провинциальное обозрение» отмечала, что проведенная Толстым опись каждого 10-го двора — «совершенно новый и сильно действующий на

читателя прием», и подчеркивала: это — «самая сильная часть картины, написанной мастерской рукой» [см.: Позойский, 1964, с. 66]. Опись в целом оформлена как документ. Она имеет подписи местного священника, сельского старосты и писаря.

Статья Толстого неопровержимо доказывала, что далее так продолжаться не может — нужна экстренная помощь. Автор как репортер-очевидец описывает место действия: поля, по которым нельзя догадаться, что же на них посеяно. «И это в половине июля», — замечает он. Но и с этих полей убирается все, что есть: «убирают пустую солому, которая не возвращает семян». На покосах, «с желтыми выгоревшими местами», стоят редкие стога, давно убранные, так как сена «было в десять раз меньше против обычных урожаев». Зато дороги полны народа, едущего на заработки в другие места, где плата за труд так мала, что «работник не успевает выработать на то, что у него съедают дома» [ПСС, т. 17, с. 62].

Обращение Толстого, уже известного тогда писателя, «вызвать всех русских к подаянию помощи пострадавшему народу» нашло отклик в обществе. Оно его разбудило. Печать забила в колокола. «Московские ведомости» подчеркивали: «Появление письма Л. Н. Толстого было поворотным пунктом в истории помощи голодающим. Оно было буквально подхвачено общественным мнением, его везде цитировали и ссылались на него». «Санкт-Петербургские ведомости» изложили статью Толстого в передовице. Дважды, 20 и 21 августа, к призыву писателя обращалась газета «Новости». 25 августа «Голос» расценил «Письмо Толстого» как явление большого общественного значения. Журнал «Дело», рассказав во «Внутреннем обозрении» о самарском голоде, перепечатал большую часть этого обращения.

Даже в официальном отчете о самарском голоде управляющий самарской Казенной палаты Е. Н. Анучин признавал, что до письма графа Л. Н. Толстого «никому и ничего вне Самарской губернии не было известно, что в ней происходит»; да и в самой этой губернии многие не замечали происходившего. «Корреспонденция графа Толстого была громом, заставившим всех переkreсться» [там же, с. 591]. 1 сентября в «Московских ведомостях»

было помещено Высочайшее повеление «о повсеместной подписке для сбора приношений». Денежные поступления продолжались до 1876 г. За 1873–1874 гг. было собрано до 1 887 000 рублей, до 21 тыс. пудов хлеба [Бирюков, 2000, т. 1, с. 374].

Открытое письмо «Издателям „Московских ведомостей“» положило начало новому этапу жизни и деятельности Л. Н. Толстого. К сожалению, большинство биографов писателя не уделяют достаточного внимания этому важному эпизоду в его жизни. Работая в это время над «Анной Карениной» он уже тогда терзался мучившими его сомнениями: тем ли он вообще занимается? «Успех последнего отрывка „Анны Карениной“ тоже, признаюсь, порадовал меня. Я никак этого не ждал, — замечает Лев Николаевич в письме от 25–26 января 1877 г. к Н. Н. Страхову по поводу той части романа, которая вышла в декабре 1876 г. в «Русском вестнике», — и, право, удивляюсь и тому, что такое обыкновенное и ничтожное нравится, и еще больше тому, что, убедившись, что такое ничтожное нравится, я не начинаю писать сплеча, что попало, а делаю какой-то самому мне почти непонятный выбор» (курсив мой. — Г. Ж.) [Толстой о литературе, 1955, с. 158]. Это касалось жизни, деятельности и творчества писателя.

Столкновение с правдой жизни, к которой Толстой всегда был гениально чуток, привело его к сознательному пересмотру образа жизни, включая и творчество. Оно стало прелюдией в осознании Толстым паразитического существования элиты, к которой и он принадлежал, неправды ее жизни. Он подвергает сомнению современное ему устройство всех жизненных основ и так называемых достижений цивилизации, ее прогресса.

Потрясенный буднями голода народа, писатель задается вопросами: что же это за государство, которое не может помочь тем, кто кормит всех и себя? Что же это за правители страны, при которых все это может происходить? Где же честь и достоинство дворянства, которое в дни народной беды продолжает бальные шествия, салонную болтовню и пиршества? Что же это за Церковь, которая не может повлиять ни на власть имущих, ни на тех, кто проводит жизнь праздно, когда беда постучалась в дверь, когда господствует мор, умирают кормильцы страны?

«Левочка всё работает, как он выражается, но увы! Он пишет какие-то религиозные рассуждения, — сообщила 7 ноября 1879 г. сестре Т. А. Кузминской, сокрушаясь, Софья Андреевна, — читает и думает до головных болей, и всё это, чтобы доказать, как церковь несообразна с учением Евангелия. Едва ли в России найдётся десяток людей, которые этим будут интересоваться» [Бирюков, 1923, т. 2, с. 158].

Бунт Толстого носил глубоко нравственный характер. Он перестает писать художественные полотна, берется за поиск смысла жизни, создает религиозно-философские произведения и нравственную, обличительную публицистику, вскрывающую аморальное содержание злобы дня: политики, управления, творчества, искусства, церковных установлений и обрядов и др. Можно сказать, что Толстой начинает, как это потом будет понятно, мировую нравственную революцию. Он живет полнокровной духовной жизнью.

«Время это, 1881 год, было для меня самым горячим временем внутренней перестройки всего моего мирозерцания, — писал позднее Лев Николаевич, — и в перестройке этой та деятельность, которая называется художественной и которой я прежде отдавал все свои силы, не только потеряла для меня прежде приписываемую ей важность, но стала прямо не приятна мне по тому несвойственному месту, которое она занимала в моей жизни и занимает вообще в понятиях людей богатых классов» (курсив мой. — Г. Ж.) [Толстой о литературе, 1955, с. 271–272]. Определенную роль в этом сыграло то потрясение, которое Толстой испытал в связи с убийством 1 марта 1881 г. царя-освободителя Александра II. Жестокость рождает жестокость, зло сеет злобу и зло. Любовь рождает любовь, будит совесть и сеет добро. 8–15 марта 1881 г. он пишет, переписывает и снова пишет послание сыну убитого императора, взошедшему на престол, пытается остановить распространение в обществе жестокости.

Именно в это время, в 1880–1881 гг., Толстой завершает работу над «Исповедью», берется за перевод четырех Евангелий. Он приходит к новому для человека его круга образу жизни: он пытается жить так, как живет народ, главным для которого явля-

ется труд и нравственная жизнь. Он находит опору в народе: «И я перестал сомневаться, а убедился вполне, что в том знании веры, к которому я присоединился, не вся истина. Прежде я бы сказал, что всё вероучение ложно; но теперь нельзя было этого сказать. Весь народ имел знание истины, это было несомненно, потому что иначе он бы не жил» [ПСС, т. 23, с. 56].

«Исповедь» посвящена поиску не столько веры, сколько смысла жизни вообще. Для Толстого вера и жизнь — диалектическое единство: «Вера есть сила жизни. Если человек живет, то он во что-нибудь да верит... Без веры нельзя жить» [там же, с. 35]. «Я начинал понимать, что в ответах, даваемых верою, — подчеркивает автор, — хранится глубочайшая мудрость человечества, и что я не имел права отрицать их на основании разума, и что, главное, ответы эти одни отвечают на вопрос жизни» [там же, с. 37].

Лев Николаевич проводит читателя по страницам своего бытия: от детства, юности до того времени, как он пишет, «когда со всех сторон было у меня то, что считается совершенным счастьем: это было тогда, когда мне не было пятидесяти лет. У меня была добрая, любящая и любимая жена, хорошие дети, большое имение, которое без труда с моей стороны росло и увеличивалось. Я был уважаем близкими и знакомыми, больше чем когда-нибудь прежде, был восхваляем чужими и мог считать, что я имею известность, без особенного самообольщения... пользовался силой и духовной и телесной, какую я редко встречал в своих сверстниках... И в таком положении я пришел к тому, что не мог жить и, боясь смерти, должен был употреблять хитрости против себя, чтобы не лишиться себя жизни» [там же, с. 12–13].

Параграф, содержащий это утверждение, начинается со слов «Жизнь моя остановилась», а абзац, где оно находится, — со слов-рефрена «Жизнь мне опостылила». Со всей очевидностью и простотой перед Толстым встал судьбоносный вопрос: «Зачем мне жить, зачем чего-нибудь желать, зачем что-нибудь делать?» Еще иначе выразить вопрос можно так: «Есть ли в моей жизни такой смысл, который не уничтожался бы неизбежно предстоящей мне смертью?» [там же, с. 16–17].

Толстой начинает искать ответ на него в человеческом знании, буддизме, магометанстве и «более всего» христианстве. Он обратился к ученым, богословам, монахам-старцам, сектантам, к примеру В. К. Сютяеву, у которого он побывал в его деревне Шелвине, а крестьянин тоже приезжал к писателю в Москву. Лев Николаевич «ухватывался за этих верующих и допрашивал их о том, как они верят и в чем видят смысл жизни». Действительно, писатель в эти годы посетил Оптину пустынь (1877 и 1881 гг.), Киево-Печерскую лавру и Троице-Сергиеву лавру (1879 г.). Но Толстой «не мог принять веры этих людей», так как ему казалось, что их вера была «затемнением смысла жизни».

В таком состоянии он находился два года. После чего, замечает Лев Николаевич, «со мной случился переворот, который давно готовился во мне и задатки которого всегда были во мне. Со мной случилось то, что жизнь нашего круга — богатых, ученых — не только опротивела мне, но потеряла всякий смысл. Все наши действия, рассуждения, наука, искусство — все это предстало мне как баловство. Я понял, что искать смысл в этом нельзя. Действия же трудящегося народа, творящего жизнь, представилась мне единым настоящим делом. И я понял, что смысл, придаваемый этой жизни, есть истина, и я принял его» [там же, с. 40]. Толстой обратился в своих поисках к «простому трудовому народу» — «к тому смыслу, который он придает жизни» [там же, с. 47].

Писатель осознал, что его поиск смысла жизни — одновременно и «искание Бога». Он выражает это афоризмом: «Знать Бога и жить — одно и то же. Бог есть жизнь». «И Бог так сотворил человека, что всякий человек может погубить свою душу или спасти ее» [там же, с. 46]. Поставленный перед выбором, Толстой решает дилемму радикально: «Я отрекся от жизни нашего круга, признав, что это не есть жизнь, а только подобие жизни, что условия избытка, в которых мы живем, лишают нас возможности понимать жизнь и что для того, чтобы понять жизнь, я должен понять жизнь не исключений, не нас, паразитов жизни, а жизнь простого трудового народа, того, который делает жизнь, и тот смысл, который он придает ей» [там же, с. 47].

«Все, что прежде казалось мне хорошим и высоким, — разъяснял он позднее, — почести, слава, образование, богатство, сложность и утонченность жизни, обстановки, пищи, одежды, внешних приемов, — все это стало для меня дурным и низким. Все же, что казалось дурным и низким, — мужичество, неизвестность, бедность, грубость, простота обстановки, пищи, одежды, приемов — все это стало для меня хорошим и высоким» [там же, с. 40].

Лев Николаевич сделал свой выбор смысла жизни, обрел веру и «проснулся». Этим словом и заканчивается его «Исповедь».

Путь этого произведения к читателю был своеобразен. Он показал автору, как его произведение может дойти до аудитории в сложных условиях цензурного режима. Рукопись Толстого была названа им «Что я?». По замыслу она должна была стать составной частью большого трактата, посвященного религиозно-философским проблемам. Однако по своей обращенности к самому широкому читателю, по манере исполнения произведение представляет собой публицистику личностного плана, эссеистику, содержащую размышления о собственной судьбе, ее осмысление, самоанализ: недаром в конце концов оно получило более точное название, среди которых фигурировало и название «Автобиография».

Существует большое число интерпретаций «Исповеди» Толстого. Теоретики Церкви подходят к ней как к богословскому сочинению [Ореханов, 2010]. Философы рассматривают ее как вклад в философию [Дни петербургской философии, 2013, с. 7–74; Рыбас, 1013, с. 47–60]. По-своему ее исследуют филологи. Сам автор прекрасно осознавал отличие своего нового творения от философских и богословских сочинений. В варианте гл. VII «Исповеди» есть свидетельствующая об этом, хотя и не вошедшая в основной текст фраза: «Если бы я писал книгу философскую, я бы сказал те выводы, которыми опроверг свое отчаяние (я даже и сделал было это, но вычеркнул). Но если бы я писал богословское сочинение, я бы сказал, что Бог спас меня. Но я хочу описать ход моей душевной жизни как можно правдивее и потому говорю, что остановило меня от самоубийства. Меня спасло то, что я видел

других...» (курсив мой. — Г. Ж.) [ПСС, т. 23, с. 499]. Такая задача — «описать ход моей душевной жизни» — вела к соответствующей ей форме изложения текста — эссеистической.

Один из наиболее глубоких немецких исследователей эссеистики Т. В. Адорно в труде «Эссе как форма» трактует эссе как форму «негативной диалектики», тотального отрицания. В рамках этой концепции, по мысли М. Н. Эпштейна, назначение эссе — «демонстрировать относительность любых абсолютов, расщеплять все политические и культурные „сплошности“, релятивизировать значение слов, лишая их словарной всеобщности и застывшей пропагандистской оценочности» [Эпштейн, 1988, с. 376].

Толстой еще в июле 1857 г. писал в «Записной книжке»: «Ум, который я имею и который люблю в других, — тот, когда человек не верит ни одной теории; проводя их дальше, разрушает каждую и, не доканчивая, строит новые» [ПСС, т. 47, с. 212]. И Толстой был во многом верен этому правилу и в творческом, и в духовном поиске.

Эссеистическая личность, по Адорно, есть «олицетворение чистого скепсиса, оппозиционно-альтернативного мышления, противостоящего „истэблшменту“ с его набором освященных вещей и овеществленных святынь» [Эпштейн, 1988, с. 376–377]. Это утверждение экстраполируется на автора «Исповеди» и его произведение, появившееся во время духовных и творческих поисков, включая поиск в области формы, поиск наиболее точного и полного выражения в форме собственного душевного, психологического состояния. Конечно, огромную роль для жанра эссе имеет значимость личности его автора для общества, ее оригинальность, индивидуальность автора, его раскрепощенность, умение свободно донести мысль до читателя в любых условиях, умение вести, я бы сказал, монолог.

Редактор «Русской мысли» С. А. Юрьев в письме к Толстому назвал его новое сочинение «рассуждением» [ПСС, т. 23, с. 520]. Жанр эссе, относимый нашими литературоведами чаще всего к зарубежному литературному опыту, на самом деле не менее распространен и в русской словесности и журналистике, где его модификации нередко относятся к очеркистике. Вообще, как спра-

ведливо утверждает Томашевский, «жанр — это сфера тяготения к одному центру, и разграничить сферу тяготения трудно» [Томашевский, 1959, с. 500]. Что касается эссе — жанра синтетического, лежащего на грани литературы и публицистики, философии и литературы, литературы и поэзии и т. д., то сложность эта удваивается и утраивается. Недаром существует огромное число определений этого жанра и представлений о нем [см.: Канторович, 1962; Эпштейн, 1988; Дмитровский, 2006].

Толстой после столкновения с реальностью бытия, создания романов, очерков, рассказов находился не только в душевном, психологическом кризисе, но и в творческом поиске, в поиске формы, адекватной его душевному состоянию, его отстоявшемуся представлению о том, что нужно творить и как, в поиске средств воссоздания той правды жизни, которую он раскрыл в экстремальных условиях Севастопольской эпопеи. Переход от художественных монументальных полотен и картин к религиозно-философским сочинениям и нравственной публицистике сопровождался у Толстого размышлениями о формотворчестве.

«Форма романа не только не вечна, — запишет он в дневнике уже после создания «Исповеди» 18 июля 1893 г., — но она проходит. Совестно писать неправду, что было то, чего не было. Если хочешь что сказать, скажи прямо» [Толстой о литературе, 1955, с. 270]. Эта запись отражает постоянное борение великого писателя между желанием писать художественное, вечное или публицистическое, замешанное на современности, злобе дня. Природный талант Толстого-художника слова всегда давал о себе знать. Тем не менее великий писатель продолжал поиск синтеза в словесном отражении жизни.

После многих лет публицистической практики 12 января 1909 г., фактически обобщая ее, Лев Николаевич снова вернется в дневнике к проблеме формотворчества: «Сейчас много думал о работе. И художественная работа: „был ясный вечер, пахло...“ невозможна для меня. Но работа необходима, потому что обязательна для меня. Мне в руки дан рупор, и я обязан владеть им, пользоваться им. Что-то напрашивается, не знаю, удастся ли. Напрашивается то, чтобы писать вне всякой формы: не как статьи, рассуждения

и не как художественное, а высказывать, выливать, как можешь, то, что сильно чувствуешь» (курсив мой. — Г. Ж.) [ПСС, т. 57, с. 9]. Поразительно! На закате дней продолжается это творческое боре-ние таланта.

В этой записи интересен типологический жанровый ряд: художественное, рассуждения, статьи и высказывание, выливание без всякой формы. Собственно под этим Толстой невольно дал обобщенную картину своего формотворчества: беллетристика, философия, публицистика, эссеистика. Рукопись «Исповеди» была готова к июлю 1881 г. При ее чтении у Толстого в гостях был редактор «Русской мысли» С. А. Юрьев, который посчитал, что статья может пройти цензуру и быть напечатанной в его журнале. Толстой согласился. Рукопись была отправлена в набор, прошла три корректуры и верстку. При этом автор внес в ее текст немало изменений, дал ей название «Вступление к ненапечатанному сочинению», написал новое заключение.

Эссе Толстого имело длинную цензурную историю. Оно было запрещено духовной цензурой. Цензор ректор Вифанской семинарии протоиерей Сергиевский неодобрительно отнесся к сочинению писателя, упрекая его в гордыне: «С исступленным отчаянием он высказывает признание: Я хотел убить себя». О вере «просвещенных людей» дает «эпикурейски легкомысленный и непростительный по отношению к Св<ятому> писанию отзыв»¹.

4 июля 1882 г. газета «Голос» сообщила, что статья Толстого была «к выходу в свет окончательно воспрещена и, по передаче ее инспектором типографии в распоряжение полиции, полицией на днях уничтожена». Но это сообщение о цензурной экзекуции над произведением писателя было неточным. По свидетельству Н. Н. Бахметьева, под наблюдением инспектора типографий из журнала были вырезаны страницы с этим произведением и отправлены в Главное управление по делам печати. Кроме того, 11 сентября министерство внутренних дел циркуляром за

---

¹ Основным источником для последующих изысканий по истории издания «Исповеди» Толстого стала статья секретаря журнала «Русская мысль» Н. Н. Бахметьева [Б<ахметье>в, 1908].

№ 1202 установило за Толстым «негласное наблюдение», о чем были разосланы «совершенно доверительные» бумаги в Москву, Тулу и Крапивну по жандармской линии.

Интерес к необычному сочинению известного писателя в новой общественной атмосфере был настолько велик, что Главное управление по делам печати не смогло отказать некоторым высокопоставленным лицам познакомиться с ним. Им были предоставлен ряд корректурных оттисков эссе Толстого. Это кончилось тем, что оно стало распространяться по всей стране в переписанном, отгектографированном или отлитографированном виде. В Петербурге кружок студентов наладил копирование этого произведения. За 3 рубля такой его экземпляр можно было купить не только в столичных, но и в провинциальных городах [Гусев, 1886, с. 522; Книга в России, 1997, с. 326]. Получилось так, что самодеятельный тираж «Исповеди» явно превзошел трехтысячный тираж журнала «Русская мысль», в котором планировалось поместить сочинение писателя.

Интересно, что в печати произведение Толстого стали называть исповедью, и это действительно соответствовало его духу. Уже в 1883 г., например, Л. Е. Оболенский, редактор журнала «Русское богатство», замечал на его страницах, что Толстой «поведал миру свою душевную исповедь» (№ 1. С. 216). «Исповедь», первое запрещенное цензурой сочинение Толстого, получила самое широкое распространение. Сначала оно появилось в газете «Общее дело» (Женева, октябрь 1883 — май 1884, № 56–61) как «Вступление к ненапечатанному сочинению. Исповедь гр. Л. Н. Толстого». Затем один из издателей «Общего дела» М. К. Эллидин опубликовал в 1884 г. это эссе отдельно в виде брошюры, дав ему название «Исповедь графа Л. Н. Толстого. Вступление к ненапечатанному сочинению». С тех пор оно и получило название «Исповедь», которое затем принял и ее автор, хотя ему и не нравилась некая перекличка с произведениями такого рода Августина и Руссо.

За границей «Исповедь» переиздавалась много раз: только у Эллидина четырежды — в 1884, 1889, 1895, 1900 гг.; в издательстве И. Рэда, в «Свободном слове» В. и А. Чертковых (1901).

Однако и в России «Исповедь» была вполне доступна читателю. В газете «Новости» 5 февраля 1884 г. была помещена заметка Н. С. Лескова со ссылкой на иностранную печать, где сообщалось, что в Москве в магазинах продано 50 экземпляров «Исповеди» графа Толстого по 25 руб., а в Петербурге якобы их продают дешевле [Карякин, 1918, с. 285]. Кроме самостоятельного распространения этого текста был использован уже испытанный в русской журналистике прием его цитирования и комментирования в печати. «Русская мысль» (№ 11) опубликовала в 1884 г. статью М. С. Громеки «Последние произведения Л. Н. Толстого», где приводились значительные выдержки из «Исповеди». Статья Громеки выходила отдельными изданиями 6 раз (1-е — 1885 и 6-е — «Посредник», 1914). В «Неделе» (№ 44 и 46) в 1885 г. появились «Беседы с гр. Л. Н. Толстым» В. Вогезского.

Можно было познакомиться с сенсационным произведением писателя и через его критику в печати Русской Православной Церкви. Журнал «Вера и разум» в 10 номерах поместил серию статей М. А. Остроумова (1847–1920) «Наши новые философы и богословы» (Вера и разум. 1885. № 20–23; 1886. № 22, 23; 1887. № 2–6). Статьи вышли и в виде книги «Граф Л. Н. Толстой (Критический разбор «Исповеди» Л. Н. Толстого)» (Харьков, 1887. 296 с.). Профессор Казанской духовной академии А. Ф. Гусев (1842–1904) также выступил в журнале «Православное обозрение» в 1886–1890 гг. с серией полемических статей «Л. Н. Толстой, его исповедь и мнимо-новая вера», печатавшихся в 13 номерах. В первой статье автор почти на 15 страниц цитирует фрагмент «Исповеди» [Гусев, 1886, с. 297–311]. В 1890 г. эти статьи были изданы в Москве книгой, имевшей 460 страниц [Гусев, 1890].

Таким образом, несмотря на цензурный запрет, «Исповедь» Толстого станет одним из самых читаемых его публицистических произведений, а опыт его распространения закрепится и получит развитие в дальнейшем. Прогноз Софьи Андреевны о том, что в России не найдётся и десятка людей, которые заинтересуются новым произведением ее мужа, оказался несостоятельным.

История распространения «Исповеди» Толстого крайне поучительна. Произведение писателя соберет вокруг себя огромную

аудиторию, оно станет предметом живейшего общественного интереса. О нем будут спорить, его будут критиковать. Для целого ряда интеллигентов оно станет жизненным руководством. Других заставит глубоко задуматься над своим образом жизни. «Появление „Исповеди“ Л. Н. Толстого знаменовало фактически новый этап в развитии русского общества, — приходит к выводу в докторской диссертации современный исследователь священник Г. Ореханов, — от которого был долго скрыт тот факт, что на самом деле Толстой бился над вопросами, которые всегда волновали русского интеллигента (жизнь и ее смысл, общество и народ, прогресс и т. д.)» [Ореханов, 2010, с. 157].

В жизни России появилось совершенно новое явление — публицистика Толстого, зазвучал Колокол не из Лондона, а из сердца России — Москвы.

Толстой считал тот перелом, который произошел в его мировоззрении в 1870-е годы, своим «вторым рождением» [Гусев, 1890, с. 515]. «Исповедь» была его отражением. В это время он более основательно познал и другую часть населения России — городскую. Осенью 1881 г. семья Толстых после многих лет пребывания в Ясной Поляне перебралась в Москву. Верный себе, Лев Николаевич пристально изучает жизнь города, особенно его голытьбы. Он пытается осмыслить новые для него явления: «В Москве нельзя пройти улицы, чтобы не встретить нищих, и особенных нищих, не похожих на деревенских» [ПСС, т. 25, с. 615, 182]. Впечатления от всего познанного и прочувствованного были такими, что Лев Николаевич, по его словам, «не мог без раздражения видеть ни своей, ни чужой гостиной, ни чисто, барски накрытого стола, ни экипажа, сытого кучера и лошадей, ни магазинов, театров, собраний...» [там же, с. 191]. Это была мучительная для Толстого, внутренняя, душевная работа. «Прошел месяц — самый мучительный в моей жизни», — считал писатель, но оказалось, что эта трудная для него пора продлится не один год.

Льва Николаевича волнуют коренные и насущные проблемы современного ему общества, требующие вмешательства в их решение, а это прерогатива публицистики. Поэтому ее пласт в

его творческом наследии огромен и значителен. Он охватывает художественную, философскую, нравственную, духовную публицистику. В нем исследуются все стороны человеческого бытия. И вся публицистика поставлена на службу народу. Это был, можно сказать, социальный заказ Совести Толстого. И к нему он шел по жизни вполне последовательно.

23–25 января 1882 г. в Москве должна была проходить перепись населения. Толстой решил участвовать в ней, чтобы понять истоки и причины бедственного положения городских низов и чтобы найти средство, как помочь несчастным. Он был в числе 80 основных организаторов переписи, в которой участвовало около 2000 счетчиков [об этом см.: Янжул, 1909, с. 407–425; Толстой, 1969, с. 188–189; Толстой, 1975, с. 135–136; Амфитеатров, 1915, с. 174–179; 1928; 2004, с. 127–136].

Лев Николаевич оперативно пишет статью-обращение «О переписи в Москве». Накануне переписи 20 января она появляется в московской, рассчитанной на городские низы, дешевой газете «Современные известия», издававшейся в 1867–1887 гг., редактором которой был Н. П. Гиляров-Платонов (1824–1887). Обращение Толстого было напечатано на месте статьи редактора со следующим комментарием Гилярова-Платонова: «На сегодняшний раз мы приостанавливаем свое обычное руководящее слово к читателям, уступая место почетному и дорогому гостю в нашем издании, гр. Льву Николаевичу Толстому. Он пожелал стать в числе 80 распорядителей, которым поручена перепись в Москве, и не остался к этому делу холодным. От души желаем, чтобы прочувствованное его слово по поводу переписи принесло свой христианский плод».

Автор обращения проявил большую заинтересованность в том, чтобы оно вышло своевременно. Набор статьи происходил в его присутствии. Писатель помогал наборщикам читать оригинал, тут же правил корректуру, а листы оригинала подарил на память наборщикам и присутствовавшим тогда же в типографии сотрудникам редакции С. А. Гилярову и С. К. Эфрону (Рус. листок. 1903. № 281) [см.: Неопознанный гений, 1903, с. 90]. Кроме того, Толстой заказал в редакции 500 отдельных оттисков обращения

для раздачи их счетчикам, занимавшимся переписью населения. 16-страничная брошюра вышла тоже своевременно: 22 января уже было получено разрешение на ее печатание.

В обращении Толстого разъясняется, что такое перепись, как она проводится и кем, ее задачи и особенности, в чем состоит обязанность счетчика, всех 2000 человек, занятых переписью, вообще социологической науки: «Что такое для нас, москвичей, не людей науки, совершающаяся перепись? Это две вещи. Во-первых, то, что мы наверно узнаем, что среди нас, среди десятков тысяч, проживающих десятки тысяч, живут десятки тысяч людей без хлеба, одежды и приюта; во-вторых, то, что наши братья, сыновья будут ходить смотреть и спокойно заносить по графам, сколько умирающих с голода и холода. И то и другое очень дурно» [ПСС, т. 25, с. 174].

Толстой показывает в статье, что и революционеры, и консерваторы против нищеты. Что же надо делать в таком случае? Надо, по мнению писателя, к переписи присоединить дело: «Наука делает свое дело, давайте и мы сделаем свое». Он подчеркивает: «Как бы кто ни смотрел на жизнь, всякий согласится, что важнее ничего нет человеческой жизни, и дела нет более важного, как устранить препятствия для развития этой жизни, помочь ей. В Евангелии с поразительной грубостью, но зато с определенностью и ясностью для всех выражена та мысль, что отношения людей к нищете, страданиям людским есть корень, основа всего.

„Кто одел голого, накормил голодного, посетил заключенного, тот меня одел, меня накормил, меня посетил“, то есть сделал дело для того, что важнее всего в мире» [там же, с. 175].

При этом автор обращения выступает против филантропических мер государства, учреждений и лиц («князь А. пожертвовал 1000 р., а почетный гражданин Б. 300 р.»). Его переговоры «кое с кем из богатых» показали, «как рады были богатые случаю так прилично избавиться от своих денег, этих чужих грехов, которые они берегут у себя на сердце». В связи с этим писатель напоминает о начальнике мытарей — евангельском Закхее, который, слушая Христа, понял, что «учитель не хвалит богатство», и попытался откупиться [там же, с. 177–178] Так же и «московские Закхеи» даже если бы собрали миллиард — это ничего бы не изменило.

«Денег не нужно, — делает вывод Лев Николаевич. — Нужна деятельность самоотверженная, нужны люди, которые хотели бы делать добро, отдавая не чужие грехи — деньги, а свой труд, себя, свою жизнь». С этой целью Толстой предлагает программу действий, в основе которой лежит кредо: «Добро не есть давание денег, оно есть любовное отношение людей. Оно одно нужно» [там же, с. 179].

Статья Толстого имела большой отклик в сердцах людей. Издатель П. А. Гайдебуров назвал ее «вдохновенным обращением» к жителям Москвы, которое несомненно укрепит в них «силу любви и гуманности». Художник Н. Н. Ге, прочитав статью, отправился к Толстому, чтобы «обнять этого великого человека и работать ему» [Петровицкая, 2004а, с. 456]. Однако сам Лев Николаевич испытал глубокое разочарование. Как признается он потом, «бросил все дело и с отчаянием в сердце уехал в деревню». Там он собирался написать статью обо всем том, что испытал, и рассказать, «почему не удалось» его предприятие [ПСС, т. 25, с. 224–225].

Сохранился план статьи «Московские прогулки», имевшей 15 главок: «Прием рекрут», «Солдатка», «Спор у Охотского ряда», «На Каменном мосту», «Ляпинский дом», «Толпа взятых за прошение милостыни», «Извозчик» и др. [там же, с. 741]. Работа Толстого над статьей стала для него на какое-то время непреодолимым барьером. То, что прошло через душу, не получалось выразить на бумаге. Истек не один год. Части статьи появлялись в журналах, но автор никак не мог поставить точку. В течение 1882–1885 гг. статья для него стала как бы наваждением, от которого он не мог освободиться: он постоянно, даже если не писалось, возвращался к ее проблемам, думал над ними, переживал их. Его дневник фиксирует это. В конце концов, статья превратилась в цикл очерков — целую книгу в 229 страниц [там же, с. 182–411]. Впрочем, это было возвращением к задуманному. План этого произведения, приведенный нами, фактически вмещает в себя самостоятельные очерковые сюжеты — цепочку картинок, которые вряд ли можно было бы соединить в одной статье.

В ходе литературного процесса к этому времени уже сложился такой жанр, как цикл очерков, что было связано с особенностями общения литератора с аудиторией в XIX в., когда трибуной писателю служил толстый журнал. Этот тип издания позволял вести обстоятельную беседу с читателем по злободневным, общественным, социальным и культурным проблемам из номера в номер. Очерковые циклы характерны для 1870–1880-х годов. Реформы всколыхнули, вызвали к жизни мощный интеллектуальный потенциал России. Они способствовали попыткам сокрушить стену, отделявшую элиту общества от народа, стремлению, по замечательным словам писателя Д. Н. Мамина-Сибиряка, «жить тысячью жизней, страдать и радоваться тысячью сердец». При этом он подчеркивал: запросы жизни диктуют «беллетристическо-публицистическую форму» (курсив мой. — Г. Ж.) [Мамин-Сибиряк, 1915, т. 2, с. 512; т. 8, с. 635–636].

Это интересное наблюдение над литературным процессом тех лет его современника и участника. Уже «Губернские очерки» М. Е. Салтыкова-Щедрина, обличавшие такое социальное зло, как взяточничество, которым был поражен бюрократический аппарат страны, представили читателю в такой форме целую вереницу типов чиновников России. Наиболее полное воплощение эта форма нашла в практике Глеба Успенского, его очерковых циклах «Нравы Растеряевой улицы» (1866), «Из деревенского дневника» (1877–1879), «Власть земли» (1882). Писатель и публицист В. Г. Короленко в творческой манере Успенского видел «смесь образа и публицистики» [Короленко, 1955, с. 15].

Цикл очерков позволял автору вести разговор с аудиторией с продолжением во времени; исследовать проблемы общества с разных сторон; ведя диалог, использовать разные художественные и публицистические приемы: нарисовать картинку, дать репортаж, прямо обратиться к читателю, поразмышлять вместе с ним и отвлеченно и т. д. Это был некий творческий синтез, отличавшийся свободой изложения текста, жанр — пограничный между беллетристикой и публицистикой. Возможно, это и есть

русская эссеистика, которой пока литературоведами отказано в существовании на отечественной почве².

Во всяком случае книга Толстого «Так что же нам делать?» наиболее отвечает этому жанру. Мучительные впечатления от столкновения с жизнью низов, бессилие что-нибудь сделать реально для изменения их положения, мучительные размышления Толстого, который продолжал изучать эту жизнь, вылились в достаточно свободную литературную форму. Перед глазами читателя проходит вереница обитателей низа общества, представлявших, по Толстому, 100 тысяч жителей Москвы: нищие, попрошайки, бродяги, безработные, проститутки, бездомные, беспризорные дети; документально выписанные картины их быта, их существования: Хитров рынок, ночлежные дома, улица, табачная фабрика и т. д.

Как и в севастопольских очерках, публицист прибегает к документальному репортажу. Особенно впечатляет рассказ о его встречах одного позднего вечера. Первая из них произошла в Хамовническом переулке. Рядом с его домом полицейские вели в участок шестнадцатилетнюю проститутку, имевшую вид старой женщины: «Грязный цвет лица, маленькие мутные, пьяные глаза, нос пуговицей, кривые, слюнявые, опущенные в углах губы и выбившаяся из-под платка короткая прядь сухих волос».

Толстому совестно было пройти мимо. Он пытается поговорить с нею, пока она, прислонившись к забору, закуривает папироску. При виде несовершеннолетней женщины Лев Николаевич вспоминает своих детей: «...Я завернул в калитку и вошел в дом и спросил, вернулись ли мои дочери. Мне сказали, что они были на вечере, очень веселились, вернулись и уже спят» [ПСС, т. 25, с. 298].

Такое мимолетное сопоставление судеб девушек раскрывает внутреннее состояние автора. На другой день он отправился в полицейский участок, чтобы узнать судьбу этой несчастной

---

² Показательно, что в специально посвященной этим проблемам книге А. Л. Дмитриевского отечественная практика в этом смысле не нашла отражения, хотя уже в предисловии вспоминается Л. Н. Толстой, как одна из опор выводов автора [Дмитровский, 2006].

женщины. Городовой не помнил о ней: таких, как она, много. На удивление Толстого о ее молодости полицейский сказал «весело»: «Помилуйте, да есть 12-ти, а 13-ти и 14-ти сплошь да рядом».

Вторая встреча была заочной. Сначала Толстому рассказали о судьбе прачки, снимавшей койку в Ржановом доме («3 копейки без подушки, 5 копеек с подушкой»), «женщине лет 30-ти, белокурой, тихой и благообразной, но болезненной». Она не могла заработать даже эти гроши. Кончилась тем, что ее выставили за дверь. Обитатели дома даже были рады этому, так как она постоянно кашляла и мешала спать.

Толстой медленно и тягуче, подробно описывает ее дальнейший короткий жизненный путь — до паперти церкви и обратно к воротам ночлежки. На большее сил не хватило. Толстой пошел попрощаться с ней, присутствовал в Ржановом доме «при чтении дьячка над покойницей». «Проходя назад, я взглянул на покойницу, — повествует писатель. — Все покойники хороши, но эта была особенно хороша и трогательна в своем гробу: чистое бледное лицо с закрытыми выпуклыми глазами, с ввалившимися щеками и русыми мягкими волосами над высоким лбом; лицо усталое, доброе и не грустное, но удивленное. И в самом деле, если живые не видят, то мертвые удивляются» (курсив мой. — Г. Ж.) [там же, с. 301]. Публицист протестует против равнодушия. Он призывает живых увидеть.

Олицетворением всего дна русского общества для Толстого стал Ляпинский бесплатный ночлежный дом. Его внутренности публицист разворачивает перед читателем: от очереди мерзнувших на морозе, полураздетых, в лохмотьях и ждущих, чтобы войти, его обитателей: с ними Толстой беседует, раздает им свои оказавшиеся при нем деньги, — до подробностей немудреного «интерьера» и сравнения с собственным жильем. Впечатления от Ляпинского дома он сравнивает с теми, которые у него были в Париже 13 лет назад, когда он присутствовал при казни преступника: тысячи зрителей наблюдали, как человеку отрубили гильотиной голову.

«Я своим присутствием и невмешательством, — с горечью замечает Лев Николаевич, — одобрил этот грех и принял участие в

нем». Там, в Париже, он не мог ничего сделать. Здесь же он мог бы «отдать и пальто с себя... и все, что у меня есть дома, — продолжал сокрушаться Толстой. — А я не сделал этого и потому чувствовал, и чувствую, и не перестану чувствовать себя участником постоянно совершающегося преступления до тех пор, пока у меня будет излишняя пища, а у другого совсем не будет, у меня будут две одежды, а у кого-нибудь не будет ни одной» [там же, с. 190].

Такие же чувства при постоянных встречах с беднотой и нищими испытывал современник Толстого, духовный пастырь и публицист отец Иоанн Кронштадтский, на проповеди которого и на встречу с которым стекались к Владимирскому собору тысячи нищих, босяков, отверженных обществом. Священник нередко отдавал им свою одежду, обувь, жалованье, но он не был обременен большой семьей, как писатель. Он так же, как Толстой, понимал тщету, малость им содеянного и искал путь более действительной помощи бедствующему ближнему [см. об этом: Жирков, 2011. с. 226–280].

Жизненный путь отца Иоанна — путь человека, идущего к святости, ведущего как слугитель Бога на земле духовную, нравственную жизнь. Жизненный путь Толстого — путь человека-творца, крепко привязанного к земле, пытающегося понять смысл этой земной жизни. Его не удовлетворяет современное состояние общества. Он видит фарисейство власть имущих, элиты. В противопоставление низу общества в цикле очерков Толстой рисует и обиталища света, богатых и околобогатых, а также образованных людей. Здесь уже автор от сострадания переходит к обличению, к сатирическим краскам. Он выписывает картину предвкушения предстоящего бала: «И вот показались со всех сторон кареты, все направляющиеся в одну сторону. На козлах кучер, иногда в тулупе; лакей-щеголь с кокардой. Сытые рысаки в пополах летят по морозу с быстротой 20 верст в час; в карете дамы, закутанные в ротонды и оберегающие цветы и прически. Все, начиная от сбруи на лошадях, кареты, гуттаперчевых колес, сукна на кафтане кучера до чулок, башмаков, цветов, бархата, перчаток, духов, — все это сделано теми людьми, которые частью

пьяные завалились на своих нарах в спальнях, частью в ночлежных домах с проститутками, частью разведены по сибиркам. Вот мимо их во всем ихнем и на всем ихнем едут посетители бала, и им и в голову не приходит, что есть какая-нибудь связь между тем балом, на который они собираются, и этими пьяными, на которых строго кричат их кучера» [ПСС, т. 25, с. 303].

Художник режет настоящую словесную гравюру: линии ее рисунка четки, детальны и конкретны. В этом проявляется визуальность настоящего публицистического текста, ставящего его в ряд с художественным. Контрасты жизни низа и верха общества создают поразительный эффект: так жить нельзя, такого не должно быть — это не по-человечески, это не по совести. Толстой обличает представителей своего круга, считая, что «для привилегированного положения нашего у нас нет никакого оправдания: мы мошенничеством захватили это место и обманом поддерживаем его». Почему же «одни люди и их дети работают, а другие люди и их дети не работают?» [там же, с. 375].

Толстой не упрощает — это касается и интеллигенции. Он подчеркивает: «Гладких, жуирующих и самодовольных мыслителей и художников не бывает... И единственный, несомненный признак присутствия призвания есть самоотвержение, есть жертва собой для проявления вложенной в человека на пользу другим людям силы. Без мук не рождается и духовный плод» [там же, с. 373].

Через весь цикл очерков Толстого проходит нерв полемики, даже тогда, когда автор создает художественную ткань. Через нагнетание сопоставления элиты и народа, богатых и нищих, образованных бездельников и трудящихся, шаг за шагом показывая реальность этой антитезы, он как бы продолжает спор с приятелем: так дальше жить нельзя. Публицист исследует развитие человеческой мысли, воплощенной в учениях, теориях, науке, и вскрывает их безнравственность как инструментов порабощения человека человеком. Все они, т. е. так называемая цивилизация, направлены на оправдание этого порабощения одних людей другими. Толстой последовательно доказывает и показывает это: «И действительно, в основании того положения, в котором на-

ходятся люди, живущие чужим трудом, лежит не только верование, но целое вероучение, и не одно, а три вероучения, веками наставшие друг на друга и сплотившиеся в один чудовищный обман — humbug, как говорят англичане, скрывающий от людей неправду» [там же, с. 326–327].

Толстой перечисляет и анализирует их:

«Самое древнее вероучение в нашем мире, оправдывающее измену их основной обязанности труда за жизнь, было вероучение церковно-христианское, по которому люди различествуют по воле Бога друг от друга, как солнце от луны и звезд, а звезды между собой: одним людям повелено от Бога иметь власть над всеми, другим над многими, третьим над некоторыми, четвертым повелено от Бога повиноваться».

«Второе оправдательное вероучение нашего мира есть то, которое я не умею иначе назвать, как вероучение государственно-философское». Оно вполне выразилось во взглядах Гегеля: все существующее разумно, как и учрежденный и поддерживаемый людьми порядок жизни.

«...Теперь царствующее вероучение — то, на котором основывается теперь оправдание и государственных, и промышленных, и научных, и художественных передовых людей нашего времени, есть вероучение научное не в простом смысле этого слова, означающего знание вообще, но в смысле одного особенного по форме и содержанию рода знаний, называемого наукой. На этом-то новом вероучении преимущественно и держится в наше время оправдание, скрывающее от праздных людей их измену своему призванию» [там же, с. 327].

Исследуя результаты человеческой мысли в этом направлении, становление вероучений, науки, Толстой подробен и дотошен. Перед аудиторией проходят хорошо известные имена: Спенсер, Мальтус, Конт, Кант и др., их труды, достижения и творчество. Обращаясь к экономическим учениям, Лев Николаевич посвящает целых шесть глав книги (XVII–XXII) такому достижению цивилизации, как деньги. «Я занят все статьей Что делать, и все об деньгах», — пишет он в начале апреля 1885 г. В. Г. Черткову [там же, с. 160]. Он упорно работал над этой проблемой: сохранилось

большое число рукописей этой части произведения. По жанру она — очерк-размышление, где главный герой — авторская мысль. Любопытно, что сам автор 15 мая сообщает Черткову: «Еще я рад, что кончил нынче рассуждение политико-экономическое, освободился для продолжения и окончания статьи» (курсив мой. — Г. Ж.) [ПСС, т. 85, с. 202].

Начинается очерк с восклицания и вопроса: «Деньги! Что же такое деньги?» Толстой обращается к науке; к тому, как она отвечает на этот вопрос. Первая часть очерка завершается выводом: «Простым людям кажется несомненным, что ближайшая причина порабощения одних людей другими — это деньги. Но наука, отрицая это, говорит, что деньги только орудие обмена, не имеющие ничего общего с порабощением людей». Автор предлагает — посмотреть, так ли это [ПСС, т. 25, с. 254].

Затем он расследует, «откуда берутся деньги»: «При каких условиях у народа всегда бывают деньги, и при каких условиях мы знаем народы, не употребляющие деньги?» Автор останавливается на примере колонизации Англией островов Фиджи. «Трагический эпизод этот из жизни фиджианцев, — обобщает Толстой, — есть самое ясное и лучшее указание того, что есть деньги и в чем их значение. Тут выразилось все: и первое основное условие порабощения — пушка, угроза, убийство и захваты земли, и главное средство — деньги, которые заменили все другие» [там же, с. 261]. То же происходило и в Америке.

Толстой останавливается и на российском опыте, сравнивая ситуацию в стране до реформы 1860-х годов и после нее. Она фактически не улучшилась. «И если я заставляю работать его [наемного работника] без пищи, сверх сил, задушу его работой, никто мне слова не скажет; но если я сверх того почитал еще политико-экономических книг, — иронизирует публицист, — то я могу быть твердо уверен, что все люди свободны и деньги не производят рабства» [там же, с. 265]. На иронической интонации и заканчивается эта часть его разговора о деньгах.

Много места в очерке посвящено деньгам как средству насилия. В связи с этим Толстой называет политическую экономию, которая занимается тем же, что и юридическая наука, — «аполо-

гией насилия». Иначе «она не могла бы не видеть того странного явления, что распределение богатств и лишение одних людей земли и капитала и порабощение одних людей другими, — все это в зависимости от денег и что только посредством денег теперь одни люди пользуются трудом других, т. е. порабощают их» [там же, с. 266]. Эта проблема в очерке рассматривается на взаимоотношениях помещика и крестьян.

Далее Толстой анализирует эволюцию способов порабощения, за которыми всегда стоит угроза лишения человека жизни:

— «первобытный способ порабощения людей, состоящий в прямой угрозе убийства мечом»;

— второй способ — голод. «Пять тысяч лет тому назад, как это записано в Библии (Бытие, гл. 41, 47), был изобретен Иосифом Прекрасным этот новый, более удобный и широкий способ порабощения людей. Способ этот — тот же самый, который употребляют в новое время для укрощения непокорных лошадей и диких зверей в зверинцах» [там же, с. 272];

— «третья форма рабства — денежная, состоящая в том, что сильный говорит слабому: я с каждым из вас отдельно могу сделать все, что хочу: могу прямо ружьем убить каждого, могу убить тем, что отниму землю, которою вы кормитесь, могу за денежные знаки, которые вы должны мне доставить, купить весь тот хлеб, которым вы кормитесь, и продать его чужим людям и всякую минуту уморить всех голодом, могу отобрать все, что у вас есть...». Но поскольку насильнику (подразумевается государство) это и неудобно, и неприятно, он устроил денежное обращение, которое он и защищает. При этом насильник руководствуется правилом: «Прав передо мной и будет отстаиваться мною только тот, кто правильно подает мне, сообразно требованию, установленное количество знаков. А как они приобретены — мне все равно» [там же, с. 276].

Автор цикла очерков приходит к заключению: «Все три способа порабощения никогда не переставали существовать». Перелистывая страницы цивилизации и личной жизни, Толстой «увидал, что причина страданий и разврата людей та, что одни люди находятся в рабстве у других», и потому он «сделал простой

вывод», что если он хочет помогать людям, то ему прежде всего нужно «не участвовать в порабощении людей» [там же, с. 294]. А это означало «как можно меньше пользоваться работой других и как можно больше работать самому».

Собственно в этом и заключался ответ на вопрос, вынесенный в заглавие цикла очерков. Автор показывает в них, как после страданий и исканий он пришел, в конце концов, к простому пониманию бытия. Несколько страниц его произведения отведен настоящему гимну физического труда, который необходим каждому человеку. По опыту Толстого, он несет очищающую силу и «не только не исключает возможности умственной деятельности, не только улучшает ее достоинство, но и поощряет ее» [там же, с. 383].

Публицист считает, что «люди устроили себе жизнь, противную и нравственной и физической природе человека», и при этом уверили себя в том, что «это-то и есть настоящая жизнь». Он подчеркивает: «Все, что мы называем культурой: наша наука и искусства, усовершенствования приятностей жизни, — это попытки обмануть нравственные требования человека; все, что называем гигиеной и медициной, — это попытки обмануть естественные, физические требования человеческой природы». Толстой ссылается на «самую модную философию Шопенгауэра и Гартмана», утверждающую, что если жизнь такова, то лучше и не жить [там же, с. 386].

Всесторонний суд великого русского писателя над цивилизацией, ее достижениями носит глубоко нравственный характер. Единство слова и дела в нравственном учении — основное, принципиальное его условие. «Только те, для которых важны и дороги нравственные истины, знают, как важно, драгоценно и каким длинным трудом достигается уяснение, упрощение нравственной истины — переход ее из туманного, неопределенного сознаваемого предположения, желания, из неопределенных, несвязных выражений в твердое и определенное выражение, неизбежно требующее соответствующих ему поступков» (курсив мой. Специально не пересказываю, а подробно цитирую текст Толстого. — Г. Ж.) [там же, с. 225]. «Мы все привыкли думать, —

с горечью замечает Лев Николаевич, — что нравственное учение есть самая пошлая и скучная вещь, в которой не может быть ничего нового и интересного; а между тем вся жизнь человеческая, со всеми столь сложными и разнообразными, кажущимися независимыми от нравственной деятельности, — и государственная, и научная, и художественная, и торговая — не имеет другой цели, как большее и большее уяснение, утверждение, упрощение и общедоступность нравственной истины» (курсив мой. — Г. Ж.) [там же, с. 225–226].

«...Только кажется, что человечество занято торговлей, договорами, войнами, науками, искусством; одно дело только для него важно, — подчеркивает писатель, — и одно только дело оно делает — оно уясняет себе те нравственные законы, которыми оно живет... Нравственные законы уже есть, человечество только уясняет их себе, и уяснение это кажется неважным и незаметным для того, кому не нужен нравственный закон, кто не хочет жить им. Но это уяснение нравственного закона есть не только главное, но единственное дело всего человечества» (курсив мой. — Г. Ж.) [там же, с. 226].

В созданной человечеством цивилизации Толстой видит, и это было естественно в его положении, ее негативные стороны: все ее достижения были направлены на создание системы порабощения человека человеком, разрушение естественной среды, природы. Он не обращает внимания на позитивные стороны развития общества, создание человеком ноосферы, удобной для его бытия, дающей ему, в том числе и великому русскому писателю, возможность проявить свою многокачественность.

Для Толстого — совести России — эта эволюция цивилизации, при которой человек с человеком вступил в ненормальные, нечеловеческие отношения, происходила и происходит слишком дорогой для этого человека ценой. Исправление этого, казалось, простейшего момента в жизни — выполнения человеком фактически его же нравственного долга: по-братски отнестись к ближнему — лежит, по Толстому, в основе науки как жить людям друг с другом. Он с восхищением пишет Н. Н. Миклухо-Маклаю о его деятельности среди папуасов: «...Не знаю, какой вклад в науку,

ту, какой вы служите, составят ваши коллекции и открытия, но ваш опыт общения с дикими³ составит эпоху в той науке, которой я служу — в науке о том, как жить людям друг с другом. Напишите эту историю и вы сослужите большую и хорошую службу человечеству» (курсив мой. — Г. Ж.) [ПСС, т. 63, с. 379]. Этим определялся нравственный подход Толстого ко всем проблемам. И здесь основным оружием литератора становится публицистика⁴.

---

³ Л. Н. Толстой обратится к этому опыту ученого Н. Н. Миклухи-Маклая (1846–1888) в трактате «В чем моя вера?» как к примеру христианских отношений между людьми даже в особых условиях [ПСС, т. 23, с. 463].

⁴ Цензурную историю очерков «Так что же нам делать?» см. в моей книге [Жирков, 2009, с. 60–63].

ГЛАВА III

«Сказать всю правду и только правду...»

«Не могу жить дома, писать.
Чувствую потребность участвовать».
Л. Н. Толстой, 1891 г.

Творчество писателя и публициста в 1890-е годы отмечено его деятельным отношением к жизни. Это был период расцвета публицистической деятельности Толстого. В ответе от 17 ноября 1890 г. на письмо П. И. Бирюкова Лев Николаевич признается: «Да не смею теперь ничем заниматься, кроме как тем, что пишу теперь о противлении злу, о церкви и о воинской общей повинности. Все это в связи и все это очень важно. Я чувствую, что обязан не написать (это от Бога зависит), а писать это» [ПСС, т. 65, с. 190].

Обязан писать — это относится к публицистике. Именно в ней нашли полное воплощение постоянная устремленность Толстого к действию, сопряженность слова и дела в его творчестве. Poleмизуя со взглядами Толстого на религию, священник А. Ф. Гусев в 1886 г. отмечал как «отличительную черту» характера «знаменитого писателя» «признавать то, относительно чего у него сложилась полная уверенность, и признание за истину делать прямым и обязательным принципом своих действий. Таковым Л. Н. Толстой является с отрочества и по настоящую пору» [Гусев, 1886, с. 315].

Для литератора это по тем временам было необычным явлением. А. И. Герцен, Глеб Успенский, М. Е. Салтыков-Щедрин и многие-многие другие публицисты исследовали действительность, критически отражали ее, обличали пороки общества, призывали к их искоренению и пр. Льву Николаевичу этого было недостаточно: он не мог только звонить в колокол. Стремление к действию, поддержка деятельности других составляет отличительную особенность его публицистического творчества. В этом смысле он опережал время. Публицист-организатор — одна из специализаций журналиста, которая утвердится в Советской России, репортер-макрейкер — явление американской журналистики с 1910–1920-х годов.

Об этом наиболее ярко и полно свидетельствуют циклы его произведений о голоде, борьба с которым для Толстого и его семьи будет новым этапным моментом в их жизни, а для Толстого и в его творчестве. Потребовался его мощный и авторитетный голос, чтобы с помощью мировой печати направить внимание общественных и правящих сил страны к трагическим событиям, развернувшимся в деревнях России в 1890-е годы. Публицистическое слово и практический пример толстовского нравственного урока, донесенного мировой журналистикой в разные части Земли, мобилизовали многих людей на помощь голодающим.

Еще осенью 1891 г. писатель объехал ряд голодающих деревень Тульской и Рязанской губерний. Чтобы быть рядом с бедствующими крестьянами, он поселился в имении своего друга И. И. Раевского Бегичевке (Рязанская губ.). Вместе с ним, друзьями и родными Толстой организует крупномасштабную помощь голодающим. Понимая размеры бедствия, он стремится вовлечь в это дело как можно больше людей.

Пройдя через испытания предыдущих лет и событий, духовных поисков, Лев Николаевич иначе смотрит и на борьбу с голодом, более болезненно и обостренно, крайне обличительно по отношению к власти и элите общества. Естественно, он прекрасно понимает, что в цензурных условиях России сказать истинную правду будет невозможно. «Горе только, что все, что нужно пи-

сать, нецензурно, — замечает Толстой в послании от 8 октября 1891 г. В. П. Золотареву. — И теперь затеял писать статью о голоде и об отношении к этому общества, да никак не совладаю с ней. Слишком многое хочется сказать и не могу свести всего к одному центру» [ПСС, т. 66, с. 50].

Борьба с голодом тех лет становится не только важнейшей темой творчества писателя, но и основной его деятельностью. К статье «О голоде» он приступил в конце сентября 1891 г. и уже 15 октября послал ее в журнал «Вопросы философии и психологии», редактировавшийся Н. Я. Гротом. Он рассчитывал на то, что в научном издании она может пройти через цензуру. Писатель учитывал и характер аудитории этого издания, что сказало на стилистике и языке, вообще на форме статьи, на ее системе доказательств. В ней эмоции автора приглушены: она не содержит крика, увещевания, пристыжения и т. п. Но железная логика мысли Толстого и убийственная проза его аргументации пронизаны такой горечью, что читающему становится не по себе.

В отличие от 1870-х годов, русская журналистика начала 1890-х была наводнена статьями, «описывающими положение голодающих, взывающими к общественной или государственной помощи и упрекающими правительство и общество в равнодушии, медлительности и апатии»¹. Толстой считает, что, исходя из практики «администрации и земства Тульской губернии, упреки эти несправедливы»; наоборот их деятельность «доведена теперь до той последней степени напряжения, при которой оно может ослабеть, но едва ли может еще усилиться. Повсюду идет кипучая, энергическая деятельность». На самом деле речь идет о том, каковы, по образному выражению Толстого, размеры дыры, на которую необходимо «наложить заплату». «Одни говорят, что дыра невелика и как бы заплата не разодрала дальше; другие говорят, что недостает и материи на заплату». Публицист задается вопросом: «Кто прав? В каких размерах правы те или другие?»

---

³ Толстой Лев. Пора понять: избр. публицист. статьи (1880–1910 гг.) / сост. И. В. Петровицкая. М.: ВК, 2004. с. 77. — Далее ссылки на это издание [Пора понять] даются в тексте с указанием страниц.

Поставленная им проблема затем последовательно и доказательно раскрывается. Лев Николаевич обращается к описанию (подчеркнем, аналитическому) того, что видел и слышал в четырех посещенных им уездах Тульской губернии, пострадавших от неурожая. И далее он ведет репортаж — так, как это было в «Севастопольских рассказах»:

«Первый уезд, посещенный мною, был Крапивенский, пострадавший в своей черноземной части...

В том дворе, в котором мне в первом показали хлеб с лебедой, на задворках молотила своя молотилка на четырех своих лошадях, и овса, с своей и наемной земли, было 60 копен...

Здесь, в Богородицком уезде, вопрос топлива был еще труднее разрешим, так как лесов еще меньше...

Угол избы полон котяшьями лошадиными и сучками, и бабы ходят собирать по выгонам котяшья и по лесам обломки сучков в палец толщиной и длинной...

У крайнего домика этой слободки, у которого мы остановились, вышла к нам оборванная, худая женщина и стала рассказывать свое положение. У нее пять человек детей. Старшей девочке десять лет. Двое больны... Она кормится и кормит своих больных детей, побираясь. Но побираться ей затруднительно, потому что вблизи подают мало. Надо ходить вдаль, за 20–30 верст, и надо бросать детей...» [Пора понять, с. 78–81].

Этот выписанный болью души репортаж служит основой для развития мысли автора и его обобщений, выраженных лаконично: «Всегда это было!» «В таком положении не только нынешний год, но всегда все семьи слабых, пьющих людей, все семьи сидящих по острогам, часто семьи солдат. Такое положение только легче переносится в хорошие года. Всегда и в урожайные годы бабы ходили и ходят по лесам украдкой, под угрозами побоев и острога, таскать топливо, чтобы согреть своих холодных детей, и собирали и собирают от бедняков кусочки, чтобы прокормить своих заброшенных, умирающих без пищи детей. Всегда это было!»

Публицист подчеркивает: «И причиной этого не один нынешний неурожайный год, только нынешний год все это ярче высту-

пает перед нами, как старая картина, покрытая лаком. Мы среди этого живем!» [там же, с. 82]. В результате образовался «ложный круг», который ни администрации, ни земству не разомкнуть. По словам Толстого, это «дело невозможное»: «Ведь дело это состоит ни больше, ни меньше, как в том, чтобы прокормить народ».

Сложилась парадоксальная ситуация, при которой господа «взялись за то, чтобы прокормить кормильца, — того, кто сам кормил и кормит» их. «Грудной ребенок хочет кормить свою кормилицу; паразит то растение, которым он питается! Мы, высшие классы, живущие все им, не могущие ступить шагу без него, мы его будем кормить! В самой этой затее есть что-то удивительно странное» [там же, с. 82].

Писатель проводит сравнение этой ситуации с ситуацией неосознанно загнанной детьми лошадей. Дети не догадались слезть с нее, дать ей свободу и погубили ее. Кстати, в этом сравнении витает образ незабвенного толстовского Холстомера. «Разве не то же, что сделали эти дети с везущей их лошадей, когда они гнали ее, делали и делают люди богатых классов с рабочим народом во все времена и до и после освобождения. И разве не то же, что делают дети, стараясь, не слезая с лошади, накормить ее, делают люди общества, придумывая средства, не изменяя своего отношения к народу — прокормить его теперь, когда он слабеет и может отказаться везти?» [там же, с. 83].

Переходя от сравнения к проблеме статьи, автор замечает с иронией: «Народ голодает, и мы, высшие классы, очень озабочены этим и хотим помочь этому. И для этого мы заседаем, собираем комитеты, собираем деньги, покупаем хлеб и распределяем его народу». Публицист как социолог глубоко проник в суть проблемы, что отчетливо видно из понимания им разницы отношений, установившихся между «правлящими классами» и народом в России и там, где, по тем понятиям, демократия и капитализм: «Нам, русским, это должно быть особенно понятно, — утверждает Толстой. — Могут не видеть этого промышленные, торговые народы, кормящиеся колониями, как англичане. Благосостояние богатых классов таких народов не находится в прямой зависимости от положения их рабочих. Но наша связь с народом так непо-

средственна, так очевидно то, что наше богатство обуславливается его бедностью, или его бедность нашим богатством, что нам нельзя не видеть, отчего он беден и голоден. А, зная, отчего он голоден, нам очень легко найти средство насытить его.

Средство одно: не объедать его» [там же, с. 84].

Рефреном статьи звучит лаконичный вывод из сказанного: «Народ голоден оттого, что мы слишком сыты».

Толстой показывает, что все достижения культуры страны: дворцы, театры, музеи, все вообще богатства общества — созданы народом, «который делает все эти ненужные для его дела только потому, что он этим кормится, т. е. всегда этой вынужденной работой спасает себя от постоянно висящей над ним голодной смерти. Таково его положение всегда». Современное его положение — отражение того, что народ не может быть не голоден в тех условиях, в которых он живет, то есть при тех податях, при том малоземелье, при той заброшенности и одичании, в котором его держат, должен производить всю ту страшную работу, результаты которой поглощают столицы, города и деревенские центры богатых людей?.. Нынешний год только вследствие неурожая показал, что струна слишком натянута» [там же, с. 84–85].

Публицист обличает интеллигенцию страны в том, что в ее исповеди «любви к народу, к меньшому брату, как это принято называть», лежит неправда: «Между людьми нашего общества и народом нет никакой любви и не может быть». В этом — жесткая правда, но именно правда жизни. Автор видит выход в нравственном решении проблемы. «Подающей милостыню хозяйке (у которой у самой хлеба осталось на день-два. — Г. Ж.) не нужно рассчитывать того, сколько миллионов голодающих в России. Для нее один вопрос: как пустить нож по ковриге, — потоньше или потолще?

В этом сила любовной деятельности. Сила в том, что она заразительна, а как скоро она заразительна, то распространению ее нет пределов». Толстой призывает к этой «любовной деятельности»: «Как одна свеча зажигает другую, и одной свечой зажигаются тысячи, так одно сердце зажигает другое, и зажигаются тысячи. Миллионы рублей богачей сделают меньше, чем сдела-

ют хоть небольшое уменьшение жадности и увеличение любви в массе людей. Только бы увеличилась любовь — сделается то чудо, которое совершилось при раздаче 5 хлебов. Все насытятся, и еще останется». Надо соединиться с народом, «разделить с ним и его беду нынешнего года» [там же, с. 87].

Статью Толстого «О голоде» цензура не пропустила и в ученом издании. 24 октября 1891 г. ноябрьская книжка «Вопросов философии и психологии» была арестована, а статья Толстого отправлена в Главное управление по делам печати [ПСС, т. 84, с. 90], решение которого состоялось только к 17 ноября. Понимая необходимость предать самой широкой гласности информацию о реальном положении голодающих, Лев Николаевич заранее как бы подстраховался. Он пишет более популярную статью для газеты — «Страшный вопрос». В 1891 г. 6 ноября она вышла в свет в «Русских ведомостях». По словам Толстого, «статья не важная, но нужная, ставящая вопрос о том, есть ли у нас достаточно хлеба» [ПСС, т. 66, с.75]. Кроме того, Толстой, наскоро выправив по цензурным соображениям статью «О голоде», создает ее вариант — статью «Помощь голодным» для «Книжек недели», выпускаемых П. А. Гайдебуровым. Но и этот вариант удалось напечатать лишь после отчаянной борьбы с цензурой.

Появление в «Русских ведомостях», частной и авторитетной газете, произведения Толстого было связано с тем, что она к тому времени стала центром, объединявшим вокруг себя ту часть интеллигенции, которая понимала свой долг перед народом, стремилась облегчить его положение и просвещать его. «Русские ведомости» (1863–1918) — одна из старейших московских газет, имевшая к 1880-м годам, по мнению цензурного ведомства, репутацию оппозиционного издания. У нее был высокий по тем временам тираж — 30–40 тыс. экземпляров. Наиболее удачно, вместе с тем лаконично и емко о роли «Русских ведомостей» в становлении отечественной культуры смог сказать В. Г. Короленко, сотрудничавший в газете с 1885 г. Он видел заслугу ее в том, что она «успела создать традицию русского либерализма того времени в широком чисто-русском смысле этого слова. В тогдашнем либерализме, как в зерне, хранились возможности всех

передовых направлений, еще связанных морозами тогдашней исторической минуты» (курсив мой. — Г. Ж.) [Короленко, 1913, с. 310–311].

Толстой начал сотрудничать в «Русских ведомостях» с конца 1880-х годов. 12 января 1889 г. в газете вышла его статья с ироничным названием «Праздник просвещения 12-го января». Редакция газеты гордилась тем, что на ее страницах печатались произведения Толстого. Один из ее ведущих сотрудников Вл. А. Розенберг подчеркивал, что каждая публикация статьи Льва Николаевича становилась «литературным событием, которое нередко приобретало крупное значение в общественной жизни страны» [Розенберг, 1913, с. 178]. Писатель сделал газету своей трибуной в период голодной кампании начала 1890-х годов. В ней были опубликованы его статьи:

«Страшный вопрос» — 6 ноября 1891 г.;

«О средствах помощи населению, пострадавшему от неурожая» — в сборнике «Помощь голодающим», изданном редакцией газеты 10 декабря 1891 г.;

«О средствах помощи населению, пострадавшему от неурожая» — отдельное издание, выпущенное редакцией газеты в декабре 1891 г.;

«Отчет с 3 декабря 1891 г. по 12 апреля 1892 г.» — 30 апреля 1892 г.;

«Отчет об употреблении пожертвованных денег с 12 апреля по 20 июля 1892 г.» — 31 октября 1892 г.;

«Отчет об употреблении пожертвованных денег с 20 июля 1892 г.» по 1 января 1893 г.» (с участием П. И. Бирюкова) — 24 марта 1893 г.;

«Отчет об употреблении пожертвованных денег с 1 января 1893 г.» (П. И. Бирюков с участием Л. Н. Толстого) — 19 октября 1893 г.

В связи с цензурными препятствиями для публикации статьи Толстого газетная кампания о голоде была открыта его женой Софьей Андреевной, отправившей 2 ноября 1891 г. «Письмо в редакцию „Русских ведомостей“». Графиня Толстая призывала помочь голодающим: «...бедствие народное оказывается гораздо

больше, чем предполагали все. И вот еще и еще надо давать, и еще, и еще — просить. Вся семья моя разъехалась служить делу помощи бедствующему народу. Муж мой, граф Лев Николаевич Толстой, с двумя дочерьми находится в настоящее время в Данковском уезде с целью устроить наибольшее количество столовых, или „сиротских призреий“, как трогательно назвал их народ». Сама она не могла уехать из Москвы, так как у нее на руках четверо малолетних детей, поэтому она может содействовать «лишь материальными средствами», к чему Софья Андреевна звала и других [Толстая, 2011, с. 228].

Конкретный и не очень обременяющий призыв нашел горячий отклик в обществе. Уже 9 ноября Лев Николаевич сообщал В. Г. Черткову: «Пожертвования вызваны письмом Софьи Андреевны и денег у нас около 2 тысяч и кажется сбор с Плодов просвещения [Пьесы Толстого] поступит нам. Я боюсь обилия денег. И теперь еще не установилось дело. Путает — помощь, выдаваемая земством, и желание, требования крестьян, чтобы выдаваемо было всем поровну» [ПСС, т. 87, с.108]. Только с 4 по 17 ноября было прислано 13 080 рублей 82 копейки. Не считая пожертвованной натурой, сумма денег, собранных Толстыми, в последствие дошла почти до 200 тыс. рублей.

Письмо графини дало авторитетный адрес для потока пожертвований, а статья Льва Николаевича, появившаяся в газете через три дня, послужила в этом смысле обоснованием их необходимости. Толстой и его помощники проделали огромную организационную, практическую работу в пострадавших от голода регионах. На 12 апреля 1892 г. в уездах Епифанском, Ефремовском, Данском и Скопинском было основано 187 столовых, в которых кормились 9 093 человека. 16 мая 1892 г. Толстой сообщал жене: «Число столовых растет: уже 212» [Письма..., 1913, с. 419]. На 20 июля, судя по отчетам, их было уже 246. Кроме того, крестьяне снабжались мануфактурой, дровами (по отчету Толстого до 12 апреля было роздано по деревням 300 сажень дров), льном, лыком, семенами, картофелем, просом и др. [см. также: Апостолов, 1930, с. 111–112].

Вся Россия знала об этой деятельности Толстого, его соратников и семьи по отчетам, печатавшимся в «Русских ведомостях».

Редакция газеты с большими трудностями проводила их через цензуру. Сам Толстой, закончив 21 февраля 1893 г. «Отчет об употреблении пожертвованных денег с 20 июля 1892 г. по 1 января 1893 г.», побаивался, что он вообще не будет пропущен цензурой. Редактор «Русских ведомостей» В. М. Соболевский лично принес Льву Николаевичу гранки отчета, «чтобы поговорить о некоторых местах» его. Автор «решил ничего не прибавлять и уничтожить три последние гранки» [ПСС, т. 66, с. 308].

Но основная задача состояла не только в конкретных делах. Публицист Толстой мыслил в масштабах страны: это была государственная задача. 26 октября 1891 г. Толстой писал жене: «Меня теперь неотвязно тяготит вопрос: есть ли в России достаточно хлеба? Я кажется напишу об этом статью в газету...» [ПСС, т. 84, с. 88–89]. 3 ноября он сообщал П. И. Бирюкову: «...послал статью в „Русские ведомости“; не знаю, пропустят ли. Должно быть. Статья не важная, но нужная, ставящая вопрос о том, есть ли у нас достаточно хлеба» [ПСС, т. 65, с. 75].

29 октября он переезжает в Бегичевку, а уже 1 ноября завершает задуманную статью «Страшный вопрос». Верный себе, Лев Николаевич апробирует ее на окружающих, тех, кто тогда был с ним рядом, — это дочери, Раевский, тульский земский деятель Р. А. Писарев, земский врач Н. Е. Богоявленский и др. Толстой просит Софью Андреевну, находившуюся в Москве, отдать статью в «Русские ведомости» и провести ее корректуру. Жена выполнила его поручение: «Вчера [5 ноября] я целый час с Соболевским, который приезжал ко мне, ее обсуждала и поправляла по корректуре. Потом читали с Алексеем Митрофанычем. Соболевский кое-что для цензуры выпустил и слегка изменил в трех местах выражения» [Толстая, 1936, с. 458]. И тем не менее за публикацию этого произведения редакция получила 19 ноября предупреждение министра внутренних дел И. Н. Дурново.

Оперативно написанная, небольшая статья Толстого является образцом такого рода жанра. Всё в ней сконцентрировано вокруг тревоги о том, что государство может допустить гибель миллионов людей. Автор начинает статью с вопроса: «Есть ли в России достаточно хлеба, чтобы прокормиться до нового уро-

жая?» Он сравнивает сложившуюся в связи с голодом неопределенную ситуацию с положением команды и пассажиров корабля, оказавшихся посреди океана, у которых из-за просчетов при снаряжении корабля «запасы все вышли». «Страшно подумать о последствиях такой ошибки, — замечает Толстой. — Последствием этой ошибки ведь будет нечто ужасное: разрушение всего существующего порядка, смерть голодных миллионов и худшее из всех бедствий — остервенение, озлобление людей» [ПСС, т. 29, с. 117].

Публицист ссылается на обычное в таких случаях настроение: «„А! полноте. В России достанет, и за глаза достанет всякого рода хлеба для всех“, — говорят и пишут одни люди, и другие любящие спокойствие люди склонны верить этому». И действительно в печати появлялись заявления такого характера. Даже в ноябре 1891 г., когда жестокий голод поразил ряд губерний, журнал «Русская мысль», например, утверждал: «Итак, нет причины отчаиваться и опускать руки; пусть только пойдут широким рулом частные пожертвования — и наиболее острый кризис без особого труда будет осилён» [Опульская, 1954, с. 268].

Толстой подробно анализирует вопрос: хватит ли хлеба в стране, чтобы прокормить население. По его наблюдениям, на этот вопрос напрашивается отрицательный ответ. Во-первых, треть страны, «которая всегда кормила большую часть остальных двух третей», захвачена голодом. Автор подсчитывает, сколько пудов хлеба нужно «для пропитания России», и специально повторяет: «Захвачена неурожаем $\frac{1}{3}$ России — самая плодородная, кормившая остальные $\frac{2}{3}$, и потому очень вероятно, что хлеба на всех не достаёт». Во-вторых, дело усугубляется тем, что «соседние с Россией страны поражены таким же неурожаем и что потому большое количество хлеба уже вывезено, и теперь в виде пшеницы продолжает вывозиться за границу». В-третьих, «в нынешнем году нет и не может быть никаких запасов старого хлеба», так как «хлеб весь под метелку был продан» [ПСС, т. 29, с. 119].

Публицист утверждает, что в стране «есть признаки — и довольно определенные — того, что недостаток этот [хлеба] уже существует». Он ссылается на конкретные примеры, состояние

рынка, цен, политики государства, земства. Цена на хлеб поднялась с 45 копеек за пуд до 1 рубля 70 копеек и продолжает расти. «Все эти признаки, — приходит к выводу автор, — указывают на то, что есть большое вероятное того, что нужного для России хлеба нет в ней. Но кроме этих признаков есть еще одно явление, которое должно бы заставить нас принять все зависящие от нас меры предупреждения угрожающего нам бедствия. Явление это есть охватившая общество паника, т. е. неопределенный, смутный страх ожидаемого бедствия, страх, которым люди заражаются друг от друга, страх, лишаящий людей способности целесообразно действовать» [там же, с. 121].

Паника эта выразилась в распоряжениях правительства, в «разгорающемся до озлобления несогласии земств с администрацией. Повторяется то, что всегда бывает при паническом страхе: одни тянут в одну, другие в другую сторону». «Паника эта выражается и в настроении и в деятельности народа». В этом смысле Толстой видит «признак совершенного безумия» в «движении народа теперь на заработки», хотя оно, заранее известно, обречено на неудачу. Вот почему перед обществом стоит задача «учесть, сколько нужно хлеба для прокормления тех, у которых нет его нынешний год, и сколько его есть в России, и если его нет столько, сколько его нужно, то выписать этот недостающий хлеб из чужих стран» [там же, с. 123].

Треть статьи «Страшный вопрос» посвящена тому, как необходимо провести эту важную работу по учету в стране хлеба. Сам автор предлагает «лично доставить такие сведения в неделю сроку о ¼ части уезда», в котором он живет. Главное, по мысли Толстого, иметь точное представление о том, что делать. А для этого «надо знать теперь, сейчас же, через 2, 3 недели, знать: есть ли у нас достаточно хлеба на нынешний год, и если нет, то откуда мы можем получить то, чего нам не достает?» [там же, с. 125].

Статья Толстого «Страшный вопрос» имела тройной эффект. Во-первых, с нею пришлось считаться властным структурам государства. «Эта статья была написана на самую жгучую тему того момента, — вспоминал В. Розенберг. — ...Во время печатания статьи в газете этот вопрос был действительно страшным вопро-

сом, которым волновалось все русское общество, потрясенное ужасным народным бедствием, и потому, как это у нас зачастую бывает, статья Толстого привела в действие все пружины „охранительной“ политики» [Розенберг, 1913, с. 178].

Розенберг ссылается на выступления «Московских ведомостей», которые подозревают каких-то агитаторов и крамольников в стремлении «вырвать из рук правительства государства дело борьбы с голодом», а Толстой в статье «Страшный вопрос» якобы «обвиняет правительство в том, что его охватила паника, т. е. неопределенный, смутный страх ожидаемого бедствия». Этим, разъясняет Розенберг, «Московские ведомости» обвиняют автора «по тем временам в тяжком политическом преступлении». При этом их редакция совершает при цитировании текста статьи передержку, заменяя слово «общество» на слово «правительство» [там же, с. 179].

Однако не в этом был главный результат воздействия выступления писателя в «Русских ведомостях» на власть. Он — в другом. По словам С. А. Толстой, «после статьи „Страшный вопрос“ немедленно... приказали до 20 ноября счесть весь хлеб» [Толстая, 1936, с. 465]. Характерна в этом смысле реакция элитарной части общества. 20 декабря 1891 г. В. Г. Чертков сообщал Толстому: «...мать писала мне, что в Петербурге только и слышно: „Молодец Толстой“» [ПСС, т. 87, с. 120].

Во-вторых, эффект этого произведения писателя заключался в том примере реального действия, который он дал для желающих помочь голодающим. Об этом свидетельствует письмо врача из села Богородское Нижегородской губернии В. В. Рахманова к Толстому. Прочитав статью Льва Николаевича «Страшный вопрос», Рахманов по его примеру решил организовать столовые в наиболее пострадавшем от неурожая Лукояновском уезде. В своем письме он советуется с Толстым, как лучше приступить к делу.

Исходя из накопленного собственного опыта², Толстой 19 ноября 1891 г. пишет Рахманову типичную инструкцию: «Из-

² О помощи семьей Толстого голодающим см.: [Шкловский, 1963. с. 674–686; Зверев, Туниманов, 2006, с. 478–503].

берите место в середине самых голодных деревень, припасите в это место муки, отрубей, картофелю, капусты, свеклы, гороху, чечевицы, овсяной муки, соли или хотя то, что можно из этого, и потом пойдите в одну из деревень, выберите в середине деревни, если она не больше 30, 40 дворов, одну самую бедную семью, а то две, если деревня вдвое больше, и предложите хозяевам, получая от вас продовольствие, печь хлеба и варить на самых нуждающихся, слабых, старых, малых, а то и не старых, но голодных, от 30 до 40 человек» [ПСС, т. 66, с. 92–93].

Трудно найти в истории русской дореволюционной журналистики еще такой пример, когда публицистическое слово и реальное дело шли так тесно рука об руку, как в практике Толстого. Он не только призывал к помощи голодающим, но и конкретно руководил ее организацией. Извлечем пару типичных примеров из его переписки тех дней и одновременно представим, что они принадлежат перу великого писателя:

В. Н. Алексееву (управление железной дорогой), Бегичевка, 15 декабря 1891 г.:

«Напишите, пожалуйста, почем в Харькове на станции железной дороги какое бы то ни было пшено 1-й сорт».

Г. А. Ермолаеву (комиссионер местных помещиков, принимавший грузы), Бегичевка, 20 декабря:

«Посылаю подводы под пшеницу и рожь. Если рожь не пришла, то отправьте лен, лыки и сено.

Благодарю за хлопоты» [там же, с. 113, 116].

Очень показательные примеры деятельности Толстого тех лет. И таких примеров не счесть.

Наконец, в-третьих, статья «Страшный вопрос» вызвала поток пожертвований, денежных средств. И не только в России, но и со всех концов света. Энергичная публицистическая деятельность Толстого, известного к тому времени во многих странах писателя, его гуманные призывы к борьбе с голодом нашли отклик в мировом общественном мнении.

«Вот я из Англии получаю очень много писем и пожертвований, — говорил Толстой в одной из бесед с посетителями. — Конечно, не миллион, как пишут об этом в газетах, всё больше маленькие пожертвования, по одному, по 5-ти фунтов, только одно есть в 200 фунтов, но это-то и трогательно. Приятно видеть это братство, которое соединяет людей» (РНБ. Ф. 814. № 6. Л. 21) [см.: Заборова, 1960, с. 181].

5 ноября 1891 г. Лев Николаевич получает письмо из Англии от лондонского издателя Т. Фишера Унуина (T. Fisher Unwin), основателя фонда "Russian Famine fund", в котором говорилось о том, что в его стране проходит сбор средств на помощь бедствующим, но англичане столкнулись с двумя проблемами: как и кому пересылать деньги в Россию, «в какие пункты или области» и кому «их следует адресовать». Фишер Унуин запрашивал: согласен ли Толстой дать свое имя для подтверждения солидарности «всякого движения в Англии, направленного к сбору денег и пожертвований, устройства их, распределения в верных местах и среди достойных людей». Он просил Льва Николаевича стать для них «доверенным лицом и советчиком» со стороны России [ПСС, т. 66, с. 77].

Толстой, расширяя сферу своей и без того широкой деятельности, с удовольствием соглашается на предложение: «Я очень тронут тою симпатией, которую выражает английский народ к бедствию, постигшему ныне Россию. Для меня большая радость видеть, что братство людей не есть пустое слово, а факт» (курсив мой. — Г. Ж.). Писатель предлагает установить связи с «учреждениями, которые всего лучше работают в борьбе с голодом нынешнего года, — это без сомнения земства, а потому всякая помощь, какая будет препровождена им, будет хорошо употреблена в дело и вполне целесообразно».

Лев Николаевич объясняет, что он теперь живет «на границе двух губерний, Тульской и Рязанской, и всеми своими силами» старается помогать крестьянству этого округа. Он состоит «в ближайших сношениях с земствами обеих этих губерний». Кроме того, один из его сыновей ведет ту же работу «в восточных губерниях, из которых Самарская находится в самом худшем положении».

Писатель обещает употребить суммы денег, присланные из Англии, «наилучше возможным» образом, и те, кто помогает, получают «публичный отчет» о том, как их средства употреблены. Кроме того, Толстой сообщает: «Способ помощи, который я избрал, хотя он вовсе не исключает других способов, это — организация обедов для крестьянского населения». Он собирался написать статью относительно подробностей работы с голодающими. Ее переведут на английский язык, и это даст английскому обществу «понятие о положении дел и о средствах, употребляемых для борьбы с бедствием настоящего года» [там же, с. 76].

Это небольшое письмо Толстого к Фишеру Унуину, несмотря на его лаконизм, понятно и отчетливо показывает, как поставлено дело Толстым. Писатель осознавал, что он отвечает не только адресату. Его письмо было опубликовано комитетом “Russian Famine fund” 14 января 1892 г. в газете “Daily News”, одновременно в “Daily Telegraph”, затем во многих других английских газетах, уже в обратном переводе на русский — в «Московских ведомостях».

Широко развернулось движение помощи голодающим в России в США. Вот часть цифр, характеризующих это, только из одного отчета Л. Н. Толстого о поступивших пожертвованиях с 12 апреля по 20 июля 1892 г. [ППС, т. 29, с. 157, 160]:

«После 12-го апреля в разное время получено из-за границы на имя Л. Н. и Т. Л. Толстых 13 373 р. 83 коп. от следующих лиц:

1. Miss Hapgood ..... 407 р. 35 к.
  2. 2 of Tolstoy's american readers ..... 24 р.
  3. Courier newspaper of Charleston through George W. Wurts .... 504 р. 30 к.
  4. Ralph Stone (America) ..... 28 р. 82 к.
  5. Miss Hapgood ..... 196 р. 65 к.
  6. Miss Hapgood ..... 652 р. 57 к.
  7. Jas W. Smith and other citizens of Arington (America)..... 211 р.
  8. C. Z. Hamilton (U. S. A.).....15 р.
  9. New Jork Chamber of Common ..... 1683 р. 25 к.
  10. Mayor of City of Norfolk ..... 65 р.
- <....>

Кроме того, получено натурой пожертвованных американцами:

- из Риги 27 мая пшеничной муки — 1503 пуда;
- 27 мая кукурузы — 1203 п.;
- в июле пшеничной муки — 600 п.;
- из Нового порта: муки, фасоли, консервов и др. — 116 пуд.» (РНБ. Ф. 814. № 6. Л. 21) [Заборова, 1960, с. 181].

Кроме того, из Америки «обещали прислать 7 кораблей с кукурузой» [ПСС, т. 66, с. 95]. 3 марта 1892 г. первый из них — «Индиана» прибыл в Либаву. Особенно активно включилась в организацию помощи голодающим в США переводчица и журналистка Изабелла Хэпгуд (1850– 1928). Она, по словам ученого из США Р. Виттакера (Robert Whittaker), «дала американцам первые добротные переводы произведений Толстого» («Детство, отрочество, юность» в 1886 г.). В том же году вместе с матерью она побывала в России, где познакомилась с Львом Николаевичем и его семьей. Хэпгуд написала воспоминания об этих встречах и авторизованную биографию «Жизнь Льва Толстого» (1888) [Виттакер, 1989, с. 237].

Она основала в США первый Толстовский фонд, объявила через газету "New-York Evening Post" о сборе пожертвований и вскоре, в 1892 г., отправила в Россию более 7 тыс. долларов. 4 сентября того же года Толстой информировал Хэпгуд: «Я на днях напишу в газету отчет, в котором выскажу всё об этом предмете. Напечатанный отчет непременно пришлю Вам» [ПСС, т. 66, с. 256]. Журналистка перевела статью Толстого «О средствах помощи населению, пострадавшему от неурожая» и опубликовала ее в США. Лев Николаевич одобрил ее перевод.

Характер всей этой цифири показывает щепетильность Толстого в расчетах и его стремление дать полный отчет. В этом случае перед Толстым и его соратниками встала задача предать гласности процесс организации помощи с тем, чтобы ни одной копейки не было потрачено впустую и чтобы общество знало, куда и на что потрачены средства.

Здесь естественным продолжением разговора Толстого с читателями о голоде были отчеты о той помощи, которая оказывалась бедствующим, и о том, куда тратятся собранные Толстым и его близкими, соратниками средства. Они периодически появлялись на страницах «Русских ведомостей» в разделе «Среди нуждающихся», созданном в ходе проведения голодной кампании, в котором помещались хроника, сообщения и корреспонденции с мест. Правда, первый отчет «О средствах помощи населению, пострадавшему от неурожая» был довольно большой проблемно-аналитической статьей, и редакция напечатала его в декабре 1891 г. дважды — в сборнике «Помощь голодающим» и отдельной брошюрой.

В ней Толстой, прежде всего, разъясняет две цели, которые имеет помощь голодающим: «поддержание крестьянского хозяйства и избавление людей от опасности заболевания и даже смерти от недостатка и недоброкачественной пищи» [ПСС, т. 29, с. 126]. Помощь «в виде выдачи муки от 20 до 30 фунтов в месяц, считая или не считая работников», этих целей не достигает. Автор отчета, анализируя хозяйства трех типов — богатое, среднее и бедняка, объясняет, почему так происходит, и констатирует: «Как ни больно высказать это, несмотря на ту замечательную энергию и даже самоотвержение большинства земских деятелей, деятельность их, состоящая в раздаче пособий хлебом, не достигает — ни цели поддержания крестьянского хозяйства, ни предупреждения возможности голодных смертей и, кроме того, имеет вредное влияние на народ, раздражая его» [там же, с. 129].

Лев Николаевич, исходя из собственных наблюдений и практики, предлагает для решения проблемы другие две, реально возможные в тех условиях, меры: «...для хоть не поддержания крестьянского хозяйства, а противодействия его окончательному разорению, — учреждение работ для всего могущего работать населения и — устройства во всех деревнях голодающих мест даровых столовых для малых, старых, слабых и больных» (курсив мой. — Г. Ж.) [там же, с. 130].

Автор останавливается на преимуществах предлагаемых мер, показывает, что в этом отношении уже делается. «Не говоря уже об экономическом значении работы для нынешнего года, нрав-

ственное значение ее огромно, — подчеркивает он. — Работа, какая-нибудь работа, которая могла бы занять всех праздных нынешний год людей, составляет самую настоятельную необходимость». «Устройством таких работ — доставкой бабам прядева и продажей выработываемого ими тканья, уже занимаются многие лица и отчасти ведомства, хотя еще и в очень малых размерах. Мы тоже начали это дело...» [там же, с. 29, 131–132].

Особенно подробно в статье рассказывается об устройстве столовых, создание которых Толстым и его помощниками «ведется с успехом» более месяца. Лев Николаевич делится опытом: «С нашими небольшими силами и без особого усилия, мы в 4 недели открыли и пустили в ход в 20 деревнях 30 столовых, в которых кормятся около 1500 человек. Соседка наша, Н. Ф., одна в продолжение месяца открыла и ведет на тех же основаниях 16 столовых, в которых кормятся не менее 700 человек» [там же, с. 142].

В столовых Толстой видит возможность спасти людей от заболеваний и смерти из-за «дурной пищи» и недостатка ее: «...единственное несомненное и действительное средство есть устройство в каждой деревне даровой столовой, в которой каждый мог бы насытиться, если он голоден». Автор всячески пропагандирует такой опыт. В статье он раскрыт вплоть до мелочей: «Вопрос о посуде для варки, о чашках, ложках, столах разрешается самими хозяевами столовых. Каждый хозяин употребляет свою посуду. А чего нет, он достает у тех, которые ходят к нему. Ложки носит каждый свои» [там же, с. 135].

В концовке отчета приведен эпизод, возвращающий читателя к статье «Страшный вопрос». В Бегичевку приехал «калужский житель» с предложением взять на прокорм до весны в их губернию 80 лошадей из местных хозяйств. Крестьяне согласились на это. «Не может быть более сильного и определенного ответа на вопрос о том, есть ли голод и в каких размерах. Должна же быть велика нужда, если крестьяне так легко расстаются с лошадьми, доверяя их неизвестным людям». В этом же примере Толстой видит проявление лучших качеств народа: «предложение это и принятие его для меня поразительно трогательно и поучительно... Если бы хоть сотая доля такого живого братского сознания,

такого единения людей во имя бога любви была во всех людях, как легко, да не только легко, но радостно перенесли бы мы этот голод, да и все возможные материальные беды!» [там же, с. 143–144]. Этими теплыми словами завершается статья, зовущая к состраданию и к практическому действию.

Третий «Отчет об употреблении пожертвованных денег с 12 апреля по 20 июля 1892 г.», в отличие от других, открывается статистическими данными на несколько страниц, а завершается сильным толстовским публицистическим обобщением и репортажной, мастерски и с горечью выписанной зарисовкой: «Встаю очень рано; ясное морозное утро с красным восходом; снег скрипит на ступенях, выхожу во двор, надеясь, что никого еще нет, что я успею пройтись. Но нет; только отворил дверь, уже двое стоят...» — крестьянин с сыном-мальчиком. Начинается обычный разговор о нужде: «Ничего не родилось, семья 8 душ, работник я один, старуха померла, летос корову проели, на Рождество последняя лошадь околела, уж я, куда ни шло, ребята есть просят, отойти некуда, три дня не ели!»

«Все это обычное одно и то же», — замечает публицист. «Ну, хорошо, хорошо, мы приедем, тогда увидим», — говорит он крестьянину, собираясь идти дальше, но нечаянно обращает взор на мальчика. «Мальчик смотрит на меня жалостными, полными слез и надежды, — пишет Толстой, — прелестными карими глазами, и одна светлая капля слезы уже висит на носу и в это самое мгновение отрывается и падает на натоптанный снегом дощатый пол. И милое, измученное лицо мальчика с его вьющимся венчиком кругом головы русыми волосами дергается всё от сдерживаемых рыданий. Для меня слова отца — старая, избитая канитель. А ему — это повторение той ужасной години, которую он переживал вместе с отцом, и повторение всего этого в торжественную минуту, когда они, наконец, добрались до меня, до помощи, умиляют его, потрясают его расслабленные от голода нервы. А мне всё это надоело; я думаю только, как бы поскорее пройти погулять.

Мне старо, а ему ужасно ново.

Да, нам надоело. А им всё так же хочется есть, так же хочется жить, так же хочется счастья, хочется любви, как я видел по

его прелестным, устремленным на меня, полным слез глазам, хочется этому измученному нуждой и полному наивной жалости к себе доброму жалкому мальчику» [там же, с. 168].

Трудно как-то сократить такую цитату текста, такого текста, который потряс современников и снова вызвал их на пожертвования бедствующим. Глаза мальчика из отчета Толстого звали к братской любви. Розенберг, также полностью цитируя этот сюжет, сухо констатировал: «Такой „отчет“, само собою разумеется, принес новые тысячи на помощь голодавшему населению» [Розенберг, 1913, с. 182]. Более эмоционально отреагировала Софья Андреевна, которая с гордостью сообщала из Москвы мужу: «Газету с твоим отчетом раскупили на 5 000 номеров больше, и всё еще поступают требования... Дунаев говорит, что все плачут, когда читают последнюю сцену. Еще бы!!! Это не рассуждения, а художество! Это сила настоящая, золото, а не позолота на меди» (курсив мой. — Г. Ж.) [Толстая, 1936, с. 544].

Кампания борьбы с голодом дала Толстому столько пищи для размышлений и осмысления, анализа проблем жизни во всех ее сферах и проявлениях, что у него возникло желание обобщить наблюдения и впечатления, как он признается Н. Н. Страхову, «написать о положении народа, свести итоги того, что открыли эти два года». Лев Николаевич уже не мог учитывать цензурные ограничения. В этих условиях он пишет «Заключение к последнему отчету о помощи голодающим», под текстом которого стоит дата «28 октября 1893 г.», — статью, содержащую истинную правду жизни, которая состоит в «признании истинного христианства».

Вся причина народных бедствий, по Толстому, — «в антихристианском, не братском отношении нас, людей образованных, к бедным, чернорабочим, несущим всегда ту нужду и лишения и связанные с ними страдания и горести, которые только были более, чем обыкновенно, замечены нами в эти последние два года» [ПСС, т. 29, с. 205]. Голод открыл «хорошо спрятанную вину» элитарной части общества «перед рабочим народом». «Нельзя уже теперь среди этого вырождающегося от недостатка пищи и излишка работы, со всех сторон окружающего нас народа, не

видеть того, что всякое поглощение нами произведений работы народа, с одной стороны, лишает его того, что ему необходимо для его питания, с другой увеличивает его и так уже доведенную до последней степени напряженность работы. Не говоря уже о безумной роскоши парков, цветников, охот, — всякая поглощенная рюмка водки, всякий кусок сахара, масла, мяса есть с одной стороны столько-то отнятой пищи от народа и столько-то прибавленного ему труда» [там же, с. 206].

Толстой показывает в статье, что для европейца, «хотя он и будет неправ», «там, где есть относительная свобода, где распространено образование, где каждому дана возможность вступить в ряды образованных», «роскошь есть только законная награда труда и не губит чужие жизни». Но в России всё обнажено: «связь нашей роскоши с страданиями и лишениями людей одной породы с нами народа — слишком очевидна. Мы не можем не видеть той цены прямо человеческой жизни, которой покупаются у нас наши удобства и роскошь». «Для нас солнце уже взошло... — дважды повторяет Лев Николаевич. — Нельзя уже прятаться за правительство, за необходимость управлять народом, за науки, искусства, необходимые будто бы для народа, за священные права собственности, за необходимость поддерживать предания и т. п. Солнце взошло, и все эти прозрачные покровы ничего уже ни от кого не скрывают» [там же, с. 207].

Публицист считает, что надо «сломать ту искусственную преграду, которая стоит между нами и рабочими людьми, не на словах, а на деле признать их своими братьями, и для этого изменить свою жизнь, отказаться от тех выгод и преимуществ, которые мы имеем, а отказавшись от них, встать в равные условия с народом, и с ним уже вместе достигнуть тех благ управления, науки, цивилизации, которые мы теперь извне, и не спрашиваясь его воли, будто бы хотим передать ему» [там же, с. 208]. «Выбор неизбежен», — уверяет Толстой.

Интересна в этой статье позиция автора: она как бы надгосударственна. В статье нет обличения бюрократического аппарата. Она посвящена главной для Толстого проблеме человеческих отношений. «Заключение...» естественно не могло появиться в

русской печати. Лишь в 1895 г. его издают в Женеве М. Элпидин, в Лондоне — Фонд вольной русской прессы в сборнике «Последние произведения графа Л. Н. Толстого, запрещенные в России».

Кампания борьбы с голодом получит продолжение в 1898 г., когда голод обрушится на 14 губерний страны. Лев Николаевич снова берется за перо — пишет в этом году статью «Голод или не голод?», возобновляя диалог с читателем об отношениях между людьми. Статья состоит из трех вполне самостоятельных частей. В первой автор отчитывается, по его словам, о «личном деле»: как организована им помощь голодающим, на что пошли деньги — дана таблица прихода и расхода полученных и потраченных денежных средств.

Вторая — аналитическая и обличительная — часть статьи посвящена ответам на три вопроса, на которые навела Толстого его деятельность и «которые, судя по газетам, занимали и общество в последнее время»:

Есть ли в нынешнем году голод или нет голода?

Отчего происходит так часто повторяющаяся нужда народная?

И как сделать, чтобы нужда эта не повторялась и не требовала бы особенных мер для ее покрытия?

Ответы на эти вопросы фактически представляют собой обобщение наблюдений публициста над многолетней кампанией помощи голодающим, итог исследования жизни народа при той постоянной и тесной связи, которую в этот исторический период он имел с народом. Сначала Толстой дает развернутые ответы на поставленные вопросы; затем, сжав систему доказательств, как пружину, кратко и энергично повторяет ответы:

— «голода нет, а есть хроническое недоедание всего населения, которое продолжается уже 20 лет, и всё усиливается, и которое особенно чувствительно нынешний год при дурном прошлогоднем урожае, и которое будет еще хуже прошлогоднего. Голода нет, но есть положение гораздо худшее. Всё равно, как бы врач, у которого спросили, есть ли у больного тиф, ответил бы: „Тифа нет, а есть быстро усиливающаяся чахотка“»;

— «причина главная — упадок его [народа] духа, так что пока народ не поднимется духом, до тех пор не помогут ему никакие

внешние меры, ни министерство земледелия и все его выдумки, ни выставки, ни сельскохозяйственные школы, ни изменение тарифов, ни освобождение от выкупных платежей... ни снятие пошлин с железа и машин, ни столь любимые теперь и выставляемые несомненным лекарством от всех болезней — приходские школы, — ничто не поможет народу, если его состояние духа останется то же. Я не говорю, чтоб все эти меры не были полезны, но они делаются полезными только тогда, когда народ поднимется духом и сознательно, и свободно захочет воспользоваться ими»;

— «для этого нужно, не говорю уже уважать, а перестать презирать, оскорблять народ обращением с ним, как с животным, нужно дать ему свободу исповедания, нужно подчинить его общим, а не исключительным законам, а не произволу земских начальников; нужно дать ему свободу ученья, свободу чтенья, свободу передвижения, и, главное, снять то позорное клеймо, которое лежит на прошлом и теперешнем царствовании — разрешение дикого истязания, сечения взрослых людей только потому, что они числятся в сословии крестьян» (курсив мой. — Г. Ж.) [там же, с. 224–225].

В этих строках, написанных сердцем, после многих размышлений и раздумий, фактически представлена программа публицистической и общественной деятельности Толстого на будущее. И новое его произведение по цензурным соображениям, несмотря на то что на престоле уже был новый молодой царь, не могло выйти в России. В конце концов со значительными сокращениями статья «Голод или не голод?» вышла и в России — 2 и 3 июля 1898 г. во втором выпуске газеты В. П. Гайдебурова «Русь». Цензурное ведомство запретило другим изданиям ее перепечатывать. С. А. Толстая после многих и упорных хлопот добилась ее включения в 24-й том собраний сочинений Толстого, имевший тираж 2400 экземпляров. В 1898 г. В. Г. Чертков в Англии издает статью Толстого в виде брошюры «Голод или не голод 1898 года?». Ее фрагменты П. И. Бирюков поместил в периодическом сборнике «Свободное слово» (1898. № 1. С. 201–204).

Таким образом, 1890-е годы для Льва Николаевича были годами напряженного труда на благо народа. Вот как он сам говорил

об этом в 1892 г.: «Много я за нынешний год, копаясь во внутренних делах народа и пытаюсь делать невозможное — помогать деньгами беде людской, многое я узнал, передумал и более всего проверил и подтвердил известное, а именно, что внешней беды нет, а все беды внутренние» (курсив мой. — Г. Ж. — Из письма от 31 мая Г. А. Русанову [ПСС, т. 66, с. 224]).

Центром его творчества становится острая, злободневная публицистика, посвященная «страшному вопросу» — народной жизненной трагедии, когда народ-кормилец голодает, а те, кто живет за счет его трудов, жуирует; публицистика, проникнутая заботой о ближнем в ее конкретном выражении — помощи терпящим бедствие, осмыслением истоков, причин и последствий трагедии.

Как и в словесности, в этой части творчества Толстой выступает новатором. В письме к отцу и сыну Ге в ноябре 1891 г. он признаётся в том, что он не мог «жить дома, писать», он чувствовал «потребность участвовать, что-то делать» [там же, с. 81–82]. Нравственная позиция автора-творца подкрепляется нравственным делом. «...Как не преклоняться перед самим Толстым. Право, необычайно зрелище этого человека, которого знает весь мир, — приходил к убеждению литератор В. П. Горленко, высказанном в письме от 9 декабря 1891 г. к И. Л. Леонтьеву (Щеглову), — скитающегося зимой по деревням с семьей среди голодающих, насыщая их. Ни либералы, ни толстовцы не сделают этого. Первые удобно сидят в столицах, вторые в Россохах кропают плохие книжки...» [Розенблюм, 1960. с. 160].

Толстой впервые в таком масштабе в российской практике выступает как публицист-организатор, у которого слово и дело тесно связаны. «Жалко будет, если запретят, — сокрушался Лев Николаевич в письме от 25 июня 1892 г. к В. Г. Черткову по поводу вполне реальной судьбы своей статьи о голоде, — потому что она описывает способ устройства самой лучшей формы помощи и хотелось бы сообщить другим этот приём, так он прост, естествен и полезен» [ПСС, т. 87, с. 112–113].

Не только благодаря Слову Толстого, но и благодаря его конкретной помощи, ее организации фактически — беспрецедент-

но! — во всем мировом масштабе были спасены от гибели тысячи русских людей.

Казалось бы, такая гуманная деятельность должна была получить поддержку власть имущих, но этого не произошло. Масштабы деятельности великого писателя были такими, что составили конкуренцию властным структурам, подменяли их. Понимание этого получило отражение в выступлениях против Толстого со стороны «Московских ведомостей», Главного управления по делам печати, цензуры, Министерства внутренних дел. Не найдя возможности напечатать в России свою основную статью «О голоде», Лев Николаевич решил опубликовать ее за границей.

«Статью мою, Гротовскую, пожалуйста, возьми в последней редакции без смягчений, но с теми прибавками, которые я просил Грота внести, и вели переписать, — просил он жену 25 ноября 1891 г., — и пошли в Петербург Ганзену и Диллону, и в Париж Гальперину. Пускай там напечатают: оттуда перейдет и сюда, газеты перепечатают» [ПСС, т. 84, с. 104]. Очень важное письмо для понимания выхода произведений Толстого на аудиторию в условиях жесткого цензурного режима. Оно свидетельствует, что к 1890-м годам у писателя уже сложилась своя система их распространения: по возможности — русская печать, иностранная пресса, зарубежная русская журналистика и возврат в той или иной форме (перепечатка — чаще фрагментарная, пересказ, комментарий, цитирование и т. д.) в газеты и журналы России. Петер Ганзен — датчанин, Эмиль Диллон — англичанин: оба переводили произведения Толстого и публиковали их за рубежом. И. Д. Гальперин-Каминский переводил их для иностранной периодики на французский язык.

Возвратная публикация, обратный перевод на русский язык произведений Толстого, вышедших на других языках, отличался еще большей субъективностью. Как покажет практика, многое здесь зависело от целей переводившего. Э. Диллон (E. Dillon) перевел статью и, поскольку по размеру для газеты она была велика, напечатал ее в виде «писем» Толстого под общим названием «Почему русские крестьяне голодают?» в нескольких номерах "Daily Telegraph" 12–30 января 1892 г. Затем статья Толстого вы-

шла в свет во многих английских, французских и датских газетах. Полный ее текст на русском языке был издан в Женеве лишь в 1896 г. М. К. Элпидиным именно в виде «Писем о голоде».

Среди многих произведений Толстого о голоде наибольшее общественное, можно сказать сенсационное звучание получит статья «О голоде». В этом повинны и будут «Московские ведомости», арендовавшие после смерти М. Н. Каткова с 1887 по 1896 г. их бывшим редактором С. А. Петровским, решившим наказать писателя за вынос сора из родной избы. Редакция газеты сделает обратный перевод с английского на русский язык одного из «писем» Толстого — пятую главку его статьи по тексту “Pall Mall gazette”. Оно будет напечатано под заголовком «Граф Лев Толстой о голодающих крестьянах» в передовице «Московских ведомостей» от 22 января 1892 г.

В обширном комментарии редакция обвинила писателя в революционной пропаганде: «Граф Толстой задается „самоважнейшим вопросом“, понимают ли сами крестьяне серьезность своего положения и необходимость вовремя проснуться и самим предпринять что-нибудь, ввиду того, что никто другой им помочь не может, ибо если они сами ничего не предпримут, „они передохнут к весне, как пчелы без меду“».

«Письма графа Толстого... являются открытой пропагандой к ниспровержению всего существующего во всем мире социального и экономического строя, который, с весьма понятною целью, приписывается графом одной только России. Пропаганда графа есть пропаганда самого крайнего, самого разнузданного социализма, перед которым бледнеет даже наша подпольная пропаганда» (курсив мой. — Г. Ж.).

Редакция «Московских ведомостей» использовала испытанный цензурой прием. К примеру, в 1884 г. ответственному редактору «Отечественных записок» М. Е. Салтыкову-Щедрину инкриминировалось то, что вокруг журнала «группировались лица, состоявшие в близкой связи с революционной организацией». Журнал был закрыт [Жирков, 2001, с. 163].

«Московские ведомости» проводят параллель между статьей Толстого и «подпольным печатным мерзким листком», содержав-

шим якобы то же самое, к чему зовет писатель: «спасение русской земли в ней самой, а не в министрах, генерал-губернаторах и губернаторах, которые привели Россию к самому краю пропасти»; «правительство довело Россию до голода» и т. д. И хотя редакция оговаривается, что Толстой ничего не имеет общего с подпольными агитаторами, тем не менее он тоже якобы заявляет, что правительство — это «паразит народа, высасывающий его соки ради собственного удовольствия».

Разница между статьей и листком лишь в том, что «подпольные агитаторы стремятся к мятежу, выставляя в виде приманки „конституцию“, как средство к тому хаосу, о котором они мечтают, а граф открыто проповедует программу социальной революции, повторяя за западными социалистами избитые нелепые фразы о том, что „богачи пьют пот от народа, пожирая все, что народ имеет и производит!“».

Сенсационный номер «Московских ведомостей» быстро разошелся. Его продавали по 25 рублей — за фантастическую цену по тому времени. Статья повсюду обсуждалась, несмотря на то, что цензура запретила другим изданиям ее перепечатывать, цитировать и даже комментировать.

Указания этой газеты властям на необходимость принять к Толстому меры были слишком прозрачны³. На писателя, по словам Н. Н. Страхова, «поднялась такая злоба, такое непобедимое раздражение, что ясно было»: он задел «людей за живое сильнее всяких революционеров и вольнодумцев» [Толстой — Страхов, 2003, с. 898]. Александра Андреевна Толстая, боясь за своего любимца, даже попросила аудиенцию у императора. По ее воспоминаниям, Александр III ответил на ее тревожные вопросы: «Я нисколько не намерен сделать из него мученика и обратить на себя всеобщее негодование. Если он виноват, тем хуже для него». Эти слова монарха стали легендарными, кочующими по воспоминаниям в разном контексте.

---

³ О реакции общества и родных Толстого на этот сюжет, антитолстовскую кампанию в газете см. подробнее в моей книге «Л. Н. Толстой и цензура» [Жирков, 2009, с. 85–92].

Редакция «Московских ведомостей» в то же время в своих комментариях доходила до прямого оскорбления писателя: «Перед нами другой Толстой, — несчастный старик, находящийся в состоянии умственного и нравственного распада, опустившийся до мирозерцания малограмотных анархистских листов и брошюр» [см.: Шкловский, 1963, с. 682–683]. В печати вплоть до февраля 1892 г., когда Толстой под давлением Софьи Андреевны выступил с опровержением инсинуаций «Московских ведомостей», вокруг их публикаций шла полемика. С. А. Толстая рассказывала: «Когда получен был отказ от „Правительственного вестника“ напечатать письмо Льва Николаевича, тогда мы с Гротом решили послать его в 30 редакций разных газет. Где-нибудь да напечатают, а тогда и другие газеты перепечатают. Так и сделали. Живо отектографировали 100 экземпляров, разослали газетам, многим правительственным и частным лицам» [ПСС, т. 66, с. 162]. Ответ писателя поместили 8 газет: 8 марта — «Санкт-Петербургские ведомости» и «Русская жизнь», 9 марта — «Новое время» и «Новости», 10 марта — «Московский листок» и др.

Редакция «Московских ведомостей» продолжила свою тактику. Помещая 12 марта «Письмо к издателю» Э. Диллона, она сопроводила его большой статьей, еще раз свидетельствуя о добросовестности переводов в передаче «социалистических мыслей Толстого». Газета делала новый выпад против писателя: «Этой статьей („О голоде“) граф Толстой окончательно убил себя в глазах здравомыслящих людей, которые до сих пор еще смотрели на него сквозь призму его художественных созданий» [там же, с. 163].

Несмотря на продолжительность, интенсивность и изощренность газетной атаки на Толстого, «Московские ведомости» посткатковского периода не смогли уронить авторитет великого писателя и публициста, как это получилось некогда у М. Н. Каткова по отношению к А. И. Герцену. Лев Николаевич продолжал писать литературные шедевры (именно в 1892 г. он завершил глубокий философский трактат «Царство Божие внутри вас»). Он активно продолжал спасать голодающих, создав фактически для этого особый центр.

Эпизод с «Московскими ведомостями» послужил Толстому поводом к обобщению своей публичной и публицистической дея-

тельности: «Я пишу, что думаю, и то, что не может нравиться ни правительству, ни богатым классам, уж 12 лет, и пишу не нечаянно, а сознательно, и не только оправдываться в этом не намерен, но надеюсь, что те, которые желают, чтобы я оправдывался, постараются хоть не оправдаться, а очиститься от того, в чем не я, а вся жизнь их обвиняет... То же, что я писал в статье о голоде, есть часть того, что я 12 лет на все лады пишу и говорю, и буду говорить до самой смерти, и что говорит со мной всё, что есть просвещенного и честного во всем мире...» (курсив мой. — Г. Ж.) [ПСС, т. 84, с. 128].

Посылавшая 12 февраля в «Правительственный вестник» письмо Толстого Софья Андреевна получила от него категоричное наставление: «...ни одного слова не изменяй и не прибавляй, и даже не позволяй изменить. Всякое слово я обдумал внимательно и сказал всю правду и только правду...» (курсив мой. — Г. Ж.) [там же, с. 118]. После всех описанных событий, весной 1892 г., Толстой занес в дневник такие наблюдения над происходящим в стране: «Думаю часто — спасение произойдет ужасами, революцией, постепенно — нет. И не было бы спасения, если бы правительства могли остановить рост сознания — нового жизнепонимания. Правительства могут всех обобрать, всех убить, всех слабых подвергнуть гипнотизации, но не могут остановить роста. Чем больше они гипнотизируют, тем энергичнее рост — контраст, чем больше накладывать дров, тем ярче горит и тем труднее погасить. Спасенье не извне, а изнутри...» (курсив мой. — Г. Ж.) [Бирюков, 1923, с. 191].

В это время Толстой, как никогда, жил народом и вместе с народом.

ГЛАВА IV

Политические письма Толстого

XX столетие Толстой встретил усиленной публицистической работой. Заканчивая в 1899 г. роман «Воскресение», он предвкусывал: «Руки чешутся писать обо многом в форме статей. Да надо кончать „Воскресение“. Когда не было художественной работы, я по ней скучал, а теперь уже хочется освободиться, много набраться другого» [ПСС, т. 72, с. 164].

Из-под пера Толстого-публициста в начале XX в. только в зарубежных «Свободном слове» и его «Листках» выходят статьи, даже перечень которых показывает интенсивный характер его труда: «Рабство нашего времени», «Не убий», «Где выход», «Неужели это так надо» (1900); «Царю и его помощникам», «Единственное средство» (1901); «Солдатская памятка», «Офицерская памятка», «О веротерпимости» (1902); «К духовенству» (1903) и др.

Казалось бы, 70-летний возрастной рубеж должен был несколько охладить его бойцовский темперамент, но как раз наоборот: Лев Николаевич с головой окунается в актуальные жизненные проблемы, которых в России накопилось великое множество и которые властью не решались. С болью в сердце Толстой пишет о происходящем в стране и за ее пределами: о войнах, о казнях, о безбожии, об унижении человеческого достоинства — порке крестьян. Он становится совершенно неудобным и неугодным публицистом для власти.

На рубеж веков приходится период правления Николая II Александровича (1868–1918). Осмысливая смену власти и неудачное заявление нового монарха 17 января 1895 г. по поводу представителей земства, «увлекшихся бессмысленными мечтаниями... об участии в делах внутреннего управления», Толстой делает следующий важный вывод: «Просвещение, освещая сознание людей, идёт вперёд, нельзя остановить его, а формы жизни у нас в России идут назад, и трудно себе представить, как и чем можно изменить это» (курсив мой. — Г. Ж.) [Лев Толстой и русские цари, 1995, с. 76].

Как раз в 1895 г. Лев Николаевич получил письмо от учителей В. Шимановского, С. Губернарчука, Д. Гунько, просивших его выступить в защиту крестьян от телесных наказаний, которым их могут подвергнуть по суду: «Мы, народные учителя, видим в Вас одну надежду и молим Вас: скажите свое мощное печатное слово об этом несчастье и дайте первый трудный толчок освобождению от него». Это замечательное письмо — документ, говорящий об авторитете Толстого как общественного деятеля и публициста в глазах современников уже в то время.

Писатель неоднократно высказывался об этом позоре России, касавшегося большинства ее населения, когда по закону крестьянина могли высечь розгами, как раба. Поэтому на этот раз его готовность к постановке проблемы была такова, что в один день 6 декабря он написал статью «Стыдно!». В ней сначала дана историческая справка, после которой рассказан случай, когда по обыкновению провинившегося солдата должны были наказать розгами, а офицер, недавно пришедший в часть, отнесся к солдату как к человеку, просто сказав ему: «Прошу тебя больше не делать таких вещей». И солдат нравственно возродился.

Автор приводит немало противоположных примеров, когда, не выдержав стыда, после сечения крестьяне кончали жизнь самоубийством. Толстой прямо заявляет: «Не хочу и не могу я признавать того закона, который нарушает все законы божеские и человеческие, и не могу себя представить солидарным с теми, которые пишут и утверждают такие преступления под видом закона». Концовкой статьи он подчеркивает: «Освобождение

русского народа произойдёт только тогда, когда правящие классы признают свой грех и смиренно покаются в нём» [ПСС, т. 31, с. 77].

31 декабря статья «Стыдно!» вышла, хотя и со значительными цензурными искажениями, в «Биржевых ведомостях» и в «Русских ведомостях». В 1899 г. ее полный текст появился в «Листках Свободного слова» (№ 4) в Англии. На родине полностью она была напечатана лишь в 1906 г. в «Серии неизданных в России сочинений графа Л. Н. Толстого» (№ 5), выпускавшейся «Всемирным вестником».

И в урезанном виде статья «Стыдно!» получила отклик в обществе. Так, бывший студент И. Ф. Лебединский писал Льву Николаевичу, что ему ненавистно такое устройство жизни, при котором возможны такие насилия над человеком. Отвечая ему, Толстой сокрушался: «Вы меня хвалите за статейку о телесном наказании, а я думаю, что такие статьи бесполезны. Из этой, например, выкинута самое существенное, и сколько бы мы ни писали, безобразное беззаконие будет продолжаться до тех пор, пока будут люди порядочные рассуждать в собраниях и присутствиях об этих мерзостях. Средство уничтожить это и всякое другое зло — в том, чтобы общественное мнение казнило презрением людей, подающих руку правительству в таких делах» [ПСС, т. 69, с. 39].

Но, так или иначе, в этом случае правительство занялось пересмотром существовавшего закона.

На долю Николая II досталось сложное для управления огромной страной время: противоречия в России углублялись, разразился общемировой экономический кризис, в городах росло забастовочное движение. С 1901 по 1903 г. число забастовок и их участников увеличилось почти в три раза [Статистические сведения..., 1905, с. 10]. Одновременно начались волнения и восстания в деревне. В 1902 г. на юге России — в Полтавской и Харьковской губерниях — развернулась настоящая война: крестьяне сжигали помещицьи имения, захватывали хлеб, оказывали сопротивление полиции и войскам. И забастовки, и волнения крестьян жестоко подавлялись — вплоть до применения расстрелов и поголовной порки сельского населения.

Мировой кризис вел к обострениям и на международной арене. В этот период на Дальнем Востоке значительно активизировалась экспансия Японской империи, что привело ее к столкновению с российскими интересами. Борьба за влияние в этом регионе вылилась в неудачную для России войну. 8 февраля 1904 г. японский флот напал на русскую эскадру у Порт-Артура. 10 февраля появился царский манифест об объявлении войны Японии. Японская сторона, выступавшая в качестве агрессора, была хорошо подготовлена к войне. Собственно, она и стремилась к ней, рассчитывая только на победу. В стране процветал культ армии. Он подогревал милитаристские настроения в японском обществе.

Россия же не была готова к этой войне. Ее руководство недооценивало силы противника, не успело мобилизовать собственные силы. Военное командование не смогло выполнить свои задачи: армия и флот несли поражение за поражением. 6 сентября 1905 г. был заключен Портсмутский мир, по которому Россия потеряла Порт-Артур, половину острова Сахалина, ушла из Маньчжурии, Корея была отнесена в сферу влияния Японии и др. Страна осталась без Тихоокеанского флота и без выхода в Тихий океан [см.: Сборник дипломатических документов..., 1906].

В народе назревал взрыв. Это понимали многие, но царь и его ближайшие помощники не находили в себе смелости предпринять какие-либо реальные шаги для того, чтобы предотвратить выступление масс. Структура управления обществом была традиционно монархической, никакие модернизации ее не признавались. В стране шло стихийное создание политических партий, обострялась политическая атмосфера, развивались конфликтность и противостояние социальных слоев общества, что в конечном итоге привело к революции. Именно массовым появлением партий открывается политическая история России XX столетия. Как только в 1905 г. разразилась революция, почти сразу же произошло их оформление [см.: Журналистика русского зарубежья, 2003]. К 1906 г. их насчитывалось — до 50 [Спирин, 1977, с. 32].

В противостоянии власти и растущей ей оппозиции Толстой занимает одно из ведущих мест. Его мировой авторитет; установившееся отношение к нему при Александре III; морально-нрав-

ственная постановка проблем; эссеистический подход в творчестве, когда автор пишет о себе и про себя, о своих ощущениях, впечатлениях, выводах, без призывов к каким-либо преступным деяниям (свержение правительства, борьба с ним и пр.); личные особенности писателя: его родовитость, проповедь любви к ближнему, возраст и др. — всё это не позволяло власти расправиться с Толстым, хотя призывов к этому со стороны его оппонентов было предостаточно.

Строки, появившиеся тогда из-под пера Толстого, можно сказать, проходят через его сердце, наполняются его душевными токами и переживаниями. Только завершён горький роман «Воскресение», а Лев Николаевич строит новые планы. Он сообщает В. Г. Черткову 31 декабря 1899 г. о поездке на Казанскую железную дорогу, чтобы посмотреть, как «36 часов сряду» там работают грузчики, и ему «хочется рассказать то, что довелось думать об этом». Он начинает новую статью. Прошло более полугода, Лев Николаевич в июле 1900 г. в письме к дочери М. Л. Оболенской признавался: «Я всё переделывал свою статью, которую думал, что кончил. И теперь еще поправляю и всё делаю ее ядовитее и ядовитее» [ПСС, т. 72, с. 408]. Правка текста статьи, названной «Рабство нашего времени», шла и в августе, и в сентябре [см.: Серебровская, 1992]. Она была напечатана в Англии в «Свободном слове» в 1900 г., на следующий год в Германии, в Берлине, на русском языке в двух издательствах — Гуго Штейница и Caspari.

В самом начале произведения Толстой раскрывает его замысел: «Почти пятнадцать лет тому назад перепись населения в Москве вызвала во мне ряд мыслей и чувств, которые я, как умел, выразил в книге, озаглавленной „Что же нам делать?“. В конце прошлого 1899 года мне пришлось вновь передумать те же вопросы, и ответы, к которым я пришел, остались те же, как и в книге „Что же нам делать?“» [ПСС, т. 34, с. 145]. Основная мысль, как той книги, так и этой статьи, по-Толстому, — отрицание насилия: «Это отрицание я понял и узнал из Евангелия, где оно яснее всего выражено в словах: „Вам сказано: око за око... то есть вас учили употреблять насилие против насилия, а я учу вас: под-

ставьте другую щеку, когда бьют вас, то есть терпите насилие, но не делайте его“ [там же].

Эти же слова автор поставил и в эпитафию к статье, хотя осознал, что они будут для «либералов и церкви», «большинства так называемых образованных людей поводом к тому, чтобы не читать статьи или предубежденно отнестись к ней...». Лев Николаевич считал долгом «указывать на тот источник», из которого он «почерпнул познание еще далеко не сознанной людьми истины, которая одна может избавить людей от их бедствий» [там же, 146].

Публицист рисует впечатляющую картину современного ему рабства. Открывающий ее репортаж о грузчиках завершается, например, таким обобщением: «...за деньги, дающие только пропитание, люди, считающиеся свободными, находят нужным отдаваться в такую работу, в которую во времена крепостного права ни один самый жестокий рабовладелец не послал бы своих рабов. Да что рабовладелец, ни один хозяин-извозчик не отдал бы своей лошади, потому что лошадь стоит денег и нерасчетливо непосильной 37-часовой работой коротать жизнь ценного животного» [там же, с. 150].

Далее идет рассказ о фабрике шелковых изделий, расположенной «против дома», в котором Толстой живет, и где трудятся 3000 женщин и 600 мужчин. Следует авторское обобщение: «Так что в продолжении 20-ти лет, как я это знаю, десятки тысяч молодых, здоровых женщин-матерей губили и теперь продолжают губить свои жизни и жизни своих детей для того, чтобы изготавливать бархатные и шелковые материи». Еще хуже ситуация на тульском чугунно-литейном заводе [там же, с. 150–151].

Осмысливая эти и другие факты, полемизируя с «образованными людьми», Толстой замечает, что, узнав про все это, «мы только пожмем плечами и скажем, что очень жалеем о том, что это так, но что сделать мы против этого ничего не можем, и будем с спокойной совестью продолжать покупать шелковые материи, носить крахмальные рубашки и читать поутру газеты». Автор иронизирует по поводу озабоченности общества «отдыхом купеческих приказчиков, еще более переутомлением наших де-

тей в гимназиях», строгих запретов «ломовым извозчикам накладывать на своих лошадей тяжелые воза». Гуманность такого рода простирается до того, что «даже резание скотины на бойнях устраиваем так, чтобы животные страдали как можно меньше». Но, вопрошает публицист, «что же за удивительное затмение находит на нас, как только дело касается тех миллионов рабочих, которые со всех сторон медленно и часто мучительно убиваются на тех работах, которыми мы пользуемся для своих удобств и удовольствий?» [там же, с. 152].

Своей статьей Лев Николаевич и пытается развеять это затмение. Люди, когда поступают дурно, придумывают удобное для себя мировоззрение, «при котором дурные поступки их представляются уже не дурными поступками, а последствиями неизменных и находящихся вне их власти законов» [там же, с. 152]. Толстой подробно и обстоятельно останавливается на эволюции объяснения неравенства людей, на что направлены книги, проповеди, экономическая наука, законы... Продолжая внутреннюю полемику, он с горечью сокрушается: пусть пропадом пропадут такие достижения цивилизации, «если ⁹⁹/₁₀₀ людей были в рабстве и тысячами погибали на работах» [там же, с. 166].

Выдержав в 1890-е годы нападки в связи с постановкой писателем проблем цивилизации, науки, техники и т. д., Толстой отвечает на них в новом произведении: «Но культура, полезная культура и не уничтожится. Людям ни в каком случае не придется вернуться к копанию земли кольями и освещению себя лучинами. Недаром человечество при своём рабском хозяйстве сделало такие большие успехи в технике. Если только люди поймут, что нельзя пользоваться для своих удовольствий жизнью своих братьев, они сумеют применить все успехи техники так, чтобы не губить жизней своих братьев, сумеют устроить жизнь так, чтобы воспользоваться всеми теми выработанными орудиями власти над природой, которыми можно пользоваться, не удерживая в рабстве своих братьев» [там же, с. 167].

Статья «Рабство нашего времени» охватывает целый спектр важных вопросов. Приведем данное самим автором ее содержание:

- «I. Работа грузчиков 37 часов сряду.
- II. Равнодушие общества перед гибелью людей.
- III. Оправдание существующего положения наукою.
- IV. Экономическая наука утверждает, что сельские рабочие все должны пройти через фабричную деятельность.
- V. Почему ученые экономисты утверждают неправду.
- VI. Несостоятельность социалистического начала.
- VII. Культура или свобода?
- VIII. Среди нас существует рабство.
- IX. Причины рабства.
- X. Узаконения о податях, земле и собственности и их оправдание.
- XI. Узаконения — причины рабства.
- XII. В чем сущность узаконений? В организованном насилии.
- XIII. Что такое правительство? И возможно ли существование без правительства?
- XIV. Как уничтожить правительства?
- XV. Что должен делать каждый человек?» [там же, с. 198–199].

Даже по этому перечню вопросов видно, что автор статьи действительно обобщает многое из того, о чем ранее говорил, особенно в цикле очерков «Что же нам делать?». Он доказывает: «Рабство существует в полной силе. Но мы не сознаем его, так же, как не создано в Европе, в конце XVIII столетия, рабство крепостного права» [там же, с. 168]. Но новое его произведение существенно отличается от прежнего по манере исполнения, по изложению и стилю (об этом можно судить по приведенным из него цитатам). В нем автор развивает мысль логически и последовательно, он более строг к системе аргументации, менее эмоционален. И все-таки активность Толстого-автора и в этой статье достаточно велика, его заинтересованность крайне ощутима, он ссылается на собственный опыт, ведет репортаж, использует разные средства — всё это свидетельствует, что эссеистическое начало присуще и этому произведению.

В публицистике писателя оно усиливается и тем, что ее автор, его жизнь, его мысль и мнение, его раздумья сами по себе уже представляли собой общечеловеческую ценность. Его жизненное

пространство стало достоянием человечества: у него консультируются, узнают мнение, ждут его Слова; стремятся вовлечь в ту или иную организацию, к сотрудничеству в той или иной газете, в журнале; предлагают написать или высказаться о том-то и т. д. Объясняя Черткову, как появилась его статья «Об общественном движении в России», Толстой замечал: «Я писал её, имея в виду и личные (интервьюеров), и письменные, и телеграфические запросы от английских, французских и американских газет» [ПСС, т. 89, с. 9].

Действительно, Лев Николаевич получал много телеграмм и писем разных изданий, например, с просьбой высказаться о событиях 9 января 1905 г. 10 американских газет делегировали к нему двух корреспондентов — Дэвита (Dawitt), бывшего члена английского парламента, и Маккенны (Mackenna) от “New York Times” — с тем, чтобы узнать, как Толстой смотрит на положение в России и что думает о петербургских событиях. 20 января к нему приехал еще новозеландский журналист Вильямс (Williams), представлявший “Manchester Guardian” [там же, с. 11]. Вообще за свою жизнь Л. Н. Толстой дал более 200 интервью [Никитина, 2008, с. 58].

Ясная Поляна превращается в коммуникативный центр, которых на карте России того времени было не так уж и много. Ясная Поляна занимает на ней место наряду с Петербургом и Москвой. Сюда стекается информация, связывающая Толстого со всеми континентами и почти со всеми странами. Вот почему Толстому все больше приходится думать о судьбе не только России, но и всего человечества. Конечно, такая ситуация сказывалась на его публицистике. Автор ее становится одним из тех, кто стоял у истоков современного процесса глобализации человеческого бытия. Его Слово звучало и без современных новейших технологий на весь мир.

Творческая жанровая палитра писателя во многом трансформируется: в ней большое место занимают жанры эссеистики — такие, которые дают автору возможность наиболее полно выразить личностное, душевное, учительное начало. При этом Толстому не надо было обращаться к опыту других культур, хотя,

конечно, он давно был знаком, к примеру, с творческим эссеистическим опытом Ж.-Ж. Руссо. Однако Льва Николаевича всегда привлекала и трогала древнерусская литература с ее проповедческой, душевно-разговорной интонацией, высоконравственными и учительскими тенденциями и соответствующим им жанровым рядом: слово, проповедь, житие, открытое письмо, беседа, обращение.

Важно иметь в виду то, что вся жизнь и деятельность Толстого сопровождалась постоянной, усиливающей эти качества его творчества огромной перепиской — сначала с близкими и друзьями, затем и со сторонниками своих взглядов, и с теми, кто с ним полемизировал, наконец, с любым человеком Земли, пожелавшим пообщаться с великим писателем и мыслителем. В эпистолярном наследии Толстого более 10 тыс. писем к разным лицам [Опульская, 1998, с. 194]. Эта практика, в конце концов, привела к тому, что все чаще в своих посланиях и обращениях Толстой стал апеллировать не только к конкретному лицу, но и вообще ко всем, кому интересна затронутая в письме проблема. В письме к Великому князю Николаю Михайловичу 20 августа 1902 г., во время работы над обращением, как предполагалось, «К рабочим и нерабочим людям», Лев Николаевич замечал: «Всякое сочинение est une lettre de l'auteur a ses amis incounus»¹ [ПСС, т. 35, с. 667].

Адрес переписки Толстого глобализируется: его частное письмо становится достоянием всех и в его практике появляется своеобразный жанр, совмещающий конкретного адресата и рассчитанность на массовую аудиторию.

К примеру, Лев Николаевич стал писать ответ английскому журналисту Джону Мансону на вопрос о столкновении США и Англии из-за границ Венесуэлы. Отчет стал статьей «Патриотизм или Мир», законченной 5 января 1896 г., на очень важную и актуальную до сих пор тему: патриотизм, понимаемый как национализм и «желание исключительного блага своему народу», неизбежно ведущие к войнам. «Разбойничья работа ни на минуту

¹ «Всякое сочинение есть письмо автора к неизвестным друзьям».

не прекращается, — делает вывод Толстой, — и то здесь, то там не переставая идёт маленькая война, как перестрелка в цепи, и настоящая большая война всякую минуту может и должна начаться». Он рассматривает такого рода «патриотизм покоренных, угнетенных народов — армян, поляков, чехов, ирландцев» как «едва ли не самый худший, потому что самый озлобленный и требующий наибольшего насилия» [ПСС, т. 90, с. 47–48].

В этом же месяце, 12 января, Лев Николаевич написал письмо Э. Кросби. Его опубликовал в Женеве Элпидин как «Письмо Толстого к американцу о непротвлении». С некоторыми изменениями оно вышло 5 апреля в переводе в газете “Tribune” (Нью-Йорк). Таких примеров в практике писателя не шесть.

Толстой возвращает письму полную коммуникативную роль. Оно несет в себе не только интимную, личностную информацию, но и общественно значимую. Это хорошо понимали адресаты Льва Николаевича, и нередко его частное письмо появлялось в печати как статья, комментарий, мнение. Эпистолярный жанр — один из важнейших в его творчестве. Многие его частные письма становятся достоянием читателей разных стран, а сам жанр открытого письма и обращения вообще характерен для литературной практики Толстого начала XX в. Вот выборка его публикаций в этом жанре, вышедших тогда:

- «Царю и его помощникам», 1901;
- «К рабочему народу», 1902;
- «К духовенству», 1903;
- «К политическим деятелям»; 1903;
- «Обращение к русским людям. К правительству, революционерам и народу», 1906;
- «Письмо к китайцу», 1906;
- «Письмо к индусу», 1908, и др.

Открытые письма Толстого в этот исторический период становятся общественным явлением, влияющим на социальную и культурную жизнь общества, которое в это время оказывается ареной развернувшегося процесса политизации. И сам этот процесс значительно повлиял на творчество писателя, его актуализацию, обращенность к публицистике и расширение жан-

ровой палитры. Спектр политической мысли России на рубеже веков включал в себя разные оттенки — от крайних, радикальных, зовущих к свержению царя, до отрицания самой политики, политического устройства государства. Тогда или несколько позднее многие философы и политики России получили всемирную известность и признание: П. А. Кропоткин, Л. Н. Толстой, В. И. Ленин, Л. Д. Троцкий, П. А. Сорокин, Н. А. Бердяев, целое созвездие теологов. В политику уходили с головой иногда и такие люди, которые никакого отношения по роду таланта к ней не имели [см.: Жирков, 2011, гл. V].

Понимая характер эпохи, Л. Н. Толстой даже выступил с особым обращением «К политическим деятелям» [1906], эпиграфом к которому предпослал слова английского поэта Перси Биши Шелли: «Самой губительной ошибкой, которая когда-либо была сделана в мире, было отделение политической науки от нравственной». Толстой предостерегал общество и самих политиков от того ложного, по его мнению, пути, на который они встали. Он предлагал «подумать о том, какие огромные и прекрасные духовные силы тратятся теперь на служение отжившему свое время государству и защиту его от революции, сколько тратится молодых, горячих сил на попытки революций, на невозможную борьбу с государством, сколько тратится на социалистические неосуществимые мечтания. И все только затем, чтобы не только отдалить, но сделать невозможным осуществление того блага, к которому стремятся все люди». Толстой сводил свои рассуждения к «самой простой, всем понятной и неопровержимой истине, что для того, чтобы была добрая жизнь между людьми, нужно, чтобы люди были добрые» [ПСС, т. 35, с. 214–215].

Фактически Лев Николаевич в новых предреволюционных условиях развивает мысли, высказанные им еще в 1896 г. в «Письме либералам» — так было назван его ответ на письмо А. М. Калмыковой (1849–1926), которая от лица членов Петербургского комитета грамотности просила высказаться по поводу закрытия его правительством. Отвечая достаточно близким для него людям, понимая важность для них проблемы, Лев Николаевич написал целую статью, обобщающую ценность тех усилий, которые

предпринимает интеллигенция для облегчения участи народа, для его просвещения. Мировая история, обобщает Толстой, показывает два способа борьбы с властью:

— насилия (Стеньки Разина и др.), революционный, безнравственный, неразумный и недействительный;

— «постепеновцев», «на законной почве, без насилия, отвоёвываю понемногу себе права», но также недействительный и неразумный.

Правительство имеет «в своих руках всю власть (войско, администрацию, церковь, школы, полицию)» и составляет «само те так называемые законы, на почве которых либералы хотят бороться с ним». Но правительство, «как у нас (да и везде) держащееся на невежестве народа, никогда не позволит истинно просвещать его. Оно разрешает всякого рода мнимопросветительные учреждения, контролируемые им — школы, гимназии, университеты, академии, всякого рода комитеты и съезды и подцензурные издания до тех пор, пока эти учреждения и издания служат его целям, то есть одурачивают народ». Вот почему деятельность либералов даже вредна: «мнимое, постепенное завоевание прав есть самообман, очень выгодный правительству и даже поощряемый им» [Пора понять, с. 125].

Толстой подробно рассматривает тщетность того и другого способа. Он считает, что «нравственное и человеческое достоинство» можно отстаивать лишь «без всяких уступок и компромиссов»: «Для того чтобы иметь силу противодействовать, надо иметь точку опоры. И правительство очень хорошо знает это и заботится о том, чтобы вытравить из людей то, что не уступает — человеческое достоинство».

Лев Николаевич показывает это на примере политики правительств Александра II, Александра III и вступившего на его место «молодого человека, не имеющего никакого понятия о жизни».

Он предлагает интеллигенции: «Ни в коем случае не участвуя в правительстве и ни в каких делах, связанных с ним (земстве, суде, университете, службе, печати и др. — Г. Ж.), отстаивать свои личные права человека»; обратиться к третьему способу, состоящему «в том, чтобы всем просвещенным и честным людям стараться быть как можно лучше, и даже лучше не во всех отношениях,

а только в одном, именно соблюсти одну из своих элементарных добродетелей — быть честным, не лгать, а поступать так, чтобы мотивы, по которым поступаешь, были понятны любящему тебя твоему семилетнему сыну...»

Это средство борьбы кажется «очень слабым», но только оно «двигало человечество с тех пор, как оно существует»: «то, что требуется совестью — высшим предчувствием доступной человеку истины, — есть всегда и во всех отношениях самая нужная и самая плодотворная деятельность. Только человек, живущий сообразно своей совести, может иметь благое влияние на людей. Деятельность же, сообразная с совестью лучших людей общества, есть всегда та самая деятельность, которая требуется для блага человечества в данное время» (курсив мой. — Г. Ж.) [там же, с. 133–134].

Слова обращения писателя «К политическим деятелям» звучали особенно актуально в связи с крайними устремлениями зарождавшихся тогда в России политических партий, особенно социалистов и социал-демократов. Журналистика страны начала XX в. развивалась рука об руку с политикой, постепенно вытеснявшей из нее литературу и превращавшей ее в самодостаточное явление общественной жизни и культуры. Политики для воздействия на массу широко использовали печатное слово, издавали газеты и журналы. Напомним, что именно в 1901 г. в газете «Искра», выходившей за рубежом, В. И. Ленин опубликовал статью «С чего начать?», где рассматривал газету как средство организации партии и сплочения вокруг нее единомышленников [Ленин, 1972, с. 5–13].

Блестящие страницы в историю журналистики тех лет вписал Л. Н. Толстой, который, хотя и не считал себя политиком, играл первостепенную роль в политической жизни страны. Недаром один из наиболее крупных издателей, публицистов и политиков России А. С. Суворин делал вывод 29 мая 1901 г. в дневнике: «Два царя у нас: Николай II и Лев Толстой. Кто из них сильнее? Николай ничего не может сделать с Толстым, не может поколебать его трон, тогда как Толстой, несомненно, колеблет трон Николая и его династии» [Дневник..., 1992, с. 316].

Толстой никогда не был членом какой-либо партии. Мало того, он заявлял: «Большое счастье не принадлежать к партии и сво-

бно жалеть и любить и тех и других» [ПСС, т. 62, с. 440]. Но само Время противопоставило его партийному движению. Его воздействие на общество, влияние в нем было таким, что, можно сказать, Толстой сам становится человеком-партией, вырабатывающим определенную программу решения актуальных проблем российского и мирового сообщества. Его публицистика приобретает политический, программный характер. Сделаем здесь существенную оговорку устами самого Толстого. Еще в 1896 г. он подчеркивал в одном из писем, что он «все силы употребляет... на деятельность, долженствующую разрушить это устройство [жизни того времени] и заменить новым» [ПСС, т. 69, с. 38].

Лев Николаевич давно задумал написать статью, где хотел обобщить положение народа в государстве и предложить выход из того тупика, в котором общество страны оказалось к началу XX в. Толчком к завершению замысла и его воплощению послужило правительственное сообщение, опубликованное в газетах 11 января 1901 г., о том, что на основании Временных правил 29 июля 1899 г. «за учинение скопом беспорядков» 183 студента Киевского университета отдаются в солдаты. Как из рога изобилия, посыпались наказания и на других участников этих беспорядков — студентов Петербурга, Москвы, Саратова и других городов. Решение правительства было карой сразу за все прегрешения студенчества на протяжении многих лет его борьбы за свои права. Оно вызвало протест в обществе. «Самое замечательное в этом движении, что народ на стороне студентов, или скорее на стороне выражения неудовольствия», — обобщал весной 1901 г. Толстой в письме к В. Г. Черткову [ПСС, т. 88, с. 226].

Он упорно работал над обращением «Царю и его помощникам», рукописный фонд которого составляет 113 листов разного формата, а окончательный текст имеет всего лишь 6 страниц. 15 марта 1901 г. обращение было завершено. 19 марта в дневнике Толстой зафиксировал: «...студенческие истории, принявшие общественный характер и заставившие меня написать обращение к царю и его помощникам и программу» (курсив мой. — Г. Ж.) [ПСС, т. 54, с. 90]. Действительно, в обращении власти, прави-

тельству предложена конкретная программа и показаны возможные пути ее реализации.

Забота об основной, трудящейся части населения России — крестьянства, которое находилось в наиболее бесправном положении, ставится Толстым во главу угла предъявляемых им требований, которые, по его мнению, изменят сложившуюся ситуацию в стране. Он предлагает «уравнять крестьян во всех их правах с другими гражданами», в связи с чем необходимо:

а) «уничтожить ни с чем не связанный, нелепый институт земских начальников;

б) отменить те особые правила, которые устанавливаются для определения отношений рабочих к нанимателям;

в) освободить крестьян от стеснения паспортов для перехода с места на место и также и от лежащих исключительно на них квартирной, подводной, сельской, полицейской повинности (сотские, десятские);

г) освободить их от несправедливого обязательства платить по круговой поруке долги других людей, а также и от выкупных платежей, давно уже покрывших стоимость выкупаемых земель;

и главное:

д) уничтожить бессмысленное, ни на что не нужное, оставленное только для самого трудолюбивого, нравственного и многочисленного сословия людей, позорное телесное наказание» [ПСС, т. 34, с. 241].

Приводя эти обыкновенные, элементарные требования, Толстой обобщает: «Уравнение крестьянства, составляющего огромное большинство народа, во всех правах с другими сословиями особенно важно потому, что не может быть прочно и твердо такое общественное устройство, при котором большинство это не пользуется одинаковыми с другими правами, а находится в положении раба, связанного особыми исключительными законами. Только при равноправности трудящегося большинства со всеми другими гражданами и освобождении его от позорных исключений может быть твердое устройство общества» [там же, с. 241].

Здесь аналитик-публицист предвидит то, что произойдет в 1905 г., — революцию назовут именно крестьянской. Конечно, в

первую очередь Толстой озабочен тем, чтобы помочь трудящимся на земле, выполнить свой моральный долг по отношению к ним. Поэтому он стремится подсказать власти, как избежать надвигающихся трагических событий.

Его программа действий содержит требования отмены беззаконных «правил усиленной охраны», уничтожение «всех преград к образованию, воспитанию и преподаванию», «всех стеснений религиозной свободы». Эти требования Толстой называет самыми скромными и легко исполнимыми желаниями большинства русского общества, которые несомненно его успокоят и предотвратят преступления с обеих сторон. «Помогите же улучшить положение этого большинства, — обращается писатель к «царю, министрам, членам Государственного совета и советчикам и близким к царю» [там же, с. 245].

Интересно сопоставить эти актуальные и конкретные предложения Толстого правительству страны с его же «обвинительным актом против правительства» (со слов дневника Льва Николаевича конца 1880-х годов), содержащим 7 пунктов и ставшим его программой, которую он реализовывал, как показывает анализ его творчества, в публицистике: «Думал: вот 7 пунктов обвинительного акта против правительства:

Церковь, обман суеверия, траты.

Войско, разврат, жестокость, траты.

Наказание, развращение, жестокость, зараза.

Землевладение крупное, ненависть бедноты города.

Фабрики — убийства жизни.

Пьянство.

Проституция» [ПСС, т. 50, с. 76–77] (у Толстого пункты даны в одном абзаце).

Как видим, Толстой отчетливо понимал ситуацию, сложившуюся в России начала XX в. Он откладывает на некоторое время обвинительный акт и предлагает власти достаточно реалистическую программу, выполнение которой могло бы остановить нарастающие напряженности в обществе, помочь избежать конфронтации.

«Всякий мыслящий человек нашего времени не может не видеть, что из того тяжелого и угрожающего положения, в котором

мы находимся, — пишет в феврале 1902 г. Лев Николаевич, — есть только два выхода: первый, хотя и очень трудный — кровавая революция, второй — признание правительствами их обязанности не идти против закона прогресса, не отстаивать старого... поняв направление пути, по которому движется человечество, вести по нему свои народы» [ПСС, т. 34, с. 278].

Эти вещи слова — из предисловия Толстого к публикации написанных им солдатской и офицерской памяток. В нем подчеркивается, что об этом же он послал два письма царю в 1900 и 1902 г. Но власть оказалась глухой к голосу совести. «И потому ввиду неизбежности первого выхода, т. е. революции, предоставляю к распространению теперь эти две памятки, надеясь на то, что мысли, содержащиеся в них, уменьшат братоубийственную бойню, к которой ведут теперь правительства свои народы» [там же, с. 279].

Нам важно здесь отметить, что и в этом случае публицист, выступая против войны и революции, насилия, «братоубийственного назначения войска», подходит к проблемам практически, стремится уменьшить готовящуюся братоубийственную бойню. Такой же актуальный характер имела большая часть публицистики Толстого того времени, направленная на решение основных общественных проблем.

Открытое письмо к царю навело Толстого на мысль обратиться и к народу. 27 мая 1902 г. в его Дневнике появляется запись: «Понемногу работаю над обращением к народу (недурно)» [ПСС, т. 54, с. 132]. Это произведение было завершено писателем в сентябре и получило название «К рабочему народу». Оно было издано в Англии «Свободным словом» в виде брошюры в том же году [Толстой, 1902]. Главную задачу в этом обращении он видел в том, чтобы рассказать о тех средствах, с помощью которых рабочий народ может освободиться от «угнетенного положения» [ПСС, т. 35, с. 121].

С самого начала обращения подчеркивается, что все средства насилия в борьбе с насилием приводят к ухудшению положения рабочих [там же, с. 122]. Второй мотив обращения состоял в показе несостоятельности модного социалистического учения. Третья и основная мысль обращения — вопрос о земельной собствен-

сти как важнейший для России. Автор раскрывает преимущества «человека, живущего на земле и кормящегося с нее своим трудом», в чем он видит «одно из главных условий счастливой и независимой жизни людей» [там же, с. 130]. Земля должна быть «общим достоянием»: «Земельная собственность неизбежно должна уничтожиться, потому что несправедливость, неразумность и жестокость этого учреждения стали слишком очевидны... Вопрос только в том, как она уничтожится?» [там же, с. 131].

Насилием вопроса, как показала история, не решить. Толстой предлагает лишить власть, я бы сказал, сил насилия: «Так что средство освобождения вас, рабочих, от вашего порабощения состоит только в том, чтобы, поняв, что владение землею есть преступление, не участвовать в нём ни в виде солдат, отнимающих землю у работающих, ни в виде работников на помещичьих землях, ни в виде ее наёмщиков» [там же, с. 134]. Писатель разъясняет, что он предлагает «не стачку, а ясное сознание преступности, греха участия в земельной собственности и вследствие этого сознания воздержание от такого участия», т. е. участия в насилии. Такое возможно постепенно. Автор не исключает и того, что правительство, «появ неизбежность освобождения земли», найдет нужным «законом уничтожить земельную собственность» [там же, с. 136]. Публицист исследует проекты устройства общества (коммунистический, англичанина Вильяма Огильви, Фомы Спенса, Фомы Пэна и др.). «Самым справедливым, благотворительным и удобоприменимым» среди них он считает проект Генри Джорджа, сущность которого он кратко характеризует. К обращению были приложены в изложении Толстого Проект японского общества и Проект Генри Джорджа [там же, с. 151–156]. Рассматривая проблемы главным образом с нравственной стороны, в поисках их практического решения Толстой предлагает варианты проектов новых «форм жизни».

Однако в его публицистике тех лет все-таки преобладают в связи с позицией власти проблемы, содержащиеся в его «обвинительном акте против правительства», и в первую очередь — разоблачение политики войны, пламя которой никогда не угасает на нашей планете. Власть использует войну как веками отработан-

ное средство удушения народных волнений. Так произошло и в России. Народ же ответит своей войной, хотя и инспирированной определенными политическими силами как революция.

С большой тревогой поэтому Лев Николаевич встретил и начавшуюся войну с Японией. Тема войны прошла через всё творчество писателя и публициста [см.: Кузминская, 1915; Варшавский, 1934; Чубаков², 1973].

И это было естественным для графа Толстого, предки которого были военными, сам он пошел служить в армию, был военным публицистом. Познав все стороны войны на практике, осознав ее истинную природу, противоестественность добру, нравственности, общечеловеческой морали, Лев Николаевич стал выступать против нее, против ее бесчеловечности, ее античеловечности, ее варварской и звериной сущности.

Война Японии с Россией широко освещалась мировой журналистикой. Только при маньчжурских армиях России пребывало 102 русских и 38 иностранных корреспондентов, среди последних 11 было английских, по 9 — французских и американских, по 4 германских и австрийских и т. д. [Военная энциклопедия, 1913, с. 201]. Патриотические картины событий с фронта живописали военные корреспонденты газет: «Русское слово» — В. И. Немирович-Данченко и Н. Г. Гарин-Михайловский, «Новое время» — Ю. Л. Елец и В. Л. Кинг-Дедлов, «Правительственный вестник» — В. А. Апушкин, «Русский инвалид» — П. Н. Краснов и К. К. Агафонов и др. [Волковский, 2003, т. 1, с. 422–452]. Редакция одной из наиболее распространенных тогда газет «Русского слова» (1905. 1 янв.) обещала читателю, что «не остановится ни перед какими расходами для того, чтобы дать полную картину войны». На театре военных действий побывало около 20 ее корреспондентов. Десять ее фотокорреспондентов поставляли материал для «ежедневной иллюстрированной летописи войны», которую вел журнал «Искра», приложение к газете.

---

² Книга С. Н. Чубакова представляет собой наиболее полное освещение этой темы. Без сомнения, тема войны в публицистике Толстого требует новой и всесторонней разработки.

Опыт работы военных корреспондентов в прошлом, в том числе и Толстого, был явно учтен журналистикой того времени. Об этом красноречиво говорят очерки и репортажи В. И. Немировича-Данченко (1844–1936) [Баскаков, Хализев, 1999, с. 282–285], печатавшиеся обычно в «Дневнике корреспондента» «Русского слова» и достаточно реалистично воссоздававшие трагический ход войны. Рассказывая о взятии 36-м полком сопки Куропаткинской, автор писал о том, что полк после этого потерял более половины бойцов и почти весь командный состав. «Тридцать шестой полк — босой, — констатировал военный корреспондент. — Он в эту кампанию, участвуя все время в передовой линии, так обносился, что на него жалко было смотреть, — холода наступили, по ночам даже случались морозы, которых, дай бог, у нас и в ноябре, — а многие солдаты щеголяли в одних рубахах.

Разумеется, на сопке они воспользовались и тотчас же стали переобуваться в японские башмаки. Убитых было столько, что на всех хватило, у кого своих не было! Многие завернулись в японское пальто, но особенно привлекали солдат меховые куртки противника!».

В других номерах газеты (9, 10 янв.) репортаж Немировича-Данченко снова показывал жестокую природу войны и последствия неумелого командования войсками. За критический характер изображения событий он, по сообщению «Русского слова» от 23 мая 1905 г., был удален из армии. Сам публицист вспоминал: «Я рисовал ужасы войны, в которых отвратительное сплетается с вдохновенным, героизм с подлостью, гений с бездарностью, самоотверженность с показным расчетом» [см.: там же, с. 283].

Толстой не был корреспондентом этой войны, и в своей публицистике он, естественно, ставил другие цели. Его второе рождение закономерно включало в себя и его новый взгляд на войну, что нашло отражение в его статьях: «Христианство и патриотизм» (1894), «Патриотизм и мир» (1896), «К итальянцам» (1896), «Две войны» (1898), «Письмо фельдфебелю» (1899), «Патриотизм и правительство» и «Не убий» (1900), «Солдатская памятка» и «Офицерская памятка» (1901) и др. Большинство этих произведений выросло на основе переписки Льва Николаевича с теми, кто

протестовал и выступал против войны, кто столкнулся с людским горем, трагедиями, которые она несла. Поэтому и произведения писателя чаще всего были статьями-письмами, вызывавшими ответный отклик в душах людей всей Земли. Так разворачивался диалог, охватывавший представителей разных стран, журналистов и писателей, религиозных и общественных деятелей.

Сам Толстой протестовал против всех возникавших на планете войн: японо-китайской (1895), итало-абиссинской (1895–1896), испано-американской, англо-бурской (1897–1898), против подавления европейскими государствами восстания в Китае. К началу XX в. у него сложилась репутация всемирно известного антимилитариста. 22 февраля 1898 г. отмечался международный день пацифистов. По просьбе немецкой писательницы Берты фон Зутнер Лев Николаевич выступил с обращением «К друзьям мира», напечатанном в газете «Неделя» [ПСС, т. 71, с. 272]. В марте он получил из французской газеты «Humanite Nouvelle», выходившей в Париже и Брюсселе, запрос-анкету с вопросами о войне: «Требуют ли войны между цивилизованными народами история, право и прогресс?»

Тогда же общественный деятель, лауреат Нобелевской премии мира, публицист миланского журнала «La vita internationale» («Международная жизнь») Эрнесто Теодор Монета обратился к писателю с просьбой высказать мнение о милитаризме и войне. В ответ на письма европейских журналистов Толстой достаточно оперативно написал статью «Carthago delenda est» — «Карфаген должен быть разрушен». Она была готова 23 апреля. Статья, характеризующая войну как преступление, завершалась призывом «опомниться» и «перестать делать зло» [ПСС, т. 39, с. 205]. В письме к П. И. Бирюкову автор называет своё произведение статьей «об отказах от военной службы» [ПСС, т. 71 с. 358].

Она появилась на русском языке в «Свободном слове» (1898. № 1), на французском — в газете «L'Humanite Nouvelle». В Италии номер «Le vite internazionale» от 20 сентября с произведением русского писателя был конфискован миланским прокурором. «Как видите, — замечал в письме к нему главный редактор журнала Алессандро Тассони, — в Италии также нет свободы печат-

ти, особенно в настоящее время, после недавних волнений» [Лев Толстой и зарубежный мир, 1965, кн. 1, с. 504]. Однако редакция, получившая поддержку общественности, выиграла судебный процесс, во время которого защитники со стороны газеты, например, заявляли: «Лев Толстой сияет как солнце: солнце иногда обжигает, но кто же дерзнёт с ним спорить!» «Если бы состоялся суд над Львом Толстым, весь ученый мир сказал бы только, что власти, устроившие его, приобщились к бессмертной славе», — говорил под аплодисменты и смех в зале суда писатель Джузеппе Джакоза [там же, с. 505; см. также: Опульская, 1998, с. 296–298]. Конфискованный номер со статьей Толстого поступил в продажу. В России даже в годы революции это произведение не было пропущено властями к читателю.

31 декабря 1898 г. Лев Николаевич сел за письменный стол, чтобы ответить бывшему фельдфебелю М. П. Шалагинову на сложный вопрос, который тот задавал писателю: «Нет ли противоречия между требованиями заповеди Евангелия „не убий“ и словами присяги и уставов, которые зубрят в армии?» И в этом случае из-под пера Толстого вышло ставшее широко известным «Письмо фельдфебелю», опубликованное в «Листках Свободного слова» от 5 февраля 1899 г. Дав ответ на поставленный вопрос, Толстой прямо заявил: «Народ никогда не выкрутится из той нужды, в которой его содержат, до тех пор, пока войска будут во власти правящих классов» [ПСС, т. 90, с. 55].

9 октября 1899 г. редактор газеты «Дойчес ворт» («Немецкое слово») Х. Фон Хорн просил у Толстого такую статью для газеты, которая «послужила бы к устранению ужасов войны в Южной Африке» [Лев Толстой и зарубежный мир, 1965, кн. 1, с. 480]. Лев Николаевич в ответе-статье о причинах войны писал: «Причин этих три: первая — неравное распределение имуществ, т. е. ограбление одними людьми других; вторая — существование военного сословия, т. е. людей, воспитанных и предназначенных для убийств, и третья — ложное, большей частью сознательно обманное религиозное учение, в котором насильственно воспитывается молодое поколение». Писатель подчеркивал: «До тех пор, пока мы будем пользоваться исключительными богатства-

ми, в то время, как массы народа задавлены трудом, всегда будут войны за рынки, за золотые прииски и т. п., которые нам нужны для того, чтобы поддерживать наше исключительное богатство». Чтобы уничтожить войны, — считал он, — нужно изменить весь несправедливый, построенный на собственности уклад жизни [ПСС, т. 72, с. 256]. Этот его ответ обошел весь мир, в обратном переводе на русский язык появился в «Новом времени», «Киевском слове» и др.

Тема войны на рубеже веков в мировой журналистике являла собой, можно сказать, особый форум, в котором голос русского публициста и писателя Толстого звучал особо авторитетно. «Пророк добра, Вы поучаете людей жалости, а они отвечают Вам, заряжая ружья и открывая огонь! Не смущает ли это Вас, несмотря на твёрдость Ваших убеждений, и не разочаровались ли Вы в человеке-звере?» — спрашивал в связи с развернувшейся между Японией и Россией войной в открытом письме Толстому в газете «Тан» («Время») французский академик и писатель Жюль Кларти [Бирюков, 1923, т. 4, с. 93]. И к этой войне Толстой подходит с общечеловеческих позиций. «Я ни за Россию, ни за Японию, а за рабочий народ обеих стран, обманутый правительствами и вынужденный воевать против своего благополучия, совести и религии», — так ответил Толстой 22 февраля 1904 г. на запрос по телеграфу редакции газеты «Нордс америкэн» («Североамериканец»): «Сочувствуете ли Вы России, Японии или никому?» [ПСС, т. 75, с. 38]. Со всех концов Земли к Толстому поступали вопросы о развернувшихся трагических событиях [Лев Толстой и зарубежный мир, 1965, кн. 2, с. 46–49].

С началом войны с Японией Толстой откладывает всякую другую литературную работу и пишет новый протест — острое, взрывоопасное, злободневное эссе с заголовком-призывом, обращенным ко всем людям, — «Одумайтесь!». 29 апреля 1904 г. он отмечает в дневнике: «Всё это время писал еще прибавление к статье о войне. Нынче кончил и доволен ей». Но Толстой получил взволновавшее его письмо из Порт-Артура от матроса крейсера «Паллада» Е. С. Ивуса, который, размыш-

ляя, спрашивал: «Есть ли на свете правда или нет? Совместимы ли войны с христианской религией?» Он интересовался мнением писателя об этом. «Сомнение о том, угодно ли Богу или нет, что нас начальство заставляет убивать, — комментировал 8 мая послание матроса Лев Николаевич, — это искра того огня, который Христос низвел на землю, который начинает возгораться. И знать и чувствовать это великая радость» [ПСС, т. 88, с. 325–326]. Яркий человеческий документ заставил Льва Николаевича сделать еще одну, но уже последнюю вставку в эссе.

Сохранившийся рукописный материал (242 листа, 203 обрезка и 21 лист вставок) свидетельствует о том, что каждая глава этого произведения переделывалась от 5 до 10 раз [Гудзий, 1992, с. 606]. Напряженная работа над ним привела к тому, что автору понадобился определенный перерыв для отдыха. Сам Толстой осознавал, что «статья эта вышла как-то круто заостренная». [ПСС, т. 36, с. 604]. Очень точно подметил характер эссе «Одумайтесь!» В. Г. Чертков в письме к его автору от 27 июля 1904 г.: «Бывает случай, как на пожаре, когда необходимо закричать во всё горло, и это ваше воззвание было таким криком» [Муратов, 1934, с. 327].

Произведение было напечатано редакцией «Свободного слова» в двух вариантах. Второе издание вышло без эпитафий — в расчете на популярную аудиторию (солдат), хотя эпитафии в нем играют существенную роль, и не только как дополнительные весомые аргументы к раздумьям автора, но и как многоголосый протест против войны. Эта часть эссе представляет собой своеобразный диалог — переключку времен, мнений и документов о войне.

Открывает эссе общий к нему эпитафия: «Ныне ваше время и власть тьмы» (Лука, XXII, 53). Само произведение имеет целую систему эпитафий — от трех и более к каждой его отдельной части; обычно текст автора занимает даже меньше места, чем цитируемые разнообразие источники. Включая последний из них в текст, Толстой замечает: «Я никогда бы не кончил своей статьи, если бы продолжал включать в нее все то, что подтверждает ее

главную мысль» [Пора понять, с. 238], т. е. все приводимые высказывания, тексты, письма входят в систему доказательств его эссе.

Как правило, один эпитаф развивает другой. Начинает первую часть эссе текст из святой книги (Исайя, LIX, 2–4, 6–10), содержащий обличительный пафос и прямо указывающий на власть имущих. Приведем из него небольшой фрагмент: «...Они сами искривили свои пути, никто ходящий по ним не знает мира. Потому-то и далеко от нас правосудие, и правда не доходит до нас. Мы ожидаем света, но вот тьма; ждем сияния, но ходим во мраке; ощупываем стену, как слепые, и ошупью ходим, как безглазые, в полдень спотыкаемся, как в сумерки, в темноте, как мертвецы».

Затем следует статистическая цитата из Молинали о безудержных расходах на войны (110 млрд. за один век) и содержание армий (в европейских государствах в мирное время в войске более 4 млн. человек, во время войны — до 110).

Заканчивает эпитаф блестящая цитата из Мопассана, полемизирующего с известным воякой Мольтке, считавшим, что война — «один из священных законов мира», облагораживающий людей и спасающий их «от отвратительного материализма». Мопассан с жестокой иронией разъясняет: «Так что соединиться в стада четырехсот тысяч человек, без отдыха ходить и день и ночь, ни о чем не думать, ничего не изучать, ничему не научиться, ничего не читать, не быть полезным никому, загнивать в нечистоте, спать в грязи, жить как скоты, в постоянном одурении, грабить города, сжигать деревни, разорять народы, потом встретив такое же другое скопище человеческого мяса, бросаться на него, проливать озера крови, покрывать поля разорванным мясом и кучами трупов устилать землю... и, наконец, издохнуть где-нибудь на чужом поле, тогда, как ваши родители, ваша жена и дети дома умирают с голода, — это называется спасать людей от отвратительного материализма» [там же, с. 176].

Без сомнения, эпитафы такого рода сразу же вызвали у читателя определенный настрой на восприятие и слов автора, которые явно перекликаются с тем, о чем говорил французский

писатель: «Опять война, Опять никому не нужные, ничем не вызванные страдания, опять ложь, опять всеобщее одурение, озверение людей». В диалоге участвуют Марк Аврелий, Анатолий Франс, Чаннинг, Кант, Мадзини, русский крестьянин, матрос и многие другие, включая самого Толстого [там же, с. 206–207]. Пожалуй, одним из наиболее обличительных в этом многоголосье был голос Русской Матери из частного письма (март 1904 г.), в котором воссоздана репортажная картина «палубы Варяга» (погибшего в ходе бойни крейсера):

«Зрелище было ужасно. Везде кровь, обрывки человеческого мяса, туловища без голов, оторванные руки, запах крови, от которого тошнило самых привычных. Боевая башня более всех пострадала. Гранату разорвало на ее вершине и убило молодого офицера, который руководил наводкой. От несчастного осталась только сжатая рука, державшая инструмент...» [там же, с. 194]. Рассказывая о страданиях раненых, Мать с горечью вспоминает «воспевавшего благодеяния войны» Жозефа де Местра и замечает:

«Я советую раненым читать его между двумя перевязками.

Они узнают, что война так же необходима, как и палач, потому что, как и он, она есть проявление справедливости Бога.

И эта великая мысль будет служить им утешением в то время, когда пила хирурга будет распиливать их кости.

В „Русских ведомостях“ я прочла рассуждение о том, что выгодно России в том, что у неё неистощимый человеческий материал.

Для детей, у которых убьют отца, у жены — мужа, у матери — сына, материал этот истощается скоро» [там же, с. 195].

Впечатление от этих слов усиливают слова автора эссе: «Пешая саранча переходит реки так, что нижние слои тонут до тех пор, пока из потонувших образуется мост, по которому пройдут верхние. Так распоряжаются теперь и с русским народом.

И вот первый нижний слой уж начинает топиться, показывая путь другим тысячам, которые все так же погибнут.

И что же, начинают понимать свой грех, своё преступление зачинщики, распорядители и возбудители этого ужасного дела? Нисколько. Они вполне уверены, что исполняли и исполняют свою обязанность, и гордятся своей деятельностью» [там же, с. 228].

В этом диалоге автор, скорее, комментатор-аналитик, как на современном телеэкране ведущий и направляющий взволнованные голоса выступающих, умело упреждающий возможные доводы будущих оппонентов, полемизирующий с журналистикой, охваченной волной «патриотизма», — «Новым временем», «Петербургскими ведомостями», «Русью» и др. Толстой показывает бессмысленность и преступность человеческой бойни. Особо он останавливается на просвещенных людях, участвующих в обмане народа. Оправдывая войну, сами они знают ее «жестокость, ненужность, бессмысленность», то, что в XIX в. было загублено 14 млн. человек [там же, с. 178].

«Все знают, не могут не знать главного, что войны, вызывая в людях самые низменные, животные страсти, развращают, озверяют людей». Но война заставляет так называемых просвещенных людей всё это забыть. Они «думают, говорят, пишут только о том, как бы побить как можно больше людей, разорить и уничтожить как можно больше произведений труда людей, и как бы как можно сильнее разжечь страсти человеконенавистничества в тех мирных, безобидных, трудолюбивых людях, которые своими трудами кормят, содержат тех самых мнимо-просвещенных людей, заставляющих их совершать эти страшные, противные их совести, благу и вере дела» [там же].

Эссе Толстого «Одумайтесь!» вызвало шквал откликов в мировой прессе: «Таймс», «Фримэн журнал» (28 июня 1904 г.), «Свободное слово» (Лондон, № 12, 1904 г.) и др. К протесту Толстого присоединились Бернард Шоу, Анатоль Франс, ученый Джорж Х. Рив (США), писатель Томас Огилви (Шотландия) и др. «В словах Толстого есть дух, опасный для всех правительств», — констатировала 29 июня газета «Санди скул кроникл» («Хроника воскресной школы»), считая, что «статья Толстого есть пророческое слово неземного происхождения» [см.: Шифман, 1971, с. 240–251].

Ухватистое перо

(ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ)

Восхищаясь прочитанным залпом «Воскресением», А. П. Чехов находит замечательный образ для характеристики манеры писаний Л. Н. Толстого: «Вот именно у Толстого перо ухватистое» [Чехов, 1964, с. 360–361]. С помощью этого пера его Слово стало планетарным. Он не только русскую литературу, но и философию, и публицистику вывел на мировую орбиту. Этот земной человек смог одновременно поднять мысль над бытием и осознать ее гигантские возможности. Представляется очень точным вывод современного философа А. А. Гусейнова: «Величайшее открытие Л. Н. Толстого состояло в том, что разум в своем правильном применении подводит к знаку любви как к выражению смысла человеческого существования, или, другими словами, что заповедь любви Христа, понятая как закон, не знающий никаких исключений, и именно тогда, когда она понята как такой закон, вполне поддается разумному, не нуждающемуся ни в каких чудесах и таинствах обоснованию. Толстой по-новому определил место и роль разума в человеческой жизни» [Гусейнов, 2002, с. 90].

Богатство русского менталитета нашло яркое выражение в творчестве Толстого: земляне находили в нем то, что им казалось наиболее нужным; то, чего казалось им недоставало:

англичане — чувство («Неумение отдаться чувствам, — признавал Д. Голсуорси, — наш большой недостаток» [Голсуорси, 1962, с. 372]);

немцы — морализаторство, высокую нравственность;

французы — особенности восприятия Толстым жизни, его широту и панорамность;

американцы — духовность;

испанцы — родственность и близость и т. д.

Толстой-литератор, философ и публицист был гражданином мира. Действительно, в статьях, эссе, трактатах, письмах, порой даже частных, он обращался ко всем людям Земли. И несмотря на это Толстой — чисто русское явление. В его творчестве: литературном, философском и публицистическом — сильны традиции древнерусской литературы, духовной публицистики с их обращенностью к высоконравственным проблемам, основным проблемам человеческого духа и бытия, с их учительством.

Писатель и публицист Толстой жил в особом временном пространстве, которое было тесно связано с прошлым, настоящим и будущим. В его творчестве перекликались эпохи, смыкались традиции России и новации современности. Возможно, его измерение времени было иным, отличалось от общецивилизационного. Оно было более сжатым, поэтому Толстой видел дальше других, поэтому его выводы и рекомендации не соотносились с общецивилизационным временем. XX век — это топтание человечества в качественном, моральном отношении на одном месте, хотя и сопряженное с поисками нового бытия.

Поставленные в его публицистике актуальные проблемы проецированы в будущее, поэтому многое в его творческом публицистическом наследии, выполняя функцию письма, обращено и к будущим поколениям — к нам. Сам Толстой оставил нам замечательный, оптимистический завет: «Этот мир не шутка, не юдоль испытания и перехода в мир лучший, вечный, а этот мир, тот, в котором мы живем, — это один из вечных миров, который прекрасен, радостен и который мы не только можем, но должны нашими усилиями сделать прекраснее и радостнее для живущих с нами и для всех, которые после нас будут жить в нем» [ПСС, т. 45, с. 481].

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Амфитеатров А. В. Евгений Пассек // Амфитеатров А. В. Собр. соч.: в 37 т. Т. 35. Свет и сила. Пг.: Просвещение, 1915. С. 174–179.

Амфитеатров А. В. Жизнь человека, неудобного для себя и для многих: в 2 т. / вступ. ст., подгот. текста и коммент. А. И. Рейтблата. Т. 2. М.: Нов. лит. обзор., 2004.

Амфитеатров А. В. Лев Толстой «на дне» // Возрождение. 1928. 9 сент.

Апостолов Н. Н. Лев Толстой и русское самодержавие: факты, воспоминания, документы. М.; Л.: Гослитиздат, 1930.

Б<ахметье>в Н. Толстой и цензура // Новое время. 1908. 1 окт.

Бабаев Э. Г. Лев Толстой и русская журналистика его эпохи. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1978. 292 с.; 2-е изд. 1993. 285 с.

Баскаков В. Н., Хализев В. Е. Немирович-Данченко Василий Иванович // Русские писатели 1800–1917: биограф. словарь: в 4 т. Т. 4. М.: Бол. Рос. энцикл., Фианит, 1999. С. 282–285.

Березовская В. В. Изображение Крымской войны в литературе 50-х годов XIX века // Науч. зап. Полтав. гос. пед. ин-та. 1963. Т. XIII, вып. 2. Литература, жизнь, мастерство. С. 64–77.

Бирюков П. В. Биография Л. Н. Толстого: в 2 т. Т. 1. М.: Алгоритм, 2000.

Бирюков, Павел. Биография Льва Николаевича Толстого: в 4 т. М.; Пг.: Гос. изд-во, 1923.

Варшавский С. Л. Н. Толстой и русско-японская война // Лит. современник. 1934. № 4. С. 143–163.

Верещагин В. В.: выставка произведений: путеводитель / сост. В. В. Толстая. М., 1958.

Виттакер Р. (США). Рукописи Л. Н. Толстого и материалы о нем в архивах Нью-Йорка // Рус. литература. 1989. № 2.

- Военная энциклопедия: в 18 т. / под ред. В. Ф. Новицкого и др. Т. 14. СПб.: Т-во И.Д. Сытина, 1913.
- Волковский Н. Л. История информационных войн: в 2 т. Т. 1. СПб.: Полигон, 2003.
- Голсуорси, Джон. Собрание сочинений: в 16 т. Т. 16. М.: Правда, 1962.
- Громова Л. П. В. Н. Бекетов — цензор «Современника» // У мысли стоя на часах...: цензоры России и цензура / под ред. Г. В. Жиркова. СПб.: С.-Петербург. гос. ун-т, Ф-т журн., 2000. С. 85–100.
- Гудзий Н. К. Комментарии // Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: репринт. воспроизв. изд. 1928–1958 гг.: в 90 т. Т. 36. М.: Terra, 1992. С. 606.
- Гусев А. Ф. Граф Л. Н. Толстой, его исповедь и мнимо-новая вера. Ч. 1. М.: Университет. типогр., 1890. 460 с.
- Гусев А. Ф. Л. Н. Толстой, его исповедь и мнимо-новая вера // Правосл. обзор. 1886. Февр.
- Гусейнов А. А. Евангелие от Толстого (о трактате «Закон насилия и закон любви») // Философия ненасилия Л. Н. Толстого: точки зрения. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002.
- Дмитровский А. Л. Жанр эссе: очерк теории жанра. Орел: Орлов. гос. ун-т, 2006.
- Дневник Алексея Сергеевича Суворина / подгот. текста и предисл. Д. Рейфилда, О. Макаровой. М.: Независ. газета; London: The Garnett Press, 1992.
- Дни петербургской философии-2013: матер. науч. конф. «Лев Толстой и новое жизнепонимание: к 185-летию со дня рождения великого писателя и мыслителя» // Вече: журн. рус. философии и культуры. 2013. № 25. С. 7–74.
- Дорошенко С. С. Лев Толстой — воин и патриот: военная служба и военная деятельность. М.: Сов. писатель, 1966.
- Дружинин А. В. «Метель», «Два гусара»: повести графа Л. Н. Толстого // Библиотека для чтения. 1856. Т. 139. Отд. V. Критика.
- Евгеньев В. [Евгеньев-Максимов В. Е.] Цензурная практика в годы Крымской войны // Голос минувшего. 1917. № 11–12, ноябрь — дек.
- Евгеньев-Максимов В. Е., Тизенгаузен Г. Ф. Последние годы «Современника». 1863–1866. Л.: Гослитиздат, 1939.
- Евгеньев-Максимов В. Е. «Современник» в 40–50-е годы: от Белинского до Чернышевского. Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1934.
- Евгеньев-Максимов В. Е. «Современник» при Чернышевском и Добролюбове. Л.: Гослитиздат, 1936.
- Жданов В. Л. Н. Толстой в «Ученых записках» // Рус. лит. 1962. № 4.
- Жирков Г. В. Век официальной цензуры // Очерки русской культуры XIX в.: в 6 т. Т. 2. Власть и культура. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2000. С. 183–204.

Жирков Г. В. Золотой век журналистики России: история русской журналистики 1900–1914 годов: учеб. пособие. СПб.: С.-Петербург. гос. ун-т, Ф-т журн., 2011.

Жирков Г. В. И. И. Панаев и Л. Н. Толстой: редактор и автор // Мастерская публициста: опыт прошлого и настоящего: сб. статей. Вып. 8. СПб.: С.-Петербург. гос. ун-т, Высшая шк. журн. и масс. коммуникаций, 2014. С. 53–71.

Жирков Г. В. История цензуры в России XIX–XX вв.: учеб. пособие. М.: Аспект Пресс, 2001.

Жирков Г. В. Л. Н. Толстой и цензура. СПб.: Роза мира, 2009.

Жирков Г. В. Эпоха Петра Великого: основание русской журналистики. СПб.: С.-Петербург. гос. ун-т, Ф-т журн., 2003.

Журналистика русского зарубежья XIX–XX веков: учеб. пособие / А. Ф. Бережной, Н. Л. Волковский, Л. П. Громова и др.; под ред. Г. В. Жиркова. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2003.

Заборова Р. Материалы о Л. Н. Толстом, хранящиеся в Государственной публичной библиотеке // Рус. лит. 1960. № 4.

Зверев А. М., Туниманов В. А. Лев Толстой. М.: Мол. гвардия, 2006.

Канторович В. Заметки о современном очерке. М.: Сов. писатель, 1962.

Карякин В. Н. Московская охранка о Л. Н. Толстом и толстовцах // Голос минувшего. 1918. № 4–6.

Книга в России. 1881–1895: сб. / под ред. И. И. Фроловой. СПб.: Изд-во Рос. нац. б-ки, 1997.

Ковалев В. А. Лев Толстой и русская журналистика // Вестн. Моск. ун-та. Сер. VII. Филология, журналистика. 1960. № 6. С. 19–20.

Ковалев В. А. Творческий путь Л. Н. Толстого (1828–1910): учеб.-метод. пособие. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1988.

Комарницкий А. Севастополь в начале 1855 года // Одес. вестн. 1855. 2 апр.

Кони А. Ф. Собрание сочинений: в 8 т. / под общ. ред. В. Г. Базанова, Л. Н. Смирнова, К. И. Чуковского. Т. 8. М.: Юрид. лит., 1969.

Короленко В. Г. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 8. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1955.

Короленко Вл. Г. Черточка из автобиографии // «Русские ведомости»: 1863–1913: сб. ст. М.: Тип. Рус. ведомостей, 1913.

Кузминская Т. А. Отношение графа Льва Николаевича Толстого к войне вообще. Пг.: Тип. т-ва Д. С. Суворина «Новое время», 1915.

Купреянова Е. Н. Молодой Толстой. Тула: Тульск. кн. изд-во, 1956.

Лазурский В. Ф. Дневник // Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников: в 2 т. Т. 2. М.: Худож. лит., 1978. С. 88–89.

Лебедев Ю. В. Л. Н. Толстой на пути к «Воине и миру» (Севастополь и «Севастопольские рассказы») // Рус. лит. 1976. № 4. С. 61–82.

Лев Толстой и зарубежный мир: в 2 кн. М.: Наука, 1965. (Лит. наследство. Т. 75).

Лев Толстой и русская печать: сб. ст. 1902–1903 гг. / сост. И. В. Петровицкая. М.: Моск. гос. ун-т, Ф-т журн., 2003.

Лев Толстой и русские цари: письма к царям, публицистика, повесть, рассказ, сказки: сб. М.: Кстати, 1995. 192 с.

Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 5. М.: Политиздат, 1972.

Мамин-Сибиряк Д. Н. Полное собрание сочинений: в 12 т. Т. 2. СПб.: А. Ф. Маркс, 1915; т. 8. 1915.

Мардов И. Б. Лев Толстой на вершинах жизни. М.: Инфра-М, Прогресс-Традиция, 2003.

Мастерская публициста: опыт прошлого и настоящего: сб. статей. Вып. 8. СПб.: С.-Петерб. гос. ун-т, Высшая шк. журн. и масс. коммуникаций, 2014.

Мельгунов Б. В. Некрасов-журналист: малоизученные аспекты проблемы. Л.: Наука, 1989.

Муратов М. В. Л. Н. Толстой и В. Г. Чертков в их переписке. М.: Гос. толстовский музей, 1934.

Некрасов Н. А. Полное собрание сочинений и писем: в 15 т. Т. 11, кн. 2. Критика. Публицистика. 1847–1869. Л.: Наука, 1990; т. 13: в 2 кн. СПб.: Наука, 1997; т. 14, кн. 1. Письма 1840–1855. 1998а; т. 14, кн. 2. Письма 1856–1862. 1998б.

Неопознанный гений: памяти Никиты Петровича Гилярова-Платонова / Неопознанный гений. Памяти Н. П. Гилярова-Платонова: статьи, заметки, письма и выдержки / сост. и ред. С. Ф. Шарапов. М., 1903.

Никитина Н. А. Лев Толстой как великий транслятор коммуникативных смыслов // Л. Н. Толстой в мировом коммуникативном процессе: тезисы межвуз. науч. конф. / под ред. Г. В. Жиркова. СПб.: С.-Петерб. гос. ун-т, Ф-т журн., 2008.

Опульская Л. Предисловие // Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. Т. 29. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1954.

Опульская Л. Д. Лев Николаевич Толстой: матер. к биогр. с 1892 по 1899 г. М.: Ин-т мировой лит. РАН, 1998.

Ореханов Г., свящ. Русская Православная Церковь и Л. Н. Толстой: конфликт глазами современников. М.: Изд-во Правосл. Свято-Тихон. гуманитар. ун-та, 2010.

Переписка И. С. Тургенева: в 2 т. Т. 1. М.: Худож. лит., 1986.

Переписка Л. Н. Толстого с А. А. Толстой. СПб.: О-во Толстовского музея, 1911.

Переписка Л. Н. Толстого с Н. Н. Страховым. 1870–1894. СПб.: О-во Толстовского музея, 1914.

Петровицкая И. В. Комментарии // Толстой, Лев. Пора понять: избр. публицист. статьи (1880–1910 гг.) / сост. И. В. Петровицкой. М.: ВК, 2004а.

Петровицкая И. В. Л. Н. Толстой — публицист: предисловие // Толстой, Лев. Пора понять: избр. публицист. статьи (1880–1910 гг.) / сост. И. В. Петровицкой. М., 2004б.

Петровицкая И. В. Лев Толстой — публицист и общественный деятель. М.: Эдиториал УРСС, 2013. 640 с.

Писемский А. Ф. Материалы и исследования. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1946.

Письма графа Л. Н. Толстого к жене. М.: Тов-во скоропечатни А. А. Левенсон, 1913.

Позойский С. И. Лев Толстой как журналист и редактор. Тула: Приокск. книж. изд-во, 1964; 2-е изд. 1985.

Розенберг, Владимир. Л. Н. Толстой и «Русские ведомости» // Русские ведомости. 1863–1913: сб. статей. М.: Типогр. Рус. ведомостей, 1913.

Розенблюм Н. Лев Толстой в неизданной переписке и воспоминаниях современников // Рус. лит. 1960. № 4. С. 160.

Роллан, Ромен. Собрание сочинений: в 14 т. Т. 2. М.: Худож. лит., 1954.

Русская критическая литература о произведениях Л. Н. Толстого: хронол. сб. критико-библиогр. статей: в 5 ч. / собрал В. Зелинский. Ч. I. 3-е изд. М.: Тип. Вильде, 1903.

Рыбас А. Е. Метафизика «Исповеди» Толстого // Вече: журн. рус. философии и культуры. 2013. № 25. С. 47–60.

Рэдферн, Дэвид. Толстой: принципы нового мирового порядка : пер. с англ. М.: Сакура, 1993.

Сборник дипломатических документов, касающихся переговоров между Россией и Японией о заключении мирного договора 24 мая — 3 октября 1905. СПб.: Мин-во иностр. дел, 1906.

Серебровская Е. С. «Рабство нашего времени»: история писания и печатания и описание рукописей // Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: репринт. воспроизв. изд. 1928–1958 гг.: в 90 т. М.: Терра, 1992. Т. 34. С. 563–566.

Скабичевский А. М. Очерки по истории русской цензуры (1700–1863). СПб.: Изд. Ф. Павленкова, 1892.

Славони Г. Письмо из Севастополя от 21 декабря 1854 г. // Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя. Вып. 5. СПб.: Типогр. Департамента уделов, 1874. С. 179–187.

Смирнов, Николай. «Ясная Поляна» Льва Толстого. Тула: Приокск. книж. изд-во, 1991.

Спиридонов В. С. Л. Н. Толстой: биобиблиография. Т. I. 1845–1870. М.; Л.: Academia, 1933.

Спирин Л. Н. Крушение помещичьих и буржуазных партий в России (начало XX в. — 1920 г.). М.: Мысль, 1977.

Срезневский В. И. О военном журнале Л. Н. Толстого и его сотоварищей по армии (1854) // Толстой. 1850–1860: матер., статьи / под ред. В. И. Срезневского. Л.: Изд-во АН СССР, 1927.

Статистические сведения о стачках рабочих на фабриках и заводах за 10-летие 1895 — 1904 / сост. В. Е. Варзар. СПб., 1905.

Ткачев, Александр. Лев на бастионах: ист. повествование. М.: Красная звезда, 1992. 125 с.

Толстая С. А. Моя жизнь: в 2 т. Т. 2. М.: Кучково поле, 2011.

Толстая С. А. Письма к Л. Н. Толстому. М.; Л.; Academia, 1936.

Толстой И. Л. Мои воспоминания. М.: Худож. лит., 1969.

Толстой Л. Н. Анна Каренина: роман графа Л. Н. Толстого: в 8 ч. Ч. 8. М.: Тип. Т. Рис, 1877.

Толстой Л. Н. К политическим деятелям. СПб.: Борьба, 1906.

Толстой Л. Н. К рабочему народу. Берлин: Изд. Гуго Штейница, 1902; 2-е изд. 1930. (Собр. лучших русских произведений. Ч. 42).

Толстой Л. Н. о литературе: статьи, письма, дневники. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1955.

Толстой Л. Н. — Страхов Н. Н. Полное собрание переписки: в 2 т. Т. 2. Оттава, М., 2003.

Толстой Л. Н. Переписка с русскими писателями. М.: Гослитиздат, 1962.

Толстой Л. Н. Переписка с русскими писателями: в 2 т. / сост., вступ. ст. и примеч. С. А. Розановой. 2-е изд., доп. Т. 1. М.: Худ. лит., 1978.

Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: репринт. воспроизв. изд. 1928–1958 гг.: в 90 т. М.: Терра, 1992.

Толстой Л. Н. Полное собрание художественных произведений: в 15 кн. Кн. 2. М.: Гос. изд-во, 1928.

Толстой, Лев. Пора понять: избр. публицист. статьи (1880–1910 гг.) / сост. И. В. Петровицкая. М.: ВК, 2004.

Толстой С. Л. Очерки былого. Тула: Приокск. книж. изд-во, 1975.

Томашевский Б. В. Стилистика и стихосложение. Л.: Учпедгиз, 1959.

Тургенев и круг «Современника»: неизданные материалы. 1847–1961. М.; Л.: Academia, 1930.

Фет А. А. Воспоминания. М.: Правда, 1983.

Цимеринов Б. М. Произведения о Крымской войне перед судом царской цензуры // Революционная ситуация в России 1859–1861 гг. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 214–223.

Чехов А. П. Собрание сочинений: в 12 т. Т. 12. М.: Изд-во худож. лит., 1964.

- Чубаков С. Н. Лев Толстой о войне и милитаризме. Минск: Изд-во Белорус. ун-та, 1973.
- Шаховская М. Г. Л. Н. Толстой и журнал «Современник»: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1990.
- Шашкова Е. В. Журнально-критическая деятельность И. И. Панаева: Дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2007.
- Шифман А. И. Лев Толстой и Восток. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Наука, 1971.
- Шифман А. И. Публицистика Л. Н. Толстого Первой русской революции // Лев Толстой: матер. и публикации. Тула: Тульск. книж. изд-во, 1958а.
- Шифман А. И. Статья «Не могу молчать» Л. Н. Толстого. Тула: Тул. книж. изд-во, 1958б.
- Шифман А. И. Страницы жизни Льва Толстого: очерки. М.: Сов. Россия, 1983.
- Шкловский В. Лев Толстой. М.: Мол. гвардия, 1963. (Жизнь замечательных людей).
- Эйхенбаум Б. М. О литературе. М.: Сов. писатель, 1987.
- Энциклопедический словарь: в 86 полутамах. Т. 33, полутом 65. СПб.: Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон, 1901.
- Эпштейн М. Н. Парадоксы новизны: о литературном развитии XIX–XX веков. М.: Сов. писатель, 1988.
- Янжул И. И. Моё знакомство с Толстым // О Толстом: междунар. толстовский альманах / сост. П. Сергеевко. М.: Книга, 1909. С. 407–425.
- Янов А. Л. Россия против России: очерки истории русского национализма. 1825 — 1921. Новосибирск: Сибир. хронограф, 1999.
- Redfearn, David. Tolstoy: Principles of a new world order / forew. by Anatoly Gorelov. London: Shephard-Walwin, 1992.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. Творческий путь Л. Н. Толстого и место в нем публицистики.
2. Публицистика Л. Н. Толстого: ее проблемно-тематической комплекс.
3. Публицистика Л. Н. Толстого: ее жанровая палитра.
4. Публицистика Л. Н. Толстого: ее исследовательское начало.
5. Визуальные особенности публицистики Л. Н. Толстого.
6. Эссеизм публицистики Л. Н. Толстого.
7. Л. Н. Толстой и журналистика его времени.
8. Л. Н. Толстой и цензура.
9. Борьба Л. Н. Толстого за свободу слова.
10. Л. Н. Толстой-публицист и Русская Православная церковь.
11. Л. Н. Толстой — военный публицист.
12. Антивоенная публицистика Л. Н. Толстого.
13. «Исповедь» Л. Н. Толстого и ее значение в духовной и социальной жизни общества.
14. Политические письма Л. Н. Толстого.
15. Духовно-нравственная публицистика Л. Н. Толстого.
16. Л. Н. Толстой — публицист и организатор борьбы с голодом в России.
17. Л. Н. Толстой и массовая аудитория.
18. Мастерство Л. Н. Толстого — публициста.
19. Актуальный Л. Н. Толстой.
20. Планетарность публицистики Л. Н. Толстого.

РЕКОМЕНДАЦИИ

Дополнительную фактографию о публицистической деятельности Толстого и ее разработку можно получить в научной литературе. В этом могут оказать помощь названные нами ранее сборники, составленные И. В. Петровицкой; публикации автора пособия, перечисленные в предложенном ниже списке. При более углубленном подходе к теме можно найти литературу в большом числе составленных библиографий. Проблемный обзор научной литературы о творчестве Л. Н. Толстого дан автором пособия во вступительной статье «Традиции и инновации в исследованиях творческого наследия Л. Н. Толстого» к сборнику «Л. Н. Толстой в мировом коммуникативном процессе» (2008). В Интернете на сайтах факультета журналистики МГУ и И. В. Петровицкой (<http://www.jorn.msu.ru> и <http://petrovitskaya.lifeware.ru>) представлено 90-томное собрание сочинений Л. Н. Толстого.

НАУЧНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ АВТОРА

ПО ТЕМЕ

Монографии

Жирков, Г. В. Л. Н. Толстой и цензура / Г. В. Жирков. СПб. : Роза мира, 2009. 320 с.

Жирков, Г. В. Предсмертная цензурная неделя Л. Н. Толстого : астаповская драма / Г. В. Жирков. СПб. : С.-Петербург. гос. ун-т, Филол. ф-т, 2011. 148 с.

Статьи

Жирков, Г. В. Нравственная публицистика Л. Н. Толстого / Г. В. Жирков // СМИ в современном мире : Петерб. чтения : тезисы межвуз. конф. СПб. : С.-Петербург. гос. ун-т, Ф-т журн., 2006. С. 178–192.

Жирков, Г. В. Матвей Комаров или Лев Толстой? / Г. В. Жирков // Жирков, Г. В. Журналистика : исторические этюды и портреты. СПб. : Роза мира, 2007. С. 233–297.

Жирков, Г. В. Традиции и инновации в исследованиях творческого наследия Л. Н. Толстого: [вступ. статья] / Г. В. Жирков // Л. Н. Толстой в мировом коммуникативном процессе : тезисы межвуз. науч. конф. / под ред. Г. В. Жиркова. СПб. : Роза мира, 2008. С. 3–17.

Жирков, Г. В. Нравственные основы толерантности : уроки жизни Л. Н. Толстого / Г. В. Жирков // Ценностное содержание журналистики : культура социальных отношений и межкультурное взаимодействие в обществе : матер. науч.-практ. конф. СПб. : Роза мира, 2008. С. 191–213.

Жирков, Г. В. Л. Н. Толстой как редактор «Посредника» / Г. В. Жирков // Журналистика XXI века : исторический опыт и современное развитие :

межвуз. сб. Вып. X / под ред. А. А. Магометова. Владикавказ : Изд-во Сев.-Осет. ун-та, 2008. С. 51–70.

Жирков, Г. В. Жанр эссе в творчестве Л. Н. Толстого / Г. В. Жирков // Вестн. Новгород. гос. ун-та. 2009. Вып. 52. С. 39–43.

Жирков, Г. В. Политические письма Толстого / Г. В. Жирков // Мастерская публициста : опыт прошлого и настоящего : сб. ст. Вып. 6 / под ред. Г. В. Жиркова. СПб. : Роза мира, 2009. С. 38–67.

Жирков, Г. В. Толстой и цензура / Г. В. Жирков // Изв. Южн. федерал. ун-та. Филол. науки. 2009. № 2. 110–134.

Жирков, Г. В. «Свободное слово»; Политические письма Л. Н. Толстого; Определение Святейшего Синода о Л. Н. Толстом / Г. В. Жирков // Жирков Г. В. Золотой век журналистики России : история русской журналистики 1900–1914 годов : учеб. пособие. СПб. : С.-Петербург. гос. ун-т, Ф-т журн., 2011. С. 177–182, 213–225, 236–242.

Жирков, Г. В. Астаповский репортаж журналистов России / Г. В. Жирков // Мастерская публициста : опыт прошлого и настоящего : сб. ст. Вып. 7 / под ред. Г. В. Жиркова. СПб. : С.-Петербург. гос. ун-т, Ф-т журн., 2011. С. 30–50.

Жирков, Г. В. Духовно-нравственная публицистика Л. Н. Толстого в контексте мирового информационного процесса / Г. В. Жирков // Л. Н. Толстой в движении эпох : философские и религиозно-нравственные аспекты наследия мыслителя и художника : матер. Междунар. толстов. форума, посвящ. 100-летию со дня смерти Л. Н. Толстого (пос. Лев Толстой Липецкой обл. — Тула, Ясная Поляна Тульской обл. — Москва, 20–25 ноября 2010 г.): в 2 ч. Ч. II. М. : Гос. музей Л. Н. Толстого, 2011. С. 192–201.

Жирков, Г. В. У истоков создания Толстовского музея : роль журналистики / Г. В. Жирков // Юбилейный сборник : матер. науч. сессии 25 ноября — 1 дек. : к 100-летию Гос. музея Л. Н. Толстого. М. : Гос. музей Л. Н. Толстого, 2012. С. 90–99.

Жирков, Г. В. И. И. Панаев и Л. Н. Толстой : редактор и автор / Г. В. Жирков // Мастерская публициста : опыт прошлого и настоящего : сб. ст. Вып. 8 / под ред. Г. В. Жиркова. СПб. : С.-Петербург. гос. ун-т, Высш. школа журн. и масс. коммуникаций, 2014. С. 53–71.

Сборник под редакцией

Л. Н. Толстой в мировом коммуникативном процессе : тезисы межвуз. науч. конф. / под ред. Г. В. Жиркова. СПб.: Роза мира, 2008. 81 с.

Учебное издание

Геннадий Васильевич Жирков

Л. Н. ТОЛСТОЙ — ПУБЛИЦИСТ

Учебное пособие

Редактор И. А. Богданова

Макет и оформление обложки: П. Ч. Хан

Верстка: Е. П. Смирнова

Формат 60X84¹/₁₆ Гарнитура CharterITC.

Печ. л. 8,75. Тираж 100 экз. Заказ 84.

Оригинал-макет изготовлен в Отделе допечатной подготовки
Института «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций»

Санкт-Петербургского государственного университета

199034, Санкт-Петербург, 1-я линия В.О., д. 26.